

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М. А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской Академии Образования

Е. В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Харьков, Украина)

Д. Байчунь, доктор философии, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Пекин, Китай)

Т. М. Кальво Мартинес, доктор философии, профессор, директор Парижского международного института философии (Мадрид, Испания)

В. Макбрайд, доктор философии, профессор, Президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)

А. Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана.

С. Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

В. С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН

М. А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

А. В. Шестопал, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия» Московского государственного института международных отношений (Университета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **С. Н. Сильвестров**, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета
А. В. Брега, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета

М. В. Вальяно, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

Е. В. Ганина, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета

Е. В. Зорина, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

Е. В. Лаптева, доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

В. А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета

А. Н. Лебедев, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета

И. Л. Масленникова, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Русский язык» Финансового университета

Т. М. Махаматов, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета

Т. Н. Николаева, доцент кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета

Е. А. Орлова, доктор психологических наук, профессор кафедры «Прикладная психология» Финансового университета

О. Н. Петрова, кандидат технических наук, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета

Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета

Г. Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета

И. Н. Шапкин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

Учредитель: Финансовый университет

Заведующий редакцией научных журналов **В.А. Шадрин**
 Выпускающий редактор **Д.З. Музашвили**, к. ф. н.
 Верстка **С.М. Ветров**
 Корректор **О.Ф. Федосова**,
М.С. Лещинер
 Перевод **Г.Г. Пушкина**

Подписано в печать 03.04.2014.
 Формат 60 x 84 1/8.
 Объем 10 п. л. Тираж – 183 экз.
 Заказ № 48

Адрес редакции:
 125993, Москва, ГСП-3,
 Ленинградский пр-т, 51, к. 105
 Телефон: 8(499)943-94-82;
 e-mail: gum-nauki@yandex.ru
 Издание зарегистрировано
 в Федеральной службе
 по надзору в сфере связи,
 информационных технологий
 и массовых коммуникаций.
 Свидетельство о регистрации:
 ПИ №ФС77-47101
 от 24 октября 2011 г.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте или на диске). При этом необходимо указать: ФИО, место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны, e-mail. Название статьи, сведения об авторе, краткая аннотация (600–800 зн.) и ключевые слова (5–10 сл.) должны быть представлены на русском и, желательно, на английском языках. Список литературы должен содержать библиографические данные обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. Список использованной литературы (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Литература». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием порядкового номера источника и номера страницы через запятую. Объем статьи — до 1 п. л. Редакция оставляет за собой стилистическое редактирование, а при необходимости и сокращение материала, публикуемого в журнале.

ФИЛОСОФИЯ

С.А. Степанов, А.М. Тарко
Государство и гражданское общество: критерии оценки их взаимодействия 4

Е.Г. Панов
Социальные характеристики римского налогообложения 15

М.И. Билалов
Метаморфозы дагестанского образования 24

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.В. Брега
Управление политическим конфликтом 33

В.В. Кафтан
Идеологические основания террористической деятельности 38

ИСТОРИЯ

Р.М. Черных
Особенности реформирования в дореволюционной России 43

В.Ю. Байбиков
Денежная реформа С.Ю. Витте в оценке консерваторов . . . 52

ПСИХОЛОГИЯ

А.Н. Лебедев
Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности 58

ЛИНГВОДИДАКТИКА

М.А. Гагарина, Т.С. Полунина
Трудности употребления и перевода фразовых глаголов в финансово-экономическом дискурсе 64

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

М.Г. Харченко
Метод конкретных ситуаций как способ формирования профессионального мышления 68

Е.Е. Долгалёва
Особенности организации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе 72

О.В. Львова
Использование технологии «Дебаты» при обучении иностранному языку 76

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.И. Лаврушин, Н.М. Кишлакова, Т.М. Махаматов
Методология исследования денежно-кредитных отношений 80

ЮБИЛЯРЫ

Т.В. Седова 85

PHILOSOPHY

S. A. Stepanov, A. M. Tarko
**State and Civil Society:
 Criteria for Assessing the Interaction**4

E. G. Panov
Social Characteristics of Roman Taxation ...15

M. I. Bilalov
Metamorphosis of the Dagestan Education ...24

POLITICAL SCIENCE

A. V. Brega
Management of Political Conflict33

V. V. Kaftan
Ideological Bases of Terrorist Activities38

HISTORY

R. M. Chernyh
**Features Reform
 in Pre-Revolutionary Russia**43

V. Yu. Baybikov
**Monetary Reform S.U. Witte
 in Assessing Conservatives**52

PSYCHOLOGY

A. N. Lebedev
**Psychological Mechanisms
 of Social Memory in Conditions
 Value-Conceptual Uncertainty**58

LINGUODIDACTICS

M. A. Gagarina, T. S. Polunina
**Phrasal Verbs
 in Financial Discourse:
 Difficulties in Translation
 and Usage**64

EDUCATION PROBLEMS

M. G. Kharchenko
**Case Studies as the Way to Extend
 Educational Possibilities
 of Future Specialist**68

E. E. Dolgaleva
**Main Characteristics
 of the Students' Educational
 and Cognitive Activity in Learning
 a Foreign Language**72

O. V. Ljvova
**Using Technology «Debate»
 when Learning a Foreign Language**76

SCIENTIFIC LIFE

*O. I. Lavrushin,
 N. M. Kishlakova,
 T. M. Mahamatov*
**Research Methodology
 Monetary Relations**80

ANNIVERSARIES

T.V. Sedova85

УДК 321.01:347.471 (045)

Государство и гражданское общество: критерии оценки их взаимодействия

СТЕПАНОВ СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ)

E-mail: president@mnepu.ru

ТАРКО АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Информационно-вычислительного Центра РАН

E-mail: tarko@bmail.ru

Аннотация. С использованием международных индексов в статье сделана попытка определить степень реализации государством его конституционной обязанности по обеспечению достойной жизни и свободного развития граждан России как неперемennого условия создания гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество; достоинство; композитный индекс; развитие личности; сравнительный анализ.

State and Civil Society: Criteria for Assessing the Interaction

STANISLAV A. STEPANOV

Ph. D. (History), Ph.D. (Pedagogics), Professor, International Independent University of Environmental & Political Sciences (Academy MNEPU)

E-mail: president@mnepu.ru

ALEXSANDR M. TARKO

Ph. D. (Physical and Mathematical Sciences), Professor, Senior Researcher, Information computer center RAN

E-mail: tarko@bmail.ru

Abstract. The article is focused on state projecting of humanity policy and level realization constitution duty of state to provide condition for worthy life and free development individual in Russia as general condition of creation civil society.

Keywords: civil society; free development individual; range index; worthy life.

В связи с раздающимися на разных этажах власти призывами сформулировать национальную идею следует напомнить, что поверхностным и околонульным рассуждениям на эту тему в прессе 90-х годов прошлого века известный российский ученый и общественный деятель академик Н.Н. Моисеев противопоставил проблему определения национальных целей, реализация которых позволила бы «объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода

из смутного времени» [1, с. 41]. При этом ученый подчеркивал, что «национальные цели для любого народа во все времена были по существу одними и теми же — обеспечение «благоденствия» народа — цель, высказанная еще Цицероном» [1, с. 41].

Среди национальных целей современной России Н.Н. Моисеев выделял: социально-политические и экономические перспективы развития России, отношение России к Европе и место первой в евразийстве, интеграцию славянских народов России,

Украины и Белоруссии, целенаправленное расширение внутреннего экономического рынка России для ее устойчивого развития в условиях глобализации и безграничной деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Исходя из выгодного географического положения нашей страны между Западом и Востоком, ученый предложил в качестве базовой национальной цели усилить роль России как межкультурного моста (Россия выступает как учредитель компромиссов между Западом и Востоком) и трансконтинентального пути, возобновив для этого на новой технологической основе деятельность Северного морского пути. Намечая подходы к определению национальных целей, Н.Н. Моисеев констатировал, что «либерализм, социальная ориентация экономики, воспроизводство квалификации и культуры при направляющей роли государства, действующего под контролем гражданского общества, — таковы требования современного этапа. Это еще не цель, но необходимая предпосылка» для ее определения [1, с. 41].

В России сегодня идет трудный процесс формирования гражданского общества. При всем наличии его формальных признаков: конституционное разделение ветвей власти, парламент с имеющимися в нем политическими фракциями, активная неформальная оппозиция внепарламентских партий и политических движений, наличие среднего и малого бизнеса, профессиональные объединения и ассоциации — становление и развитие гражданского общества сдерживаются старыми долгами перед народом государства прежней системы и государства нынешней России. К ним относятся: нерешенность жилищной проблемы и нестабильное продовольственное обеспечение; ощущение гражданами незащищенности от криминала, коррупции и терроризма; системный кризис в социальной сфере, где образование, здравоохранение, культура постепенно превращаются в сферу коммерческих услуг, а благополучие пенсионеров зависит от «милостей» чиновников и несовершенства законодательства; невыполненное обязательство страны — преемника советской империи по моральной и материальной компенсации жертвам и родственникам политических репрессий, а также пострадавших от техногенных аварий («Маяк», Чернобыль и др.) и испытания ядерного оружия (Семипалатинск, Капустин Яр, Тоцкий полигон); наконец, незавершенность инфраструктуры страны при всем многообразии и протяженности телефонных линий связи, водных, воздушных, морских, железнодорожных, автомобильных путей

сообщения, газовых, нефтяных и нефтепродуктовых трубопроводов и как следствие — неравномерное экономическое развитие и низкий уровень жизни людей.

Известно, что качество как философская категория выражает сущность объекта, благодаря которой (категории) он является именно этим, а не иным [2, с. 471], а качество жизни как социологическая категория выражает качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды, структура досуга, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, знаниях, творческом труде, уровень стрессовых состояний, структура расселения и др.).

Некоторые отечественные исследователи используют определение качества жизни (англ. — quality of life, сокр. — QOL; нем. — Lebensqualität, сокр. — LQ) как категорию, с помощью которой характеризуются существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека. При этом подчеркивается, «что качество жизни не тождественно уровню жизни, включая и наиболее изощренные виды его определения, например, жизненные стандарты (living standarts), поскольку различные экономические показатели дохода выступают только одним из многих (как правило, не менее пяти) критериев качества жизни». При этом приводится пример с ситуацией в СССР 60–70-х годов, когда качество жизни советского населения в целом было не ниже качества жизни населения ведущих западных стран, хотя уровень жизни в СССР был примерно в два раза ниже. Можно привести и другие примеры, так, в бытность СССР эскимосов переселили из чумов в комфортабельные дома, уровень их жизни повысился, но уровень смертности вдруг резко тоже повысился и, как сформулировал один из социологов, «они стали вымирать от тоски»; или, например, в ГДР после присоединения к ФРГ материальные условия «новых» немцев улучшились в 3–5 раз, однако уровни самоубийств, преступности и смертности резко выросли. Философия качества жизни, — как отмечают исследователи, — в конце XX в. выходит на первый план в государственной политике и социальной работе в наиболее развитых странах мира — в Канаде, Великобритании и Швеции, поскольку через качество жизни возможно осуществлять интегральную

Таблица 1

Выдержки из конституций ряда государств по обеспечению достойной жизни и свободного развития их граждан [6]

Страна	Редакция конституционных обязанностей
Российская Федерация	«РФ – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»
Украина	«Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей ценностью»
Беларусь	«Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности»
КНР	«Государство гарантирует законные права и интересы всех национальностей... взаимопомощь всех национальностей»
Финляндия	«Конституция должна обеспечить неприкосновенность человеческого достоинства, свободы и права частных лиц, а также содействовать законности в обществе»
ФРГ	«Государство, осознавая ответственность перед будущими поколениями, защищает также естественные основы жизни»
США	«... установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим...»

оценку эффективности управления в постэкономическую эпоху [3].

Качество жизни отражает достойное или недостойное положение человека в гражданском обществе и стране проживания.

Достоинство человеческой личности — и это обозначено в энциклопедическом словаре — проявляется в способности независимого ценностного выбора и нестереотипного поведения. Более того, подчеркивается ориентированность и направленность видения в каждом ближнем и дальнем, как и в самом себе, полноценной человеческой личности [4, с. 112].

Одним из важнейших условий достойной жизни, как отмечается в Докладе о развитии человека 2010 г. «Реальное богатство народов: пути к развитию человека», подготовленном ООН в рамках исследований, проводимых по Программам развития этой организации (ПРООН), является достойный труд, который позволит ликвидировать не только экономическую бедность человека, но и бедность в целом. Только при этом станет возможным реализовать права человека на здоровье и образование, а также многие другие неотъемлемые права человека, объединяемые общим смыслом высокого качества жизни [5, с. 11–12]. Отсюда следует, что достойная жизнь включает в себя такие характеристики, как достойная жизнь на пенсии, достойная зарплата, достойное образование и медицинское обслуживание, достойный уровень сервиса, достойные физическое развитие и спорт. Однако невозможно назвать достойной жизнь футболистов с ее высоким уровнем качества, если команды, в которых

они играют, одерживают спортивные победы с помощью иностранных тренеров и многочисленных иностранных форвардов, если иметь в виду национальный признак таких команд.

В связи с этим определение «достойная жизнь», использованное в Конституции РФ, следует рассматривать как синтез качества жизни и возможности индивидуума использовать это качество по своему убеждению в рамках конституционных прав и обязанностей, в процессе своего свободного, демократического развития как личности.

С учетом этого обратимся к Основному закону страны — Конституции Российской Федерации, к тому, как в этом документе сформулирована главная задача государства, отражающая национальные цели. Статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Сравнительный анализ этой концептуальной части Российской Конституции с конституциями многих стран мира (табл. 1) показывает ее четкость, лаконичность и социальную ориентированность экономического развития страны в демократических условиях. Все остальные положения: политическое устройство, структура власти и собственности, вопросы прав граждан и безопасности, социальной политики и другие аспекты — все это составные части конституционных положений, обеспечивающих главную, концептуальную позицию Конституции Российской Федерации.

Характерной особенностью для старых европейских демократий является акцентированное внимание на государственном обеспечении достоинства людей своих стран. Так, в Конституции Швеции (1974) четко сказано, что «государственная власть должна осуществляться с уважением к достоинству всех людей вообще и к свободе и достоинству каждого человека». При этом в данном документе оговаривается не усредненное одно на всех благополучие, а то, что «различное личное, экономическое и культурное благосостояние частных лиц должно быть основной целью деятельности государства. Оно обязано обеспечить всем право на труд, жилище и образование, а также содействовать социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни» [6]. В небольшой по размерам Конституции Объединенных Арабских Эмиратов более четко определено относительно всех жителей этой ближневосточной страны, что целью союза эмиратов является «обеспечение лучшей жизни всех граждан союза» [6].

Анализируя данные в историческом ракурсе, мы заключаем, что во всех трех конституциях СССР эволюция государственных задач по обеспечению прав граждан на их нормальное проживание претерпело значительные изменения не без влияния западного конституционного права. От идеологической декларации «... новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (Конституция СССР, 1924) к государственному планированию «в интересах увеличения общественного богатства и неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся» и осуществлению принципа социализма «от каждого по его способности, каждому — по его труду» (Конституция СССР, 1936 г.), и, наконец, к провозглашению того, что «высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» (Конституция СССР, 1977).

Обращение к российской государственной статистике для определения того или иного показателя жизни граждан в нашей стране невольно наводит на печальные выводы знаменитой статьи 80-х годов «Лукавая цифра»: «будь отчетная цифра верна, мы

давно занимали бы первое место в мире по уровню жизни» [7, с. 181]. Известно также знаменитое высказывание видного международного эколога и общественного деятеля Э. Вайцзеккера: «Бюрократический социализм рухнул, потому что не позволял ценам говорить экономическую правду. Рыночная экономика может погубить окружающую среду и себя, если не позволит ценам говорить экологическую правду» [8].

И это не случайно. Все 877 статистических показателей Российского статистического ежегодника (за 2011 г.) по 26 разделам не дают какого-либо представления об уровне жизни граждан Российской Федерации. Бессистемное использование 29 индексов¹, в том числе пяти индексов международного сравнения, не дают целостной картины социально-экономического и политического положения российских граждан. Индексы в отечественной статистике, выраженные в абсолютных цифрах без смыслового сопоставления, никакого отношения к индексам в принятом в западной статистике смысле не имеют.

Так, в разделе 6 «Уровень жизни населения» указанного ежегодника даны индикаторы уровня жизни населения («Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения», «Структура располагающего дохода домашних хозяйств», «Фактическое конечное потребление домашних хозяйств», наконец, «Индексы физического объема фактического конечного потребления домашних хозяйств»), отражающие только часть социально-экономических показателей жизни человека, страдающие советским экономизмом жизни человека [2, с. 1086]. Они не раскрывают современный интегральный показатель уровня жизни, характеризующий потребление человеком не только материальных, но и духовных благ, а также степень удовлетворения потребностей в этих благах в соответствующий период развития общества. Показатель уровня жизни призван отражать благосостояние как общества в целом, так и благополучие отдельного человека, одновременно указывая на взаимосвязь с качеством жизни [9, с. 689].

Или, например, показатель смертности в сравнении с рядом других стран (35) дается в этом издании по причинам смерти (8) из расчета на 100 тыс.

¹ Индексы в статистике — относительные величины, с помощью которых сопоставляются непосредственно несоизмеримые единицы (например, оптовые цены продуктовых и непродуктовых товаров).

человек населения, благодаря чему «размывается» показатель высокой смертности в России [10, с. 746]. Этот же показатель по международной статистике указывает на реальное положение в России: 14 смертей на 1000 человек, что относит страну к странам с высоким уровнем смертности и отводит ей 15-е место в общем рейтинге [11, с. 72].

Поэтому абсолютизированные статистические данные Росстата не пригодны для измерения уровня достойной жизни и степени свободы развития личности в современной России. В некоторой степени для этой цели можно использовать рамочные индикаторы устойчивого развития, используемые в мировом сообществе после известного саммита на высшем уровне в Рио-де-Жанейро в 1992 г., принявшего «Повестку дня для XXI века» [12]. Однако, одобрив в целом этот международный документ, Российская Федерация не разработала стратегию устойчивого развития страны и не приняла систему международных индексов устойчивого развития в национальной статистике.

В мировом сообществе продолжается поиск путей по разработке новых качественных индикаторов социального прогресса для выработки более точного и адекватного статистического измерения качества жизни². Так, в международной статистике широко используются индексы, коэффициенты, индикаторы, показатели, отражающие положение человека в обществе и отношение государства к развитию личности.

Для количественной оценки (в сравнении с другими странами) положения дел в области государственного обеспечения достойной жизни и свободного развития человека в нашей стране в данной работе использованы и обобщены международные индексы и показатели, которые в агрегированном виде названы «Композитный индекс деятельности государства по обеспечению достойной жизни и свободного развития человека» (КИДР).

² В 2009 г. комиссия Стиглица-Сена-Фитусси представила многостраничный «Доклад об измерении экономического развития и социального прогресса». Комиссия под руководством нобелевского лауреата Джозефа Стиглица поставила под сомнение количественные показатели развития и прогресса и призвала национальные статорганы под эгидой международных статорганов сконцентрировать усилия на разработке новых качественных индикаторов социального прогресса для более точного измерения качества жизни. Комиссия выделила ряд направлений совершенствования статистики, в частности, по разработке системы индикаторов для измерения компонентов качества жизни. В докладе также содержится Обобщенный перечень рекомендаций.

Исходными показателями КИДР выступили следующие данные:

- индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП);
- коэффициент Джини (КД);
- индекс экономической свободы (ИЭС);
- показатель стоимости жизни (ПСЖ);
- индекс экологической эффективности (ИЭЭ);
- уровень общей смертности населения (УС);
- индекс демократии (ИД);
- расходы на образование (РО);
- индекс восприятия коррупции (ИВК).

В детализации эти показатели представляют собой конгломерат позиций, определяемых социально-экономическими, политическими, культурными условиями и факторами и обозначенных цифровыми значениями в абсолютной величине.

1. ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index), применяемый учреждениями ООН. В условиях неравных доступа к здравоохранению, образованию и доходов данный индекс человека ниже, чем среднестатистический совокупный индекс, поэтому в последние годы ИРЧП используют с учетом признака неравенства. Программа развития ООН (ПРООН) представляет ИРЧП на основе показателей средней и ожидаемой продолжительности школьного обучения, ожидаемой продолжительности жизни и уровня доходов (ВНД по ПСС — соотношение валового национального дохода на душу населения и паритета покупательной способности, выраженного в долларах США). Конкретно ИРЧП имеет значения от 0 до 100. По мировой классификации страны с индексом больше 80 считаются высокоразвитыми (с точки зрения значения для человека), от 67 до 79 — развитыми, от 50 до 66 — среднеразвитыми, ниже 50 — слаборазвитыми [11, с. 18].

2. КД — коэффициент Джини. Выражает степень материального расслоения общества и традиционно рассчитывается ЦРУ (США). Следует отметить, что это ведомство проводит достаточно большую работу в области исследования и анализа параметров развития человека во всех странах мира. Издание «Мировая книга данных», выпускаемая ЦРУ каждый год, широко используется государственными и общественными организациями многих стран мира. Например, национальные комитеты по проведению Олимпийских Игр традиционно используют данные этой организации.

3. ИЭС — индекс экономической свободы. Этот индекс рассчитывается известной общественной

организацией США «The Heritage Foundation» совместно с авторитетным журналом «The Economist». Экономические показатели данного индекса включают в себя данные о свободе труда и бизнеса, а также торговую политику, налогообложение, валютную политику, банковскую систему, правила иностранного инвестирования, имущественные права, объем экономического производства, потребляемого правительством, политику регулирования экономики, размер черного рынка и контроль над заработной платой и ценами [11, с. 241].

4. ПСЖ — показатель стоимости жизни. В предложенном варианте используются данные стоимости жизни в разных городах и странах мира, получаемые всемирно известной рекрутерской фирмой «Mercer» и публикуемые в ежегодных выпусках книги «Рейтинги и исследование качества жизни в мире». Показатели приведены в баллах для разных городов мира. Однако, если имеются данные для нескольких городов одной страны (например, для Китая были представлены цифры по четырем городам), то высчитывается их среднее значение.

Необходимо отметить, что крупные рекрутерские фирмы занимаются аналитической работой и иногда выступают с важными заявлениями. Так, руководитель российской рекрутерской фирмы «Суперджоб» утверждает, что если (согласно договору Президента РФ В.В. Путина с Таджикистаном) в Россию направится 20 млн рабочей силы, то это превзойдет возможности российской емкости рынка рабочей силы и появится много российских безработных.

5. ИЭЭ — индекс экологической эффективности (The Environmental Performance Index), до 2011 г. он назывался «индекс состояния окружающей среды». Отражает глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг среди стран мира по показателю нагрузки на окружающую природную среду и рациональному использованию природных ресурсов. Рассчитан по методике Центра экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy) совместно с группой независимых международных экспертов, использующих в своей работе, наряду с аналитическими разработками, статистические данные национальных институтов и международных организаций. В 2006 г. этот индекс пришел на смену индексу экологической устойчивости (The Environmental Sustainability Index). Указанные далее данные получены с портала Центра гуманитарных технологий российского информационного экспертно-аналитического ресурсного центра [13].

6. УС — уровень общей смертности населения. В работе нами использованы показатели всех стран мира из базы данных Всемирного банка. Производится расчет количества смертей на 1000 человек в год (2010).

7. ИД — индекс демократии. Определяется авторитетным британским журналом «The Economist», который, помимо публикаций статей, занимается аналитической исследовательской деятельностью. Вследствие произведенных подсчетов компанией «The Economist Intelligence Unit» обозначен Индекс демократии стран мира 2011 г. В представленном рейтинге Россия потеряла (по сравнению с прошлым годом) сразу 10 позиций и заняла лишь 117-е место, впервые оказавшись в списке государств с «авторитарными политическими режимами». Представленные далее данные получены с портала Центра гуманитарных технологий российского информационный экспертно-аналитического ресурсного центра [13].

8. РО — расходы на образование. Данный индекс выражается в процентах расходов на образование от валового национального дохода (ВНД) страны. В данной работе использованы показатели всех стран мира, взятые из базы данных Всемирного банка.

9. ИК — индекс восприятия коррупции. Представленный показатель позволяет измерить общую степень распространенности коррупции (частотность и/или объем взяток) в государственном и политическом секторах и включают оценку множества стран. Индекс рассчитан в компании «Transparency International» (2011) и представляет собой сводный индикатор данных, полученных из 17 экспертных источников. Оценка уровня восприятия коррупции производится экспертами (как живущими в конкретной стране, так и зарубежными представителями) и представляет собой набор опросов предпринимателей, аналитиков по оценке коммерческих рисков, а также специалистов по конкретным странам из различных международных организаций. Источники предоставлены 13 организациями, включая Всемирный экономический форум (World Economic Forum), Всемирный Банк (World Bank), Азиатский банк развития (Asian Development Bank), Африканский банк развития (African Development Bank), Фонд Бертельсмана (Bertelsmann Foundation), Economist Intelligence Unit, Freedom House, Global Insight, Political Risk Services, World Justice Project, International Institute for Management Development, Political and Economic

Таблица 2

Сравнительные данные КИДР по ряду стран [13]

Страна	№	КИДР	№	РЧП	№	КД	№	ИЭС	№	ПСЖ	№	ИЭЭ	№	УС	№	ИД	№	РО	№	ИК
	№ параметра																			
			1	1	2	2	3	3	4	4	5	5	6	6	7	7	8	8	9	9
Финляндия	11	0,712	22	0,882	10	26,8	16	74	19	24	19	64,4	123	9,5	9	9,06	29	5,66	3	9,4
Германия	13	0,708	8	0,905	11	27	19	72,8	12	37	11	66,9	140	10,50	14	8,34	72	4,39	14	8
США	61	0,548	10	0,944	95	45	135	52	7	43	49	56,6	81	7,2	54	6,65	54	4,79	101	3
Украина	84	0,513	73	0,729	14	27,5	161	46,3	–	–	103	46,3	175	15,2	79	5,94	26	5,86	151	2,3
Беларусь	101	0,485	63	0,756	12	27,2	153	48	–	–	66	53,9	169	14,5	139	3,16	71	4,40	149	2,4
Россия	144	0,426	64	0,755	84	42	138	51,1	27	16	107	45,4	163	14,2	116	3,92	102	3,54	145	2,4
Китай	147	0,425	98	0,687	108	48	136	51,9	20	24	117	42,2	78	7,1	141	3,14	155	1,81	75	3,6

Risk Consultancy. Эти данные получены с портала Центра гуманитарных технологий российского информационного экспертно-аналитического ресурсного центра [13].

При оценке положения дел в области государственного обеспечения достойной жизни и свободного развития человека можно использовать также и другие данные, например: индекс паритета покупательской способности, индекс экономики знаний, показатель влияния государственной политики на инвестиции в инфраструктуру, инновационный индекс и др., однако они мало что изменяют в результирующем значении интегрального КИДР. Ведь поставленная задача на основе расчетов композитного индекса — отразить не столько уровень качества жизни людей, сколько эффективность государства по конституционному обеспечению достойной жизни и свободного развития человека. Для России, как не для какой другой развитой страны, введение нового критерия весьма важно с точки зрения оценки уровня работы государственного аппарата, а также выявления проблем развития гражданского общества.

Для обоснования актуальности КИДР и достоверности настоящего исследования важно понимать и то, что без достойной жизни и свободного развития личности гражданское общество невозможно, а свободное развитие каждого человека невозможно без наличия институтов гражданского общества. «Эти институты в известной мере противостоят государству, призваны контролировать его деятельность, подчинять ее общественным интересам» [14, с. 257].

Расчеты по композитному индексу деятельности государства по обеспечению достойной жизни

и свободного развития человека (КИДР) произведены по 187 странам, по которым имеется соответствующая международная статистика. В первую группу наиболее эффективных стран мирового сообщества (расположены по рейтингу КИДР) вошли: ОАЭ, Швеция, Исландия, Новая Зеландия, Тайвань, Австрия, Финляндия, Дания, Норвегия, Люксембург, Нидерланды, Канада, Германия, Ирландия, Бельгия, Австралия, Франция, Великобритания, Швейцария, Кипр, Словения, Эстония, Соломоновы острова, Мальта. Замыкает мировой рейтинг по КИДР страны: Буркина Фасо, Туркменистан, Сирия, Лаос, Ирак, Гаити, Ангола, Гвинея-Бисау, Афганистан, Северная Корея.

В нашем исследовании для сравнительного анализа взяты данные по странам, близким России по славянским корням (Украина и Беларусь), по истории единства в одном государстве и блоке социальных стран (Финляндия и Китай), по трудной истории преодоления близких по трагическим последствиям идеологических национальных целей (Германия), наконец, США — непревзойденный индустриальный и политический мировой лидер.

Отметим, что расстановка мест в таблице соответствует сумме рейтингов каждой из стран по выбранным параметрам: Финляндия — 250 баллов, Германия — 301, США — 677, Украина — 782, Беларусь — 822, Россия — 946, Китай — 928. Исключением здесь является Китай, сумма рейтингов которого меньше, чем у России. Отметим, что США по КИДР отстают от Финляндии и Германии, хотя известны своей высокой приверженностью к свободе.

Однако если рассмотреть все параметры, по которым производится анализ, видно, что Финляндия и Германия только два раза имеют места с номером

больше 100 (в остальных случаях меньше), в то время как США занимает такие места три раза. При этом по индексу экономической свободы эта страна занимает 135-е место, в то время как Финляндия — 16-е, а Германия — 19-е. По ИРЧП у США отмечается 101-е место, у Финляндии и Германии соответственно 22-е и 8-е. По индексу восприятия коррупции США занимают 101-е место, Финляндия и Германия — 3-е и 14-е. По индексу Джини США отводится 95-е место, у Финляндии и Германии — 10-е и 11-е. Таким образом, по большинству параметров США заметно отстает от двух других стран. Тем самым, достаточно четко просматривается тот факт, что используемый КИДР, учитывая весь комплекс факторов, объективнее, на наш взгляд, указывает место стран, что позволяет адекватно воспринимать их реальное положение среди других стран.

В добавление отметим, что тот же результат получается, если производится анализ непосредственного значения параметров. Например, США имеет по индексу экономической свободы значение 71% от близких значений Финляндии и Германии, по ИРЧП — 76% от значений двух других стран, по индексу восприятия коррупции — 34% от рассматриваемых стран. По индексу Джини США превосходят Финляндию и Германию в 1,7 раза, что является в некотором смысле рекордом.

Анализируя существенную разницу показателей КИДР России, Украины и Беларуси, следует обратить внимание на то, что Россия, незначительно опережая Украину и Беларусь по индексу экономической свободы, индексу восприятия коррупции и общей смертности, значительно отстает по индексу Джини и расходам на образование. Однако менее выражено отставание по индексу экологической эффективности, при том что по индексу демократии и ИЧРП Россия отстает от Украины, опережая Беларусь. Таким образом, установлено, что наиболее значимым фактором отставания России от Украины и Беларуси является ее отставание от обеих стран по индексу Джини и расходам на образование. Такой вывод получается и из анализа рейтингов стран, и по значениям параметров. Так, расходы на образование России составляют 69% от двух стран, индекс демократии в России составляет 86%, индекс экологической эффективности — 91%, индекс Джини в России в 1,5 раза больше, чем у ее ближайших соседей.

При всей условности различных индексов, индикаторов и особенно международных сопоставлений и показателей, при научном критическом подходе и анализе исследования той или иной проблемы

все-таки можно установить определенные тенденции (тренды), ожидаемые явления или последствия.

Для данного исследования³ также было весьма важным определить по группе социально-экономических (1–7) и политических (8–9) показателей их взаимосвязь как результат практического государственного обеспечения достойной жизни граждан и их свободного развития как личностей. Анализ данных таблицы 2 (как место в рейтинге, так и абсолютные цифры) указывает на тот нелицеприятный и печальный для всех нас факт, что российское государство еще находится на весьма дальних подступах к реализации конституционного обеспечения граждан.

Рассмотрим некоторые из указанных позиций на конкретных примерах. Так, Всемирный экономический форум (ВЭФ) в очередном ежегодном докладе из серии Global Risks («Глобальные риски») назвал главной угрозой 2013 г. рост имущественного неравенства [15]. Для иллюстрации коэффициента Джини (2) как показателя имущественного расслоения общества можно рассмотреть активы российских нефтяных миллиардеров, которые в 2012 г. составили 20% от ВВП страны. Это самый большой показатель доли супербогатых людей в любой крупной экономике [16], и такое соотношение свидетельствует о весьма большой диспропорции имущественных показателей.

Эта проблема не нова. Еще в бытность премьер-министром Великобритании Т. Блэра им была высказана идея поиска экономической модели третьего пути, то есть другого экономического уклада, предусматривающего, в том числе, переход к рентным принципам налогообложения, что может привести к резкому сокращению разрыва имущественного неравенства. Такой переход предполагает реализацию долговременной программы трансформации самих основ экономического устройства стран, в ходе которой обычная налоговая и природно-ресурсная ветви законодательства взаимосвязано реформировались [17, с. 23].

Соотношение индикатора восприятия коррупции (9) и индекса демократии (7) показывает не только зачаточный уровень развития гражданского общества в нашей стране, но и неадекватные условия свободного развития человека в нынешних российских условиях незащищенности и физической опасности. Это происходит тогда, когда человек

³ Авторы благодарят доцента Г.В. Вержибок (г. Минск) за помощь в подготовке данной статьи.

сталкивается с государственными службами, призванными защитить людей, но в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах «люди на свободе врут от животного страха» [18]. По состоянию на ноябрь 2012 г. Россия оставалась лидером по числу жалоб в Страсбург. Из-за нерадивости отечественной Фемиды Россия в 2012 г. заплатила 5,5 млн евро по решениям Европейского суда по правам человека. Согласно инфографике на сайте суда жалобы из РФ составляют пятую часть дел ЕСПЧ [19].

Индекс экологической эффективности (5) и показатель уровня смертности (6) имеют непосредственное отношение как к уровню качества жизни (достойной жизни), так и условиям развития человека. Наиболее тревожные показатели экологического неблагополучия жизни российских граждан отмечаются по уровню антропогенного загрязнения атмосферного воздуха (35 млн людей живут в 74 городах, в том числе в 27 республиканских и областных центрах с наибольшим загрязнением атмосферного воздуха) и уровню сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (в 56 городах из 82 городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек производится сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты) [20, с. 204, 257]. Это указывает на невнимательность государства к условиям проживания населения, недостаточную долю ВВП, направляемую на природоохранные мероприятия, что, в свою очередь, говорит о неэффективности экономики, не обеспечивающей необходимое качество жизни и снижение смертности населения до уровня развитых государств мира⁴.

Достоинство человека и непереносимое условие его свободного развития в современном мире определяет его образование. Общий показатель расходов государства на образование, исчисляемый долей расходов в ВВП страны, не совсем идеален, а при рассмотрении этих расходов в динамике и при анализе бюджетных планов государства выявляются следующие негативные тенденции. Под

⁴ В научном экологическом сообществе сегодня считают необходимым использовать при оценке эффективности экономики экологический след, отражающий реальное потребление человечеством природных ресурсов. В таком случае наращивание ВВП России в последние годы не будет столь впечатляющим. Сегодняшние плюсы: высокие объемы добычи углеводородного сырья, лесных и проч., составляющие основную статью российского экспорта, превратятся в минусы, поскольку вся эта деятельность приносит непоправимый ущерб окружающей среде и здоровью населения страны [21].

лозунгом «учиться жить в рыночных условиях!» предусматриваются сокращение расходов и уменьшение количества высших учебных заведений под надуманным предлогом перепроизводства юристов, экономистов, педагогов и непрофильных специалистов⁵, снижение уровня финансовой поддержки научных исследований через соответствующие централизованные фонды и пр. Становится понятным внедрение чисто монетаристского, жесткого или псевдо-рыночного подхода к такой социальной задаче государства, где оно «забывает» человеческий фактор и свою конституционную обязанность по отношению к гражданам.

Непредвзятый анализ данных КИДР по России делает необходимым поставить весьма нелюбимый для всех нас вопрос: Россия действительно социальное государство, как определено в Конституции Российской Федерации? Думается, что ответ напрашивается отрицательный. Для нынешнего переходного периода России больше подходит определение — буржуазно-демократическое государство с «олигархическим флюсом» (судя по данным индексов экономической свободы, восприятия коррупции в обществе, огромному имущественному расслоению населения и прочим «достижениям» российской экономики переходного периода). «Олигархический флюс» как специфическое образование нынешней России заложен еще в прежней советской системе, когда отчужденная от народа собственность была в руках государства — КПСС и ее заместителей на местах в лице «красных» (советских) директоров, парткомов, райкомов, обкомов. Предметом олигархических связей в тот период была степень влияния и покровительства хозяйственников и надзирающих над ними партийно-государственных органов, чье материальное благополучие и карьерный рост зависел, в свою очередь, от поддержки этих хозяйственников. Олигархические связи современной России приобрели свой классический характер в виде коррумпированного сращивания власти и капитала (крупного и особенно среднего бизнеса в сырьевом секторе экономики, в банковской сфере, в строительстве).

При анализе рассмотренных выше данных надо учитывать усредненность показателей по стране, а анализ данных по регионам и крупным городам

⁵ В середине 80-х гг. автору статьи довелось слышать радио интервью тогдашнего премьер-министра Японии г-на Накасонэ, в котором прозвучал примерно такой пассаж: «Пока русские готовят полуграмотных пэ-тэ-ушников, мы дадим каждому молодому японскому рабочему высшее образование».

вообще покажет разброс этих показателей и достаточно неприглядную картину низкого уровня качества жизни как результат неэффективности работы государственных структур на местах. Этот вывод напрашивается по тому перечню показателей работы органов исполнительной власти в субъектах Федерации, который отслеживается Правительством России.

Например, система оценки по 135 показателям (по разделам: экономическое развитие, здравоохранение, образование, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, дорожное хозяйство, безопасность граждан и государственное и муниципальное управление), действовавшая до конца 2012 г., была громоздкой, мало сопоставимой и показала необъективность этого измерительно-инструмента. Для оценки степени реализации конституционной обязанности государства по созданию достойного уровня жизни и свободного развития граждан используемый механизм государственного мониторинга вообще непригоден. В этой системе отсутствуют такие важные показатели, как развитие коммуникаций, замена ветхого жилья благоустроенным, данные обращений граждан в органы исполнительной власти и степень их выполнения, а также другие индикаторы человеческого фактора, отражающие уровень жизни населения.

Не меняет кардинально и предложенная система новых показателей (сокращенных со 135 до 11) оценки эффективной деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации в соответствии с постановлением Правительства РФ № 1142 от 03. 11. 2012. Включены такие критерии, предусматривающие: учет численности населения; ожидаемой продолжительности жизни и смертности населения; уровень безработицы; объем инвестиций в основной капитал; оборот продукции (услуг), произведенных малыми предприятиями; объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета; реальные располагаемые денежные доходы населения; удельный вес введенных общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилфонда; доля выпускников общеобразовательных учреждений, не сдавших ЕГЭ, в общей численности выпускников общеобразовательных учреждений; оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Федерации. Действительно, в новом варианте мониторинга больше показателей, ориентированных на человека, но все-таки они собраны достаточно бессистемно, без

увязки с международной статистикой (ИРЧП, ПСЖ, ИЭЭ, КД и др.) и опытом работы многих стран мира в этом направлении.

Мало показателен проводимый (по данным некоторых СМИ [22]) правительством России мониторинг деятельности того или иного ведомства или министра. Прослеживается низкая эффективность реальных действий, если в числе рассматриваемых показателей их деятельности выступают лишь сроки выполнения указаний президента и направленность бюджетных установок. За рамками анализа остается вклад каждого ведомства и министерства в реализацию конституционной обязанности государства по обеспечению достойной жизни граждан и их свободного развития.

Настоящие выводы подтверждаются данными анализа эффективности российской системы государственных услуг на основе мониторинга, проведенного экспертами Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ в 2010 г., которые указывают на два важных обстоятельства:

а) эффективность оказания государственных услуг как прямо, так и косвенно влияет на целые группы показателей конкурентноспособности государства, используемых в международных исследованиях;

б) два очень важных элемента оценки качества государственных услуг (определенные Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210 ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг») остаются неприоритетными: удовлетворенность граждан как потребителей услуг и установление с гражданами механизма обратной связи на системной основе в целях постоянного совершенствования качества предоставляемых государственных услуг [23, с. 67–68].

Из шести параметров сравнения международной и российской методик мониторинга государственных услуг (например: стадии зрелости государственных услуг; жизненная ситуация, оценка удовлетворенности услугами, анализ комплексной проблемы потребителя на основе эффективности процедур взаимодействия; рейтингование результатов мониторинга, оценка факторов готовности к электронному управлению) в российской (НИУ ВШЭ) модельной методике мониторинга имеется только два параметра: анализ комплексной проблемы потребителя и рейтингование результатов мониторинга [23, с. 73].

Произведенный сравнительный анализ отечественной и международной статистики показывает,

что национальная статистическая служба и работа правительства страны по систематике разбора и координации деятельности исполнительной власти в субъектах Российской Федерации не готовы к оценке выполнения государством конституционной нормы по обеспечению достойной жизни и свободного развития граждан страны. Ни Президент РФ как гарант Конституции, ни Конституционный Суд РФ не ставят соответствующей задачи или предостережения (Конституционный суд РФ) перед исполнительной властью на федеральном уровне, в субъектах Российской Федерации и перед муниципальными властями в этой важной области деятельности государства.

Выводы

1. Для того чтобы представить объем и направления работы для выполнения рассматриваемой конституционной нормы государству необходимо провести тотальную инвентаризацию существующих показателей и выстроить систематику их анализа, сделать ревизию предпринимаемых действий и наметить перспективы действенной практики, включить позитивный опыт регионов и зарубежных стран применительно к конкретным российским реалиям, оценить мощь и давление накопленных долгов перед народом.

2. Без обеспечения граждан страны условиями для достойной жизни и свободного развития личности невозможно построить гражданское общество.

3. Именно на этой основе необходимо выстраивать политику государства во взаимоотношении с гражданским обществом, политику содействия его формированию на всех уровнях с использованием соответствующих критериев оценки взаимодействия государства и гражданского общества.

Литература

1. *Моисеев Н.Н.* Время определять национальные цели. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.
2. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: САТ: Астрель, 2008.
3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.krupnov.ru/pubs/2005/01/09/10178> (дата обращения: 13.03.2014).
4. Человек. Философско-энциклопедический словарь. — М.: Наука, 2000.
5. *Садовая Е.С., Сауткин В.А.* Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. — М.: ИМЭМО РАН, 2012.
6. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/21> (дата обращения: 13.03.2014)
7. *Селюнин В., Ханин Г.* Лукавая цифра // Новый мир. — 1987. — № 2.
8. Смена курса: пер с англ. — М.: Геликон, 1994.
9. *Снакин В.В.* Экология и природопользование в России. Энциклопедический словарь. — М.: Academia, 2008.
10. Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Росстат. — М., 2011.
11. Мир в цифрах — 2013. Карманный справочник: пер. с англ. Д. Журавлева, Н. Кононовой. — М.: ЗАО «Олимп — Бизнес», 2013.
12. [Электронный ресурс] URL: http://esl/jrc.it/envind/un_meths/UN_ME001.htm (дата обращения: 13.03.2014).
13. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru> (дата обращения: 13.03.2014).
14. Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. — М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Елима»; ИД «Питер», 2006. — 1160 с.
15. РБК. Весь мир [Электронный ресурс] URL: <http://top.rbc.ru/society/08/01/2013/839564.shtml> (дата обращения: 13.03.2013 г.)
16. Ведомости. — 2013. — 22 янв.
17. *Львов С., Моисеев Н.Н.* Россия в поисках третьего пути. Вехи 2001 года // Россия в окружающем мире: 1999 (аналитический ежегодник) / отв. ред. Н.Н. Марыенин; под общ. ред.: Н.Н. Моисеева, С.А. Степанова. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1999.
18. Новая газета. — 2012. — 5дек.
19. Lenta.ru [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2013/01/16/minjust> (дата обращения: 13/03/2014)
20. Охрана окружающей среды в России. 2010: стат. сб. / Росстат. — М., 2010.
21. *Якубов И.* WWF против ВВП. Экологи предлагают новые индикаторы устойчивого развития // Российские лесные вести. — 2012., 25 мая.
22. Известия. — 2013. — 15 янв.
23. *Стырин Е.М., Плаксин С.М.* Система государственных услуг как объект мониторинга в Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2012. — № 4.

УДК 336.221(045)(37)

Социальные характеристики римского налогообложения

ПАНОВ ЕВГЕНИЙ ГЕНРИХОВИЧ

кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета
E-mail: e.panov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется исторический процесс формирования фискальной системы римского налогообложения, ставшей теоретическим основанием неразрывной связи налогов и государства. Авторский подход предполагает, что первым историческим этапом в существовании римского налогообложения является самообложение, выражающееся в цензовой системе. Также выделяется особая роль налогообложения в формировании социального единства, выражающегося в социальной дифференциации и интеграции римского общества.

Ключевые слова: символическая природа налогообложения; феномен налогообложения; фискальная система налогообложения; цензовая система налогообложения.

Social Characteristics of Roman Taxation

EVGENIY G. PANOV

Ph. D. (Philosophy) Associate Professor Philosophy Department Financial University.
E-mail: e.panov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the historical process of the formation of the fiscal system of Roman taxation, which became the theoretical basis of the inseparable connection between taxes and the state. The author's approach assumes that the first historic step in the existence of Roman taxation was voluntary tax payment expressed in the census system. Also a special role of taxation in the formation of social unity is highlighted. The unity is expressed in the social differentiation and integration of Roman society.

Keywords: the phenomenon of taxation, census system of taxation, fiscal taxation system, the symbolic nature of taxation.

Для просвещенного читателя банальным выглядит утверждение, что современная российская система налогообложения испытывает серьезные трудности. По мнению автора, это состояние предстает не как отголосок мирового финансового кризиса, а как характеристика прежде всего основ современной теории налогообложения. Для специалистов проблемной остается даже сама постановка вопроса о природе феномена налогообложения. Еще сложнее ситуация в сфере анализа практики налогообложения последних двадцати лет. В начале 90-х годов прошлого века декларировалась необходимость формирования в постсоветской России налоговой системы, отвечающей требованиям современного постиндустриального развития, открывающей простор новым (читай «инновационным») экономическим отношениям. Процесс же со-зидания привел к тому, что образно характеризуется

как «византийская теократическая система налогообложения». Если описание «инновационной» системы налогообложения сводится к перечислению ошибок и противоречий практики, то «византийская налоговая система» оказывается загадкой как для построения аналогий, так и для историко-теоретической реконструкции. Можно констатировать лишь следующее.

Во-первых, процесс реформирования и реорганизации, ориентируясь на формы налогообложения, соответствующие лучшим образцам современного западноевропейского экономического моделирования, в действительности привел к «налоговому аду», как образно обозначается западными источниками состояние налогообложения в Византии.

Во-вторых, возможность таких метаморфоз кроется в единой генетической природе современной западноевропейской и византийской систем

налогообложения. Обе они прямо или опосредованно вырастают из единой первоосновы — римского налогообложения, представляющего в этом смысле «классику» налоговой теории и практики. Римское налогообложение в современной научной литературе не стало предметом самостоятельного исследования, однако накоплен огромный материал, позволяющий наметить некоторые проблемы, подлежащие комплексному анализу, в котором может принять участие и философ.

Прежде всего, эти проблемы затрагивают методологическое основание анализа источников и свидетельств, представляющих фактический материал по налогообложению периода античности в целом и римского в частности. Современное понимание исходит из политэкономической методологии, напрямую связывающей налоги с государством. В этом случае налогообложение формирует государственный бюджет, а государство создает органы взимания налогов, с помощью которых напрямую воздействует на экономические процессы. Таким образом, налогообложение встраивается в структуру взаимозависимости двух сфер жизни общества — политики и экономики.

В силу гносеологической простоты эта методологическая установка объявляется «очевидной» и ей придается универсальный характер. С таких позиций любая историческая форма налогообложения рассматривается исходя из современной идеальной модели взаимосвязи политики и экономики, а следовательно, предстает как ее неразвитое состояние. В свою очередь, современная западноевропейская модель осознается как закономерный и завершающий этап исторического развития налогообложения, хотя сама по себе является одной из особых форм его проявления.

Фактически в подобного рода теоретизировании принцип историзма подменяется некой телеологией, в которой современные представления об институтах и процессах в сферах экономики и политики переносятся на прошлое. Так, в историческом анализе античного налогообложения появляются категории «прямых и косвенных» налогов, «государственного бюджета» и т.п. Зримые же несоответствия рассматриваются как проявления неразвитости и архаичности, которые будут устранены закономерным историческим прогрессом.

Критика такой методологии достаточно полно проводилась в прошлом веке. Однако ее опасность для анализа источниковедческой базы античной истории подчеркивалась особо.

В западноевропейском представлении с Нового времени античность осознавалась как прямая причина всех социально-экономических явлений, а средневековье — как некое отклонение от генеральной линии мирового развития. Такое понимание в целом было преодолено исторической наукой, но осталось в обыденном сознании и «проросло» в отдельных сферах социального знания. Прежде всего это связано с отождествлением античного полиса с государством, а античного домохозяйства — с экономикой. Следовательно, их взаимозависимость рассматривается в рамках политэкономической модели.

Однако представления античных авторов, с позиций которых описаны исторические события, оказываются прямо противоположными. В их понимании сферы публичного (политии) и частного (домохозяйства-экономики) воспринимались как прямо противостоящие друг другу. Сошлемся на мнение исследователя прошлого века. «Мы должны в этой связи уяснить себе, до какой степени трудно из-за новоевропейских осложнений вообще понять эти решающие разделения и различия между публичным и частным, между пространством полиса и сферой домохозяйства и семьи, наконец между видами деятельности, служащими поддержанию жизни, и теми, которые направлены на общий всем мир; причем мы не должны упускать из виду, что эти разделения и различия образуют само собой разумеющееся и аксиоматическое основоположение всей политической мысли античности... Мы поэтому лишь с трудом способны осознать, что в русле античной мысли такое понятие, как политическая экономия, было бы само в себе противоречивым: все входившее в «экономику», а именно принадлежавшее чисто к жизни отдельного человека и продолжению рода, уже ввиду этого идентифицировалось и определялось как неполитическое» [1, с. 39–40].

Автор предлагает руководствоваться иной методологией, рассматривающей налогообложение в качестве сложного и многоуровневого социального явления. Оно генетически связано с исторически сложившимися представлениями о социальной целостности, материализацией этих представлений в рамках социальных институтов и формированием материального основания существования данных институтов. Таким образом, в конкретно-историческом анализе феномена налогообложения должны учитываться существовавшие в то время идейные представления и мировоззренческие установки, отношения взаимозависимости социальных слоев и групп исторического сообщества. Это дает

возможность описывать налогообложение с позиций его социальных характеристик, которые позволяют формировать и поддерживать единство и целостность конкретного общества.

В таком случае вполне объяснимым является тот факт, что конкретно-исторические формы налогообложения в представлениях современников выступают символами этой целостности, а отношение к налогам тождественно проявлению гражданской позиции. Попытаемся продемонстрировать эти утверждения на примере римского налогообложения, основываясь на материалах историков-профессионалов. Автор заведомо не претендует на собственные исторические изыскания и открытия, однако попытается осуществить теоретическую реконструкцию на основании авторитетных свидетельств и позиций, существующих в современной научной литературе.

Важнейшая социальная характеристика римского налогообложения связана с механизмом включения индивида в сообщество и формированием института «гражданства». Конкретные формы налогообложения в этом случае выступают как опосредующее звено сфер публичного и частного. В римской истории можно выделить два типа такого опосредования, генетически связанных друг с другом и сосуществовавших в виде самостоятельных и конкурирующих налоговых систем, которые обозначаются как «цензовая» и «фискальная».

Исторически первой формой представления о социальной целостности римского общества выступает *civitas*, которое материализуется в сакральных характеристиках общинной земли — *ager publicus*. Земля-прародительница считалась даже более значимым символом, чем сама община, потому, что она является основанием всего человеческого рода: и ныне живущих, и их предков, и их потомков. Пользование общинной землей было связано с передачей общине части урожая, обозначавшейся термином *vestigalia*. Данная выплата символизировала связь домовладельца с частью общинной земли (*plena in re potestas*), предполагающую принятие обязательств ее деятельного культивирования.

Членом общины признавался тот, кто принимал на себя эти обязательства, существуя за счет пользования землей. Община оставляла за собой право понижения домохозяина в гражданских правах за ненадлежащее исполнение обязанностей по отношению к выделенному участку земли. *Vestigalia* по форме была символом реализации прав члена общины, а по содержанию — зримым отчетом о выполнении гражданских обязанностей. Количество и качество

этой части урожая в динамике свидетельствовали об успехах или просчетах в ведении хозяйства. Интересно отметить, что подобный вид символического вступления в права и обязанности гражданина в трансформированном виде сохранял свое значение и в последующей римской истории.

В дальнейшем механизм включения гражданина в состав общины приобрел дифференцированный характер, что отразилось в социальной структуре римского сообщества. Возникновение первичной социальной дифференциации напрямую связано с введением *tributum* и цензовой системы налогообложения. Первоначально общественное жертвоприношение сопровождалось привнесением в сокровищницы различных алтарей определенных монет за каждого из взрослых мужчин, женщин, детей, умерших или родившихся членов семьи. Это позволяло учитывать состав общины с учетом демографической динамики [2, с. 70]. Представление о *tributum* как социально значимой жертве нашло отражение в церковно-славянском языке, где понятием «треба» обозначаются жертва, приношения и жертвоприношения [3, с. 427]. Введение цензовой системы устанавливало соответствие между выполнением гражданских обязанностей и возможностями домохозяйства, за счет которых они осуществлялись. Это выразилось во взимании *tributum* не с членов сообщества (*viritim, kata kefalen*), а с их имущества — *ex censu aro ton timemation*.

Разделение гражданских обязанностей в соответствии с возможностями домохозяйства привело к формированию имущественных классов, ставших основой социальной структуры римской *civitas*, что представлялось самим римлянам базисом мирового порядка и величия державы. «Ценз — самое благодетельное для будущего великой державы установление, посредством которого повинности, и военные, и мирные, распределяются не подушно, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда учредил он и разряды, и центурии, и весь основанный на цензе порядок — украшение и мирного и военного времени» [4, с. 48]. Гражданские обязанности имущественных классов заключались в выполнении общественно значимых служб, подобных афинским литургиям и получивших название *munera* (sg. *munus* — служба, должность, поручение).

Члены общества несли коммунальные повинности за счет средств домохозяйства. Те же, чье имущество оценивалось как предельно минимальное (меньше 1500 ассов), причислялись к «пролетариям»,

основной общественной обязанностью которых было «воспроизводство рода». Особого рода гражданской обязанностью была военная служба: снаряжение воина зависело от цензовой оценки имущества и происходило за счет его хозяйства. Если социальные функции *tributum* оцениваются однозначно, то его чисто фискальные функции до сих пор вызывают разноречивые суждения специалистов. Хотя точные оценки размеров данного налога в источниках отсутствуют, принято исчислять его в 0,1% стоимости имущества. Следует заметить, что трибут взимался даже с вдов и сирот. Нет и однозначного понимания по поводу расходования получаемых средств. Все это позволяет сделать предположение о том, что основное значение *tributum* состояло не в передаче средств в общественный фонд, а в дифференцированном включении индивида в гражданское сообщество.

Цензовая система расценивалась современниками в качестве символа принятия на себя определенных гражданских обязательств. Исполнение их формировало социальный статус члена сообщества и гарантировало его права. Нерадение в исполнении общественных обязанностей (*improlio*) приводило к понижению статуса — выводу гражданина из цензового класса, для чего в цензовых списках делалась особая отметка — *nota* [5, с. 630–631], и даже переводом в *agerarius* — состав лиц, не включенных в ценз и плативших поголовный налог (*viritim*) [6, с. 11]. Исключение из цензовых списков означало признание неспособности исполнять гражданские обязанности, т.е. несоответствие статусу гражданина. Известный факт борьбы патрициев и плебеев включал в себя и требование последних платить *tributum*, что расценивалось как необходимость признания гражданского равноправия. Развитие социальных характеристик *tributum* в республиканский период выражалось в двух противоречивых тенденциях.

С одной стороны, ужесточался порядок проведения цензовых описей и сохранялись суровые наказания за уклонения от них, вплоть до продажи в рабство или казни [7, с. 40]. Совершенствовались способы промера земельной собственности, доводились до совершенства землемерное искусство и техника межевания. Дорожная сеть и система межевых знаков земельных участков наносились на земельные карты и хранились в государственном архиве как общественное достояние [8, с. 30]. Кроме размеров землевладения цензовой описи подлежали все постройки на земле (*aedificium et omnis continentur*), инвентарь земельного имущества (*instrumentum fundi*) и рабы.

Путем введения налогов также фиксировались текущие изменения имущества. Например, выход рабов из хозяйства ограничивался введением по закону Манлия (357 г. до н.э.) пятипроцентного налога на отпуск рабов на волю (*vicesima manumissionum*). Изменения во владении недвижимостью также стали регистрироваться введением в 169 г. до н.э. пятипроцентного налога на наследство (*vicesima hereditatum*).

С другой стороны, сообщения о поступлении реальных денежных средств связаны с назначением *ultra tributa* или *tributum temerarium*, что означало внесение в казну пожертвований граждан по своей воле без ценза в экстраординарных условиях. Такое в римской республике случалось дважды: при разорении Рима галлами (390 или 387 г. до н.э.) и после поражения римлян при Каннах в период Второй Пунической войны (215–210 гг. до н.э.). В обычных же условиях фискальная значимость гражданского *tributum* была не актуальной, что подтверждают факты неоднократной его отмены, а в период с 168 г. до н.э. по 43 г. до н.э. он вообще не взимался. В 189–188 гг. до н.э. прерогативы цензовой описи были предельно расширены и, по мнению источников, «цензоры приняли в число граждан всех, рожденных от свободных родителей», членов *civitas*. Следует отметить, что исполнение *munera* как в виде несения почетных обязанностей, так и в виде расходования материальных средств на общественные нужды стало возлагаться чаще всего уже не на отдельных лиц, а на профессиональные объединения — *collegia* и *corpora* [9, с. 61–69]. Единственной общественной обязанностью длительное время оставалось проведение общественных пиров и праздников за счет собственных средств гражданина. Военные реформы Гая Мария (*Gaius Marius*) сняли обязательную воинскую повинность римских граждан: вступление в армию больше не регулировалось цензовыми списками, вступающие лишались гражданского статуса на срок службы (25 лет), который возвращался им при увольнении со службы вместе с выделением земельного надела в личное владение.

Совмещая эти противоречивые тенденции — упорядочивание цензового учета, фактическую отмену налоговых выплат гражданами, а также снятие обязательного характера общественных служб, можно сделать следующий вывод: гражданский *tributum* утрачивает свой фискальный характер и окончательно становится символом принадлежности к римской общине и гражданского статуса. В социальном плане он предстает основанием внутренней дифференциации *civitas* и фиксацией возможностей

добровольного вклада гражданина в общественное достояние, подлежащих моральному регулированию и оценке. Например, в деятельности цензоров особое внимание обращалось на попытки гражданина *демонстрировать большее богатство, чем он реально обладает*. В цензовых описях проверялось фактическое состояние имущества и пресекались попытки получения более высокого статуса, что было чревато невыполнением общественных обязанностей. Преследовалась демонстрация роскоши, что расценивалось как ненадлежащее расходование средств, которое может привести к разорению хозяйства или не способствует развитию его производительной мощи. Впервые закон, предполагавший увеличенное обложение предметов роскоши, относят к 215 г. до н.э. (Lex Oppia). Затем налоги с роскоши были введены в цензурство Катона (185 г. до н.э.).

В конечном счете, в глазах современников цензоры были не налоговыми инспекторами, а хранителями устоев римской *civitas* и общественной нравственности. В условиях отсутствия реальных фискальных изъятий цензовая система делала имущественные отношения «прозрачными», а хозяйственная деятельность гражданина подлежала моральному регулированию институтом общественного мнения. Таким образом, цензовая система, основанная на «самообложении» и «самовзимании» гражданского *tributum*, становится символом римской общины, олицетворяя своим существованием такие ее черты, как социальное равенство, социальное единство и гражданская свобода. В общественном мнении социальное равенство выражается необходимостью регулярной публичной демонстрации всех деталей частной жизни и хозяйственной деятельности, а также наличием правовых санкций за уклонение от таких процедур. Ведение же хозяйства подлежит только моральному регулированию, так как провозглашается право личной ответственности домохозяина за построение хозяйственных связей. Формирование института неприкосновенной частной собственности (*dominium ex iure Quiritium*) с распространением статуса *dominus* на участок общинной земли декларирует полную гражданскую свободу. В ее рамках все хозяева равны и свободны в построении хозяйственных связей, которые являются внеличным регулятором экономических отношений. Но результаты хозяйственной деятельности получают моральную оценку в общественном мнении, что отражается в готовности сограждан вступать в новые хозяйственные связи или укреплять существующие.

Моральное осуждение сообществом гражданина за результаты построения им хозяйственных отношений могло привести к отказу остальных граждан от включения этой персоны в структуру хозяйственных связей или выводу ее из уже сложившейся системы. Такое регулирование создавало новое представление о социальном единстве, построение которого основано не на тождественности и обезличенности членов рода или общины, а на социальной дифференциации, доведенной до персонификации. Каждый домохозяин как *dominus* был тождествен уникальному участку общинной земли, знатность рода символизировала прочность и преемственность этой тождественности на протяжении многих поколений и выступала в общественном мнении гарантией высокой нравственной оценки процесса построения хозяйственных отношений и их результатов. Основание же социальной дифференциации строилось на цензовой системе. Чем большая разница существовала между домохозяйствами, тем обширнее становилось пространство возможных хозяйственных связей и ярче проявлялась объективная необходимость их построения. В целом такое представление в дальнейшем развитии западноевропейской традиции легло в основание теории гражданского общества.

В структуре римского налогообложения цензовая система гражданского *tributum* предстает «внутренней» налоговой системой, символизирующей в общественном мнении гражданские ценности *civitas*. Именно они структурируют римскую картину мира и олицетворяют социальный порядок. Однако реальное снижение и даже ликвидация фискальных характеристик этой системы вызывают закономерный вопрос: откуда же возникали средства республиканской казны, которые известны историкам как основание могущества Рима. Ответ заложен в мировоззренческой концепции «*Pax Romana*», выражавшей представление о разделении мироздания на две противоположности: «Рим» и весь «остальной мир». Это представление освещало формирование «внешней» налоговой системы, распространяемой на всех «неграждан», проживающих на территории республики. В структуре цензовой системы к ним применялся иной *tributum* — провинциальный. Он становился символом их неравенства, что внешним образом демонстрировало и укрепляло социальное равенство римских граждан.

Исследователи считают, что основанием провинциального *tributum* могут являться союзнические сборы (*phoros*) многочисленных коалиций, в которые вступала ранняя римская республика в борьбе за

гегемонию в Средиземноморье. В большинстве случаев Рим сохранял гегемонию в союзе, хотя использовал для этого различные методы, даже превращая бывших союзников в побежденных. Завоевание давало в руки победителей совершенно неограниченные права по отношению к земле, собственности и даже жизни побежденных. Общественное мнение, или «народное право, позволяло отнять у побежденного неприятеля его собственность и даже его личную свободу; следовательно, тем более позволяло оно исключить его из собственного правового союза и низвести его до подданнического положения, в котором им пользовались и эксплуатировали его» [10, с. 74]. Вся побежденная страна представляла собой «*Praeda populi romani*» — прибыльное имущество *civitas*, доходы с которого компенсировали символический характер гражданского *tributum*.

Такая позиция в последующей западноевропейской традиции нашла выражение в представлении о военной контрибуции. Однако изначально контрибуция обозначала материальную компенсацию побежденными потерь Рима в ходе ведения военных действий. Выкуп же жизни и имущества в этих условиях формально происходил путем займа денежных средств у победителей, с последующей длительной поэтапной выплатой не только суммы долга, но и процентов на займ (*quae rationes conficiendae pecuniae, aut vertura aut tributo*). Таким образом, выкуп отделялся от единовременной военной контрибуции и становился постоянным провинциальным налогом, взимаемым с земли, и с людей.

В социальном плане провинциальный *tributum* был сложным явлением, включавшим различные типы социальной дифференциации. В форме поголовной подати *tributum in capita* нивелировалось различие между свободными негражданами и рабами, так как выплаты взимались корпорально со всего населения провинции *singula servorum et liberorum*. А вот налогообложение земли *tributum soli* оформлялось сложной дифференцированной системой отношений римской *civitas* с каждой провинциальной общиной отдельно. Это отражалось в особых провинциальных законах, учитывающих обстоятельства включения провинции в «*Pax Romania*» и доримские традиции налогообложения. Такая дифференциация разъединяла провинциальные общины, реализуя принцип «разделяй и властвуй», что фактически способствовало формированию самого института политики.

Некоторые провинциальные общины сохранили право аренды своей земли у победителей на

условиях выплаты $\frac{1}{10}$ урожая. Такой вид выплат рассматривался как *vectigal certum*, взимался в натуральной форме самими провинциалами и получил название *stipendium*. Его значение в римской истории трудно переоценить. Наличие в распоряжении римской гражданской общины больших запасов товарного зерна и продуктов гарантировало продовольственное обеспечение «Великого Города» и провинциальных центров, практически всех граждан и римской армии. В общественном сознании продовольственная независимость от природных факторов легла в основание формировавшейся римской теории налогообложения, а распоряжение этими средствами косвенным образом привело к созданию новой, «фискальной» системы налогообложения.

Теоретическая реконструкция социальных основ возникновения «фискальной» системы может быть представлена следующим образом. Часть провинциального *tributum*, собранная в натуральной форме, требовала достаточно оперативного распределения. Эта новая гражданская обязанность могла быть возложена только на ту часть гражданской общины, которая доказала способность рачительно относиться к материальным ценностям и рационально строить хозяйственные связи. Ведь появление больших масс продовольствия на рынке грозило его обрушением и разорением массы граждан — производителей продуктов питания. Фактически необходимо было формировать особую политику участия общины в хозяйственных связях. В условиях дифференциации социальной структуры римской *civitas* эту политику могли проводить только представители высших имущественных классов: сенаторы и всадники.

Сенаторы выполняли общественную обязанность распределения собранных средств. Всадники (*equites*) приобрели обязанность реализации «заемной» формы провинциального *tributum*, которая осуществлялась путем корпорального откупа налоговых платежей (*ordo publicanorum*). Взимание части провинциального трибута в денежной форме позволяло сообществу откупщиков-публиканов (*societates publicanorum*) вносить в казну *civitas* собственные средства, а затем взыскивать их эквивалент с населения провинций на условиях «займа» (с процентами). Гарантом такого рода деятельности являлись личные качества и персональные связи всадников. Их богатство часто было обусловлено персональным участием в победоносных военных кампаниях. Поэтому провинциальные легионы и их командование оказывались вовлеченными в деятельность публиканов в провинциях. Таким образом, тенденция

к персонификации хозяйственных отношений «внутренней» налоговой системы во «внешней» системе распространялась на хозяйственную политику гражданской общины.

Если персонификация института частной собственности нашла свое выражение в понятии *dominus*, то на уровне хозяйственной политики гражданской общины этот термин был неприменим. По отношению к персоне, представляющей *civitas*, обязанность распоряжения общественными средствами (*publicum*) стала выражаться термином *imperator*, в котором индивидуальная воля приобретает характер общественного повеления. Подобного рода титулование общественных обязанностей распространялось на высшие должностные лица республики. Материальным основанием этого статуса служили наличные средства, поступающие в распоряжение императора. Они обозначались термином *fiscus*. Так первоначально назывались корзины или ящики для хранения части общественных средств, предназначенных к выплате, в отличие от *фавиз* — емкостей для длительного хранения средств в качестве сокровищ (например, закапываемых в землю).

Постепенно обозначение *imperator* стало обычным для командования провинциальных легионов, которое получало средства для содержания легиона из провинциальных налогов (*stipendium*) и распределяло их. Поэтому *fiscus* приобретает персонифицированный характер казны или военной кассы императора как полководца и руководителя военного контингента. В фиск поступают также военные трофеи, которыми полководец оделял легионеров, формируя отношения личной преданности. Более того, именно авторитет персоны императора выступает гарантом получения ветераном земельной собственности по окончании срока службы. Таким образом, в общественном мнении понятия «фиск» и «император» оказались связанными по смыслу, а их социальная институционализация стала жестко взаимообусловленной.

Со времен Октавиана Августа смысловая обусловленность представлений о фиске и императоре реализуется в формировании особого императорского аппарата, обозначаемого понятием *fiscus*. Все то, что принадлежит императору, обозначается термином *fiscalis*. Появление при императоре Клавдии центрального финансового управления (во главе с чиновником *a rationibus*) привело к расширительной трактовке этих понятий, которые становятся тождественными понятиям «казна» и «казенный» (*agri fiscales* — казенные земли). Таким образом,

формируется новая «фискальная» система, сосуществующая и противостоящая «цензовой» системе республики и ее казне (*aerarium*). В социальном плане сосуществование цензовой и фискальной систем демонстрирует два уровня феномена налогообложения. В первом уровне существующие отношения закрепляются традицией и подлежат моральному регулированию; во втором — приобретают не только персонифицированную, но и институциональную форму, закрепляемую особым *Jus fisci* (II в н.э.).

Важно, что сам факт возникновения *государственного аппарата* связывают с организацией личной казны императора — *fiscus*. Первоначально в его состав входили неграждане: императорские рабы и вольноотпущенники. Они не могли осуществлять свою частную волю по отношению к средствам фиска, так как принадлежали императору лично или в качестве слуг императора не имели права частной собственности. Имперский бюрократический аппарат начинает свою историю с лиц, находящихся в личном служении у того, кто служит римскому народу и управляет от его лица (*res publica, res populi*). В IV в. н.э. фиск окончательно оформляется в качестве прототипа государственного аппарата, существующего за счет бюджета, формируемого им же самим. В европейской традиции за фискальной системой закрепилась тесная и неразрывная связь с институтом публичной власти, структурой государственного аппарата и армии. Налоги воспринимаются как основа государственного бюджета, за счет которого существует сам бюрократический аппарат, имеющий в своем составе особые органы, призванные взимать налоги. Так основывается традиция восприятия государственных чиновников в качестве «слуг народа», а всего государственного аппарата с фискальной точки зрения.

Фискальная система вытесняет цензовую не только в действительности исторического процесса, но и является смысловым завершением тенденций развития цензовых отношений, в корне изменяющим соотношение основных частей этой системы. В общественном мнении символом социальной общности вместо *tributum* становится персона императора и его фиск, олицетворяющие общие интересы всех в противовес частным интересам каждого. Фискальные изъятия из натуральной формы переходят по преимуществу в монетарную. Причем в рамках структуры аппарата фиска выделяется особая организация «*sacrae largitiones*» (священные щедроты), само название которой символизировало ритуальный характер преобразования денег, собранных в качестве налогов. Фискальная деятельность по переплавке золотых

монет разного времени и качества, чеканке эталонной имперской монеты (в 369 г. было запрещено чеканить золотую монету частным лицам) и хранению золотых слитков имперской сокровищницы (*thesauri*) придавала налоговым выплатам сакрально-символическую форму приобщения к социальной целостности. Таким образом, в фискальной системе традиции налогообложения получали институциональное выражение, символические представления материализовывались, а материальные предметы обретали символический сакральный смысл.

Важно отметить тот факт, что развитие фиска устранило и преобразовало основу эффективности цензового обложения — разделение на «внутреннюю» и «внешнюю» налоговые системы. Последовательные меры по созданию единой системы налогообложения в провинциях при Августе, общий ценз новогражданского *tributum* по конституции Антонина 212 г., а также налоговые реформы императора Диоклетиана (289–290 гг.) создали социальные основы единой фискальной системы империи. Признание прав гражданства для всего свободного населения империи, взимание поголовной подати с рабов и тяглогового скота (*capitatio*), а также составление единых имперских кадастров для взимания подати с земли (*jugatio*) устранили противоборство двух систем, ликвидировав саму социальную основу республиканского налогообложения — деление свободного населения на граждан и неграждан.

Изменения претерпевал и аппарат фиска. Его состав достаточно быстро по историческим меркам стал пополняться лицами из сословия всадников, традиционно связанных с откупной системой взимания налогов, а теперь представлявших интересы императорского фиска в провинциях (*procurator*). Таким образом, империя в отличие от республики утверждает единую систему гражданской ответственности, выраженной в обязанности выплачивать единый имперский налог. Его исчисление соответствовало цензовой традиции, однако оценка доходности земли проводилась имперскими чиновниками по единым земельным кадастрам с начислением части налога (*jugatio*), производилась оценка рабов по возрасту и ремеслу, а также оценка стоимости тяглогового скота (*capitatio*). Прочее же имущество подлежало самооценке в денежной форме. В развитии европейской традиции всеобщие гражданские права, таким образом, оказались связаны с имперским принципом построения государственности. Ярче всего эта связь проявилась в период Великой Французской революции, когда общественное мнение

приняло переход от республики к империи в качестве закономерного следствия развития гражданской свободы, завершающего путь революционной трансформации королевства.

Устранив с исторической арены противоречие «внутренней» и «внешней» систем налогообложения, формирующийся фиск трансформировал это противоречие, придав ему характер внутрисистемного. Чаще всего в исследованиях оно рассматривается как противоречие публично-правовых и частноправовых оснований фиска. Став общегосударственным финансовым институтом, он продолжал оставаться органом управления личным имуществом императора [11, с. 166, 174–175]. Чиновники фиска несли личную ответственность перед императором за результаты управления его имуществом, однако их материальное существование напрямую зависело от размеров реально взимаемых государственных налогов. Частный интерес этой социальной группы оказывался внутренне противоречивым. Место чиновника в аппарате было обусловлено отношением к *patrimonium* — части фиска, включающей личное имущество правящего императора, а реальное материальное положение связано с реализацией системы единого имперского налогообложения.

Хотя организационно и юридически противоречие двух частей фиска нашло сбалансированное разрешение только к VI в.н.э., теоретическое и практическое разрешение этого противоречия нашло выражение в римской теории налогообложения и имперской социальной политике. Ряд исследователей (М.Я. Сюзюмов, В.В. Серов) приходят к выводу, что в Риме существовала «теория налогов», ее изложение можно найти в трудах Цицерона, Саллюстия, Плутарха, Плиния Старшего, а завершенное выражение — в работах римских ученых имперского периода. Наиболее известным ее суждением является высказывание Цицерона, назвавшего налоги с провинций «*nervi republicae*» («жилами государства»). Положениями данной «теории» Тацит, Светоний и Плиний Младший оперировали в качестве критериев оценки деятельности императорской власти. Основными атрибутами римского понимания налогообложения являлись «законность и справедливость». Все мероприятия власти в области налогообложения, не соответствовавшие традициям, рассматривались как «незаконные». Те же из императоров, которые злоупотребляли налогами, оценивались как «тираны».

Наиболее полным выражением «общественной теории налогообложения» исследователи считают

«Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего. Цель налогообложения — достижение общей пользы, император — воплощение справедливости и общего блага в противовес корыстолюбию частных лиц. Тем самым право частной собственности сливается с возможностью пользования общим имуществом, а налогообложение представляется законным способом перераспределения плодов труда, более справедливым, чем сама Природа. Император становится выше Природы, он — живое воплощение божественной справедливости, спасающей людей от бедствий и нужды. Поступаясь в его пользу частью прав, собственник не утрачивает их, а приобретает новые гражданские возможности. Этот своеобразный «общественный договор» является системой взаимных персонифицированных обязательств государства и гражданина [12, с. 230].

По мнению современных исследователей, данная теория была определяющей для налоговой практики римской империи вплоть до начала V в. На основании представлений о возможностях фискальной системы строилась социальная политика имперской власти. Она состояла в расходовании средств фиска в тех направлениях, которые закрепляли в общественном сознании понятия о социальном равенстве, справедливости и гражданских свободах. В экстраординарных условиях данные средства способствовали стабилизации целостности имперского сообщества и компенсации гражданам за понесенные материальные потери. Таким образом, феномен налогообложения в его различных проявлениях оказывался включенным в картину мира римского общества и оказывал существенное влияние на мировоззренческие установки его граждан. Этот факт оценивается исследователями как наличие в римском обществе на протяжении всей его истории своеобразной «налоговой культуры», которая неразрывно связана с римской социальной традицией. Именно этот элемент традиции обусловил различные проявления самого феномена налогообложения в последующей истории сообществ Западной и Восточной Европы, а также Ближнего Востока и Северной Африки. Персонификация фискальных отношений легла в основу западноевропейской сеньориально-вассальной зависимости и византийского принципа симфонии светской и церковной властей. Разделение системы налогообложения на «внутреннюю» и «внешнюю» стало основанием раннеисламского сообщества.

Анализ многообразных прямых и опосредованных влияний социальных характеристик римского налогообложения на историческое развитие еще

ждет своего освещения в научной литературе. Однако отказ от редуцированной политэкономической методологии и формирование новых социально-философских основ рассмотрения феномена налогообложения дают возможность выявления в нем новых связей и аспектов. Изложенные в данной статье предварительные положения реконструкции налогообложения римского общества, несомненно, нуждаются в уточнении и дополнительной аргументации. Но по мнению автора, они даже в таком виде позволяют по-иному взглянуть на накопленный теоретический и эмпирический материал, сделать новые выводы о прошлом, настоящем и будущем феномена налогообложения.

Литература

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с.
2. *Маяк И.Л.* К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговля и торговцы в античном мире. — М.: РАН, 1997.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — М.: Терра, 1995. — 688 с.
4. *Тит Ливий.* История Рима от основания города. — Т. 1. — М.: Наука, 1989. — 579 с.
5. Словарь античности. — М.: Прогресс, 1989. — 704 с.
6. *Кончаловский Д.П.* Экономическая история Рима в ее источниках. — М.; Л.: ГИЗ, 1925.
7. *Зборовский Я.Ю.* Римские цензы периода республики: механизм действия, проблема достоверности (III–II вв. до н.э.) // Вестник Древней истории, — 1979. — № 4.
8. *Кузицин В.И.* Формирование права частной собственности в римской юриспруденции во II–I вв. до н.э. // Вопросы истории, 2008. — № 6.
9. *Кофанов Л.Л.* Коллегия торговцев Рима, цена их клятвы и общественные пиры // Торговля и торговцы в античном мире. — М.: РАН, 1997.
10. Исследования в области национальной экономики классической древности Родбертуса. — Вып. II. — Ярославль, 1881.
11. *Серов В.В.* Развитие системы управления императорским фиском в III–IV вв. // Античная древность и средние века: Сб. научн. трудов. — Екатеринбург, Изд-во Уральского гос. ун-та, 1998.
12. *Гай Плиний Цицилий Секунд.* Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего. — М.: Наука, 1982. — 410 с.

УДК 37(045)(470.67)

Метаморфозы дагестанского образования

БИЛАЛОВ МУСТАФА ИСАЕВИЧ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета (Махачкала)

E-mail: mibil@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются прошлое и настоящее школьного и вузовского образования в Дагестане. Показана трансформация исламских образовательных традиций в советской школе, их влияние на современное светское образование. Традиции и тенденции дагестанского образования сегодня образуют конкретно-историческую целостную систему, пронизанную многими противоречиями. Осмысление этих противоречий позволяет наметить пути и оптимальные модели становления единого образовательного пространства в регионе российского Кавказа и его последующего вхождения в мировое образование.

Ключевые слова: Болонская система, образовательное пространство, религиозное образование, светское образование.

Metamorphosis of the Dagestan Education

MUSTAFA I. BILALOV

Ph.D. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Ontology and Epistemology, Dagestan State University (Makhachkala)

E-mail: mibil@mail.ru

Abstract. This article discusses the past and present of the school and institutions of higher education in Dagestan. Shows the transformation of Islamic educational tradition in Soviet school, their influence on modern secular education. Traditions and trends in the education of Dagestan today form a specifically historical holistic system, no contradictions. Understanding these differences allows define ways and optimum models of single educational zone in the region of the Russian Caucasus and its subsequent entry into the world of education.

Keywords: Bologna system, educational space, religious education, secular education.

Современная система образования пронизана противоречиями вековых традиций и непрерывных реформ, пытающихся следовать ритму общественных изменений. Планирование, структурирование, контроль приводят систему в устойчивое, упорядоченное состояние, в то время как инициатива, новаторство, образовательные эксперименты толкают ее к неустойчивости и хаосу нелинейной системы. Именно состояние хаоса наиболее характерно для российского, особенно дагестанского, образования сегодня.

Система образования в России в целом соответствует классической модели, истоки которой восходят к европейской научной педагогике конца XVIII — начала XIX в. Эта традиционная модель предполагает,

что учащийся, отталкиваясь от школьной базы, перейдет к самостоятельному усвоению знаний, ценностей и умений более высокого порядка по сравнению с ранее освоенными. При этом современное российское образование носит явно выраженный информационный характер и базируется на репродуктивном обучении, или воспроизведении готовых знаний. Содержание обучения построено в основном на естественных науках и включает в себя лишь проверенное временем знание, а потому обращено в прошлое. Классический тип мышления, соответствующий этой модели, придерживается механистической картины мира с установкой на однозначные решения реальных проблем. Ярким выражением кризисных явлений российской системы

образования представляется нам переход к Болонской системе.

Сошлемся на очередной сопровождающийся скандалами и сенсациями цикл школьных тестовых испытаний 2013 г., известных как ЕГЭ. Подведенные Рособназдором предварительные итоги массового тестирования школьников вновь породили массу противоречивых взглядов на его эффективность, начиная от восхваления тестирования как объективного и беспристрастного инструмента селекции для дальнейшего обучения в вузах и заканчивая абсолютно негативной оценкой результативности такой работы. Во всех без исключения регионах России ЕГЭ себя не оправдывает в главном — в повышении качества образования. При росте количественных показателей оно из года в год ухудшается. Сам экзамен сопровождается массовыми нарушениями. «Всего в регионах зафиксировано более 800 случаев нарушений, допущенных должностными лицами при обеспечении и проведении государственной (итоговой) аттестации в форме ЕГЭ», — сообщают в Рособназдоре. Среди основных нарушений — ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, повлекшее нарушение процедур ЕГЭ (пользование мобильными телефонами, опубликование участниками ЕГЭ фрагментов КИМ); ослабление контроля за организацией и проведением ЕГЭ, недостаточная организация разъяснительной работы, ошибки и нарушения при работе с базами данных участников ЕГЭ.

По данным ведомства, наибольшее число нарушений выявлено в Северо-Кавказском и Центральном федеральных округах. Дисциплинарные взыскания наложены на 276 человек, 432 — привлечены к административной ответственности [1]. В числе регионов-нарушителей традиционно лидирует Дагестан. По словам министра образования и науки Республики Дагестан, число «высокобалльников» (от 80 до 100 баллов) превышает прошлогодние рекорды по биологии в 2 раза, по математике — почти в 4 раза. Перепроверка более 2 тыс. работ по биологии выявила около 600 списанных из Интернета работ.

Специалисты разного профиля, имеющие отношение к ЕГЭ, предлагают меры, которые могут привести его организацию в соответствие с интересами общества. Например, предлагается сделать ЕГЭ добровольным, дать возможность выпускнику несколько попыток сдачи экзамена, превратить результаты в конфиденциальную информацию, поручить проведение ЕГЭ негосударственным структурам, разрешить вузам выбор вариантов вступительных экзаменов и пр.

Нынешнее состояние образования в республике нельзя охарактеризовать без краткого обращения к его истории. В Дагестане и других национальных республиках Северного Кавказа веками внедрялось мусульманское образование, которое менее чем на столетие было прервано советской властью. Сегодня его пытаются возобновить, и наряду со светским образованием в ряде сельских районов функционирует начальная школа (мактаб), представляющая собой учебное заведение при мечети, или же занятия проходят в самой мечети. Учебная программа базируется на чтении Корана и обучении письму на арабском языке. Учебные программы не удивляют разнообразием. Помимо чтения и письма ученики проходят арабскую грамматику, хадисы пророка Мухаммада, основы математики и т.п. В настоящее время такого рода учебные заведения продолжают открываться благодаря поддержке не государства, а сложившейся на мусульманском Востоке давней традиции, когда состоятельные люди занимаются благотворительностью именно в сфере образования.

Первые медресе возникли в Дагестане более тысячи лет назад, в конце XI в., и со временем они появились почти в каждом крупном селении. К началу XX в. в Дагестанской области насчитывались 853 мусульманские школы с числом учащихся 5719, тогда как в 26 светских школах, открывать которые начали только с присоединением к России, обучалось всего 1896 чел., из которых в сельской местности, где проживало 95% населения, учились 493 ребенка, в том числе 25 девочек [2, с. 588–590].

Сегодня система исламского образования в Республике Дагестан включает в себя 14 исламских вузов (более 2600 студентов) с 43 филиалами (более 2400 студентов), 132 средних учебных заведения — медресе (более 4400 учащихся), 278 начальных школ — мактабов (около 4000 учащихся). Общее число обучающихся — около 14000 чел. Нынешние олигархи или просто «новые дагестанцы» не спешат ремонтировать разваливающиеся со времен советской власти школы или строить новые, но в угоду исламу готовы строить и финансировать мечети, мактабы, медресе и исламские вузы. Таким образом, *исламское образование в регионе развивается достаточно интенсивно*, можно сказать, что исламские учебные заведения современного Дагестана стали составной частью общероссийской и международной исламской образовательной сети.

Согласно Закону Республики Дагестан (РД) «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях», исключительное право на

создание учреждений профессионального религиозного образования для подготовки служителей культа и религиозного персонала имеют республиканские религиозные организации, прошедшие государственную регистрацию (сегодня этим занимается Духовное управление мусульман Дагестана). Религиозные вузы, их филиалы проходят обязательное лицензирование в управлении лицензирования, аккредитации и надзора в сфере образования Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. 12 из 14 исламских вузов, а также три теологических вуза имеют действующие лицензии от Министерства образования РФ, которое обязуется финансировать работы по составлению и изданию учебно-методических материалов, учебников и учебных пособий по религиозным дисциплинам, поэтому здесь влияния зарубежных фондов нет. При этом за рубежом в мусульманских вузах обучается более 1000 дагестанцев: 256 чел. — в Сирии, 185 — в Египте, 140 — Турции, 96 — в Пакистане, 59 — в Саудовской Аравии, Иране и других странах. Несколько десятков человек обучаются в таких странах, как Иордания, Тунис и др. Веская причина учебы за рубежом — научиться арабскому языку в разговорной среде.

В 2007 г. в Махачкале создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН). Его учредителями стали Институт теологии и религиоведения (Махачкала), Дагестанский исламский университет (бывший СКИУ), Чеченский исламский институт им. Кадырова и Ингушский исламский институт. Было разработано более 15 учебных программ по религиозным и светским дисциплинам («Пророческая деятельность и жизнеописание Пророка», «Намаз», «Религиозная философия», «Хадж», «История арабского языка», «Корановедение», «История арабских стран», «Хади-соведение», «Тасриф», «Исламское практическое право», «Исламская теология», «Закят», «Каллиграфия» и др.). Преподавание общеобразовательных светских дисциплин поставлено плохо, так как не хватает ни финансового обеспечения, ни желания руководителей вузов обеспечить светскую часть образования.

Тенденция развертывания в Дагестане исламского образования вносит негативные моменты в общую ситуацию с культурой и образованием. В общественном сознании формируется негативный образ светских наук. Кроме того учебные программы и дисциплины, их содержание и методы преподавания остаются традиционными и обращены в прошлое. В связи с расширением исламского образования дискредитируется подготовка квалифицированных

преподавательских кадров — большинство педагогических кадров дагестанских исламских учебных заведений являются выпускниками этих же вузов или медресе либо самоучками. Несмотря на это мусульманское духовенство Дагестана регулярно и настойчиво поднимает вопрос о введении в светское государственное образование преподавания основ ислама, аргументируя это тем, что в ряде российских регионов ведется преподавание основ православной культуры, значит, в исламском регионе, каковым является Дагестан, необходимо воспитывать детей в духе традиционного ислама в противовес попыткам внедрения ваххабизма и других форм экстремистской идеологии.

Закон РД «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях», как и соответствующий федеральный закон, по согласованию с соответствующими органами образования допускает включение в учебные программы государственной системы образовательных учреждений дисциплин, связанных с изучением истории мировых религий, религиозной морали, этики и нравственности, при условии, что их изучение в государственных и муниципальных образовательных учреждениях будет осуществляться без совершения религиозных культовых действий (статья 8). В последние годы Дагестанским научно-исследовательским институтом педагогики разработан, а Министерством образования и науки РД введен в учебный процесс ряд факультативных программ, курсов, таких как «История мировых религий», «Религия и ее памятники» и др. Однако духовенство настаивает на внедрении, хотя бы факультативно, именно *уроков ислама*, а не религиоведческих дисциплин, отношение к преподаванию которых даже в государственных вузах республики у мусульманского духовенства в основном негативное.

В исламских учебных заведениях особое внимание уделяется морально-нравственному воспитанию студентов. В них культивируется уважительное отношение студентов друг к другу, отсутствуют проблемы наркомании, алкоголизма, сквернословия, курения, преступности. В этом отношении исламские учебные заведения на порядок выше светских учебных заведений республики. Однако дагестанская система религиозного образования в целом не смогла противостоять и дать отпор ваххабитской идеологии и фактически проиграла в этом идеологическом противостоянии. Ваххабиты оказались более подготовленными и эрудированными.

Говоря о негативных тенденциях дагестанского образования, нельзя обойти вниманием и проблему

«учитель — ученик», которая имеет свои истоки в гносеологическом «субъект-объектном» отношении. Кто является подлинным субъектом учебного процесса? Как уходить от авторитарных традиций, превращающих воспитуемого и обучаемого в простой сосуд знаний и нравственных ценностей? Как перейти от ученика-реципиента и ретранслятора информации к деятельному и активному познающему субъекту? Каково место в современном образовании педагогики сотрудничества? Как вписать в нее традицию раздельного обучения мальчиков и девочек? В традициях мусульманского, а затем и советского образования подобный круг вопросов решался весьма неэффективно. Во всех исламских учебных учреждениях в основе учебной программы лежало главным образом изучение текста Корана, хадисов, а также особое внимание уделялось развитию памяти. Исследователи отмечают [3] (и на примере Дагестана тоже) заметный консерватизм системы традиционного мусульманского образования, господство в нем схоластических методов преподавания, преобладание духа религиозного фанатизма, нетерпимости и т. п. Так что типичному воспитаннику мусульманской школы было далеко до самостоятельного, деятельного, творчески активного и вдумчивого субъекта познавательного процесса. Более того, многие негативные моменты общественно-политической жизни, напряженность имеют основательную почву в консерватизме и догматизме мусульманского образования.

Все эти традиции и тенденции мешают дагестанскому образованию вписаться в современное образование, которое в цивилизованном мире становится сегодня своеобразным комплексом, осуществляющим непрерывное обучение на всех уровнях с опорой на новую образовательную парадигму. По мнению специалистов, новые образовательные модели должны ориентироваться «на новую педагогическую формулу обучения: знания — умения — навыки — понимание знаний — творчество» [4, с. 59]. Происходящее на рубеже тысячелетий существенное преобразование картины мира свидетельствует о наступлении качественно новой эпохи. Очевидно, что «модель образования XXI в. должна претерпеть кардинальные трансформации и ориентироваться не на прошлое (консерватизм), а на будущее (футуризм) человеческой цивилизации, также меняющей свою парадигму (модель) развития» [5]. Основными чертами новой парадигмы, по мнению разных авторов, должны стать смена основного смыслового знака образования «рационализм» на знак «культура»;

переход от репродуктивной модели образования, работающей на воспроизводство и стабильность имеющихся общественных отношений, к продуктивной, гуманистической, культуро-ориентированной модели [6, с. 12]. Главной тенденцией образования на современном этапе должны оставаться его гуманизация и гуманитаризация.

Идеи самоорганизации, саморазвития, самоопределения, самореализации и самоактуализации, провозглашенные синергетикой, гуманистической философией и психологией, оказались особенно востребованными в современной социокультурной ситуации, что определило появление *личностно-ориентированной концепции образования*, суть которой в следующем: человек рассматривается как сложная саморазвивающаяся система, признаются уникальность и неповторимость каждой личности и траектории ее развития, ее самоценность. Это предопределило переоценку целей образования, которые сместились с информатизации личности на создание условий и помощь в развитии и саморазвитии личности в целом, на понимание мира и самого себя, самоопределение в окружающем мире и культуре.

Суть образования в рамках культуроцентристской концепции образования (Е.В. Бондаревская, А.С. Запесоцкий, С.Ю. Курганов, Н.А. Лурья) — не наполнение памяти некоторым объемом информации и даже не развитие интеллекта, а воспитание «духовного инстинкта», который поможет личности обрести высший смысл жизни. В этом случае результат образования — духовность личности как абсолютная ценность человеческой жизни, основа целостности и душевного здоровья человека [7, с. 323]. Эта концепция «предполагает понимание образования как важнейшего социального института культурной преемственности; расширение гуманитарного ядра образования путем органичного включения в образовательный процесс духовно-нравственного потенциала российской культуры; возвышение роли воспитания как механизма формирования «культуры жизнеспособности» — психологической и нравственной готовности жить и работать в быстро меняющемся мире, как способа выращивания творческой личности, сознательного субъекта социально-культурных преобразований; оптимальное сочетание профессионализма и универсализма; ориентацию на принципы партнерства и социальной ответственности, на приоритет гуманистически и демократически ориентированных социальных технологий» [7, с. 324].

Эти новаторские концепции особо актуальны в условиях нынешнего преподавания гуманитарных

дисциплин в российском образовании, когда нарушаются пределы использования информационных технологий и тестовых методик организации ЕГЭ по истории, обществоведению, литературе и другим дисциплинам. Применение современных информационных, виртуальных технологий в образовательном процессе — это и мощный источник обеспечения доступности учебной и научной информации, и средство упорядочения учебно-педагогического и воспитательного процесса, и эффективный рычаг прямой и обратной связи преподавателя и обучаемого, и надежный определитель вклада каждого члена коллектива в общую копилку успехов, и продуктивное средство визуализации механизмов усвоения знания и т.д. Однако есть опасность чрезмерного увлечения информационными технологиями и тестовыми методиками, бездумного и формального подхода к их внедрению в учебный процесс. Необходимо соблюдать меру в этом вопросе, иначе происходит своего рода технизация и технологизация мышления, когда информация и информированность человека начинают подменять его интеллект, способность глубокого осмысления всей драматургии бытия.

Действующая практика тестовой унификации не подходит под стандарты социально-гуманитарного образования, не учитывает в полной мере его особенностей, обусловленных следующими фактами.

1. *Социально-гуманитарное знание не поддается столь же однозначной формализации, как естественнонаучное.* Известно, что строгая и полная формализация невозможна даже в математике, где, казалось бы, нет никаких пределов. Что же говорить об эффективности формализованных методик в социально-гуманитарном обучении, познании?

2. *В социально-гуманитарном знании не действует традиционная «двузначная», математическая или, как ее называют, Аристотелева логика.* Здесь царит содержательная, многозначная, или диалектическая, логика.

3. Для естественно-научного и гуманитарного знания характерно введенное еще представителем неокантианства Вильгельмом Виндельбантом *разделение на номотетическую и идиографическую стратегии методологий познания.*

4. В социально-гуманитарном знании есть механизмы не только объяснения, но и *понимания.*

5. Важная особенность социально-гуманитарного знания, которая не учитывается в современной практике тестирования в рамках ЕГЭ, — это его принципиальная диалогичность, точнее, *полилогичность.*

6. Действующая практика тестирования сводит к минимуму возможности *эмоционального воздействия* на обучающихся, особенно с использованием слуховых каналов связи людей.

7. Далеко не все, особенно в гуманитарной сфере, можно передать словами. Знаменитая фраза из стихотворения «Silentium!» Ф.И. Тютчева «мысль изреченная есть ложь» в полной мере отражает факт *расхождения между метафорой слова и содержанием мышления.*

8. Характерное для социально-гуманитарного знания трансцендирование (выход за пределы объективной реальности, воспринимаемого предметного мира) хотя и не дает такого же содержательно точного и конкретного знания, как это обеспечивает научно-познавательная рациональность, но может выявить такие *нюансы бытия, которые недоступны традиционным формам постижения мира и человека.*

9. *В гуманитарном знании не действуют привычные нам критерии истинности.* Ведь гуманитарное знание — не только форма научно-теоретического знания, но и форма мировоззрения. Любое мировоззрение глубоко лично, уникально, оно не укладывается в прокрустово ложе каких-либо общезначимых схем. С этим связаны многие методологические трудности применения тестовых методик, особенно на заключительных, экзаменационных стадиях обучения.

Прививает ли внедрение формализованных методик преподавания гуманитарных наук студентам и школьникам навыки ценностного измерения хотя бы в пределах их будущих профессий? Мягко говоря, не совсем. И одна из главных причин этого в системе высшего образования — «наукopodobное», субъектно-объектное их преподавание. Такое гуманитарное преподавание, уподобленное схемам науки, как в свое время отмечал выдающийся советский философ М. Мамардашвили, должно быть запрещено в системе образования. Преподавание гуманитарных наук в форме субъектно-объектной связи, где на одном полюсе — преподаватель как носитель абсолютной истины, а на другом — слушатель, которому остается ловить «жареных рябчиков абсолютной истины», есть только *средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим стандартам.* Всевозможные модные тестовые модели преподавания лишь усугубляют ситуацию, и без того сложную в специфических авторитарных традициях и языковых условиях Дагестана. И гуманитарные, и социальные науки, как свободное сосуществование разных форм знания, следует преподавать и изучать

только в форме *субъектно-субъектного диалога*, чтобы обеспечить развитие подлинной науки о человеке и обществе.

Таким образом, не только традиции исламского образования, но негативные моменты современного светского, особенно социогуманитарного образования осложняют отношения Дагестана с остальной частью России, препятствуют вхождению республики в единое российское и мировое пространство культуры и цивилизации [8]. При этом мы хорошо понимаем, что ориентиры единого образовательного пространства для Дагестана определяются с учетом не только общецивилизационных и российских параметров, но и кавказских векторов. Становление единого образовательного пространства в российском кавказском регионе и его последующее вхождение в мировое, на наш взгляд, предполагают ряд культурных предпосылок.

I. Народам региона при всей очевидной общности их исторических судеб предстоит осознать свои глубинные ментальные основы и определить духовный монолит, которые задают направление и характер развития культуры и образования. Потребуется совместные усилия ученых и политиков, отвечающих за духовное развитие общества, для осмысления цивилизационной перспективы и выработки общественного идеала.

II. Поскольку вхождение в единое мировое образовательное пространство народов региона предполагает установление диалога культур и традиций, обычаев и ментальностей, религий и педагогических систем, надо иметь в виду, что западный путь цивилизационного развития, в том числе европейские педагогические традиции, может оказаться неприемлемым в условиях геополитического столкновения в Каспийском регионе западной, восточноевропейской, китайской, мусульманской и индуистской культурных и образовательных традиций. По прогнозам политологов, в ближайшие четверть века с не поддающейся компромиссам остротой сойдутся Запад и не-Запада, а конкретнее — исламский и буддийский миры, близость ценностных сознаний которых между собой в несколько раз превосходит степень стыкуемости культурных идеалов каждого из них с европейскими [9].

III. Очень важно для рассматриваемого региона, чтобы педагогика и философия образования ориентировали школу на отказ от таких западных ценностей, как абсолютизация роли рационального в духовной жизни, приоритет практического успеха в деятельности человека и личностной свободы,

а также своеобразно истолкованный гуманизм. Все это на Западе уже отходит на второй план, а в восточных и мусульманских культурах никогда не считалось первичными ценностями. Однако, став участниками Болонской декларации, суть которой заключается в формировании единого европейского образовательного пространства и общеевропейской системы образования, на наш взгляд, российские регионы стимулировали влияние этих ценностей в ущерб оправдавшим себя историческим традициям.

IV. Образовательная и культурная политика Дагестана, как и всего мусульманского Кавказа, должна исходить также из того, что в условиях плюралистически формируемой субъектности человека и все возрастающего допуска к ее содержанию ценностей восточной культуры как атрибутивных параметров человеческого духа, создается ситуация свободного подбора соответствующего варианта спектра культурно-образовательных идеалов входящих в регион народов. И здесь важны сохранение и отстаивание подлинно перспективных, а не любых своих гуманитарных ценностей и педагогических идеалов. Так, вряд ли перспективно такое наследие времен империи Омейядов и Аббасидов, как раздельное обучение по половому признаку, схоластические методы преподавания, акцент на запоминание текстов, а также авторитарные традиции в мусульманской педагогике, превращающие обучаемого в «сосуд знаний»... Для образования в мусульманских странах и в XXI в. остаются проблематичными эффективные и перспективные субъект-объектные отношения в познании и образовании, переход от ученика-реципиента и ретранслятора информации к деятельно-активному субъекту познания, к педагогике доверия и сотрудничества.

Задача культурной и педагогической преемственности обучения и воспитания, быть может, — самая сложная в определении образовательного базиса. Ведь глобализация, с одной стороны, стимулирует процессы обновления в высшей школе, а с другой — ломает традиционные структуры и функции, и не только системы образования, разрушает ценности этнической культуры. В том же Дагестане идеологи и представители интеллектуальной элиты склонны к приукрашиванию исторического прошлого коренных этносов, идеализации их обычаев и традиций, к преувеличению их роли в перспективах образования. Однако, как известно, даже общепризнанные духовные ценности неодинаково значимы для народов. Если коллективная ответственность, уважение к старшим, патриотизм как ценности первичны для

восточных и мусульманских культур, то для Запада они вторичны или даже несущественны. Менее, но все же заметны противоречия между восточным и мусульманским духом: высоко ценимые в буддизме миролюбие, сохранение среды, святость пахотной земли, карма для мусульманина не столь смыслоджизненны.

V. Нельзя забывать также, что в современном образовании в Кавказском регионе все значимей становится религиозная тенденция. Если западная католическая традиция полагает в качестве цели образования воспитание деятельно-активной личности, то в восточноевропейской православной культуре акцент делается на духовное развитие, а в исламе — на идеи самосовершенствования. Эти идеи, развитые в книге ал-Газали «Воскрешение наук о вере» как необходимость этического воспитания наряду с обучением в образовательном процессе, не единственно значимые в современном мусульманском мире. Особенности национального ума и этнических составляющих познавательной культуры восточных народов во многом, во всяком случае более чем у европейцев, детерминированы религиозными традициями. Современное образование должно стать той сферой социальной жизни, где осуществится синтез всех трех позитивных религиозных тенденций, тем более что во всех культурах религия обладает достаточно высоким авторитетом. Плодотворный союз религий во имя эффективного образования должен воспрепятствовать распространению ложных представлений друг о друге. Например, популярное в христианском мире обывательское представление об агрессивности и жестокости исламских установок отвергается объективным анализом, но все же находит адептов даже в научной среде. Следовательно, сама проблема терроризма и стыкуемая с ней общественным мнением проблема столкновения религий и цивилизаций должны стать глобальной заботой образования и просвещения.

Сегодня Европа переживает перемены, сравнимые разве что с промышленной революцией. Цифровые технологии, биотехнологии, развитие коммуникационных сетей, расширение торговли — все это дает больше возможностей для развития личности, но и несет огромные риски. У людей появляется больше свободы в формировании своего образа жизни, однако это налагает на них все большую ответственность за собственную жизнь. Увеличивается разрыв между теми, кто преуспевает на рынке труда, постоянно поддерживая и обновляя свои навыки, и теми, кто безнадежно отстает, не поспевая за

стремительно растущими профессиональными требованиями. Все эти перемены можно в сумме описать как переход к «обществу, основанному на знании», или информационному обществу, т.е. такому, где основу экономики составляют нематериальные товары и услуги, где знания и умения приобретают первостепенное значение. Непрерывное образование рассматривает процесс обучения как постоянный континуум «от колыбели до смерти». И его основой служат те базовые навыки, которые человек получает в молодости. В информационном обществе эти навыки должны быть пересмотрены и расширены, к ним надо добавить умение учиться и желание продолжать свое обучение самостоятельно.

Однако в образовательной политике все эти факторы и обстоятельства экономики и культуры сегодня не принимаются во внимание, организация образования во многом подвластна инерции и формальностям. Подготовка педагогических кадров в Дагестане десятилетиями осуществляется исходя из того, что в аулах и селах не хватает учителей физики, химии, истории, русского или английского языков и т.п. И несколько наших ведущих вузов, не сбавляя оборотов, принимают и выпускают сотни историков, физиков, математиков... А их в глубинке как не было, так и нет. И все знают главную причину — низкий уровень оплаты труда школьного учителя. Вузы работают вхолостую. Кроме того, соображения, которые ложатся в основу ежегодных масштабов приема в вузы, вот уже много лет одни и те же: установки федерального Министерства образования и науки, запросы республиканских министерств (в первую очередь образования), престижность и модность специальностей, по которым традиционно высок конкурс, и т.п.

Говорят, нам не хватает юристов и экономистов, а те из них, кто в огромном числе оказались безработными, просто качеством не вышли... Но уже на протяжении многих лет мы наблюдаем, как сотни и тысячи выпускников этих направлений образования лишь насыщают коррупциогенные сферы нашего общества и усиливают и без того высокую напряженность в обществе. Это передается в вузы (в виде мнимых потребностей не подготовленной к обучению молодежи и стремления ее всеми правдами и неправдами получить эти модные специальности), а затем и в школу — вплоть до выпускных ЕГЭ зараза коррупции глубоко проникла в сферу среднего образования.

Необходимо в разы сократить прием на традиционные факультеты и направления или радикально

изменить их содержание новыми специальностями и специализациями, связанными с информационными технологиями. Скажем, учитель физики может быть подготовлен с дополнительной специальностью «информатика», математик — со специальностью «компьютерная безопасность».

Для мировоззрения и научного становления учебного базовое математическое и естественно-научное образование очень важно, но мы должны понимать, что в силу резкого возрастания производительности технического труда за счет широкого использования компьютерных и информационных технологий число занятых в материальном производстве специалистов данного профиля неуклонно снижается. В то же время тенденция к гуманитаризации и гуманизации образования еще в советское время зафиксировала поворот современного общества к ценностно-ориентированной науке и образованию. И сегодня в философии науки расставлены многие точки над *i*, выработан новый понятийный аппарат, отражающий явные поворотные тенденции в науке.

Например, очевидна необходимость «экологического императива» в научной, технической и производственной деятельности человека. Без экологической и социально-гуманитарной экспертизы научно-технических проектов сегодня немыслимы не только крупное производство, но и малый технический бизнес, что требует немалого числа специалистов совершенно нового профиля. Экологическая этика устанавливает нормы взаимоотношений между человеком и природой, предусматривающие нравственные основания природопользования. В развитых странах общепризнано, что такой этикой должны владеть почти все работающие, но соответствующей культуре надо людей обучать. Интенсивность процессов информатизации в современном мире и связанное с нею обострение психологических проблем, синдром информационной усталости также требуют предельного сближения технических и гуманитарных наук, и это должно быть отражено в вузовском образовании. Сегодня предъявляется все больше праксеологических, валеологических и социальных требований к создаваемому искусственному объекту, человеко-машинному взаимодействию, что невозможно без философии, психологии, педагогики. Посредством гуманитарного образования общество все больше обращает внимание также на негативные стороны максимизации функции полезности. Все это связано с необходимостью подготовки для производства совершенно новых специалистов, имеющих основательное гуманитарное образование.

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались качественным вплетением в научные знания личностных, социальных и культурных параметров познающего субъекта. Через понятия геосреды и этносферы наука и образование пытаются зафиксировать совокупность внешних факторов, которые могут придавать законам строения и развития общества различные особенности. При этом на поведение человека заметно влияет некий устойчивый инвариантный для разных эпох и этносов комплекс психических и поведенческих черт — *пассионарность*. Как особый вид энергии, как мера активности этнических коллективов или как поведенческий императив индивида пассионарность фиксирует то влияние человека на природу и социум, которое, безусловно, должно учитываться в науке, причем не только в гуманитарной, но и естественно-научной и технической. Клонирование и нанотехнологии, виртуалистика и козволюция объединяют в своих объектах реальности самой разной природы (физические, психологические, социальные, политические и т.п.), конкретизируя, таким образом, сопряжение антропоцентрической и космоцентрической перспектив исследовательской деятельности. Во всем этом проявляются не только сближение идеалов естественно-научного и социально-гуманитарного знания, но и кризис идеала ценностно-нейтрального исследования, во весь рост встает проблема идеологизированной науки. Происходит кощунственное и недопустимое для классической науки доминирование (даже в естествознании!) норм, эталонов, приемов, методов и идеалов социогуманитарного познания. Все эти еще в недавнем прошлом не прогнозируемые трансформации в науке должны иметь адекватные последствия в высшем и среднем образовании, в широком общественном сознании и культуре социума.

В Дагестане необходимость резкого увеличения приема в вузы на экологические, психологические, философские специальности очевидна еще и потому, что в нашем обществе происходят бурные и не всегда позитивные трансформации. Потребность повысить экологическое сознание и соответствующую поведенческую культуру не нуждается в обосновании — надо спасать флору и фауну Дагестана. Скоро даже его высокогорные аулы утонут в грязи и антисанитарии. Психологическое просвещение должно способствовать изменению культуры взаимоотношений дагестанцев, постепенно устранять из нашего духа горячность, нетерпимость, категоричность и другие негативные элементы менталитета. А подготовка еще в недавнем прошлом «экзотических» для наших мест

специалистов (философов, политологов, социологов, культурологов, религиоведов) сегодня как никогда и нигде актуальна на Северном Кавказе и в Дагестане. Все наши общественно-политические трагедии, в последние десятилетия дестабилизирующие социальное бытие и уносящие сотни и тысячи жизней мирных людей, обусловлены не природной агрессивностью или генетической тягой к экстремизму коренных народов региона, а идейно-мировоззренческими разногласиями, которые в цивилизованном обществе должны быть отрегулированы и согласованы в научных, аудиторных, партийных и политических дискуссиях. Для этого, как показывает жизнь, недостаточно немногочисленной интеллигенции, нужен массовый выпуск соответствующих специалистов с качественным высшим образованием.

В России, в том числе и Дагестане, начинается изучение в школах нового обязательного предмета — «Духовно-нравственное воспитание», в рамках которого ученики смогут получать знания по основам религиозной культуры и истории мировых религий. Кто будет в школе этим заниматься? Нам говорят: переподготовим столько-то учителей за столько-то времени и за такие-то средства. Все это похоже на очередную утопию, и в результате благое намерение может обернуться массовым проникновением в общеобразовательную школу примитивизма и мракобесия. Ведь много лет мы пытаемся преподавать в средней школе обществоведческие разделы — экономику, право, культуру, логику, этику, эстетику, историю религии, — но до сих пор это делается на недопустимо низком уровне...

Давно пора приступить к подготовке соответствующих педагогов. Выпускники этих специальностей сегодня нужны не только образовательным учреждениям, но и нашим аппаратам правительства и народного собрания, министерствам культуры, образования, информации, национальных отношений и внешних связей, по молодежной политике, комитету по делам религии и их ведомствам. Там должны трудиться не физики, филологи, историки или представители других частнонаучных знаний, а те, кто знает современные общественные отношения, социальную структуру общества, психологию личности, культуру, религию, политику, кто ориентируется в тенденциях информационного общества и глобализации. Эффективность образования физика или юриста реализуется в основном на практике, а психолога, культуролога и философа — не только в профессиональной деятельности, но и в быту, в общении с малыми и большими

социумами. Безработный физик или юрист, как правило, превращается в человека, потратившего силы и время на малопродуктивное для души и духа образование, тогда как даже не нашедший работу по специальности гуманитарий подготовлен для самодостаточного в духовном плане, личностного и микроструктурного функционирования, ценен для социокультурного развития общества. *Общегуманитарная профессиональная подготовка беспрорышна и для самой личности, и для государства.* Вот почему их доля должна быть значительна в общем числе абитуриентов.

Таким образом, традиции и тенденции дагестанского образования сегодня образуют конкретно-историческую целостную систему, пронизанную многими противоречиями. Разрешение этих противоречий требует объединенных усилий ученых, политиков, организаторов науки и образования.

Литература

1. РИА Дагестан [Электронный ресурс] URL: http://www.riadagestan.ru/news/in_russia/rosobrnadzor_opublikoval_spisok_lits_dopustivshikh_narusheniya_na_ege/ (дата обращения: 04.03.2014).
2. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 2004. — Т. 1. — С. 588–590.
3. *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. — М., 2001.
4. *Александров И.А.* Философская концепция высшего образования: к постановке новых образовательных моделей // Философия образования. — 2002. — № 5.
5. *Урсул А., Романович А.* Всемирный саммит по устойчивому развитию: итоги, надежды, перспективы // Alma mater (Вестник высшей школы). 2003. — № 4.
6. *Валицкая А.П.* Культуротворческая школа: концепция и модель образовательного процесса // Педагогика. — 1998. — № 4.
7. *Запесоцкий А.С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. — 2002. — № 2.
8. *Билалов М.И.* Единое образовательное пространство // Глобалистика. Энциклопедия / Ред. И. Мазур, А.Н. Чумаков. — М., 2003. — С. 326–327.
9. *Билалов М.И.* Восток и Запад в едином образовательном пространстве // Философия образования. — 2006. — № 3. — С. 8–13.

УДК 316.48(045)

Управление политическим конфликтом

БРЕГА АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры Общей политологии Финансового университета
E-mail: avbrega@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме управления политическими конфликтами. Обосновывается тезис о том, что, помимо отрицательной, конфликт как явление имеет также и положительную сторону, являясь естественным способом разрешения социальных противоречий. Представляя собой социальный процесс, политический конфликт характеризуется управляемостью, т.е. подверженностью внешнему организующему началу. При этом управление конфликтом не обязательно сводится к его предотвращению или урегулированию, так как в зависимости от обстоятельств политические цели субъектов управления могут наилучшим образом достигаться и в случае разжигания или эскалации конфликта.

Ключевые слова: механизм управления, политический конфликт, субъект управления, управление конфликтом, урегулирование конфликта.

Management of Political Conflict

ALEKSANDR V. BREGA

Ph. D (Political Science), Professor, Department of General Politology Financial University.
E-mail: avbrega@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the political conflict management problem. It substantiates the notion that, besides negative side, conflict also possesses positive one, being natural instrument of social contradiction solution. As a social process, political conflict is characterized by manageability, i.e. sensitivity to external organizing influence. Meanwhile, conflict management does not necessarily boil down to its prevention or settlement, as, depending on the circumstances, political goals of the subjects of management may also be best achieved in case of conflict initiation or escalation.

Key words: conflict management; conflict settlement; management mechanism; political conflict; subject of management.

Политические процессы, в отличие от природно-биологических, лишены абсолютной стихийности своего развития, они всегда подвержены определенному организующему началу, воплощающемуся в управлении. В соответствии с этим конфликт представляет собой процесс специфических отношений между политическими субъектами, управляем.

Если воспринимать конфликт лишь как патологическое явление, дезорганизующее общество, то основная проблема отношения к конфликту сводится к его ликвидации (подавлению), скорейшему разрешению. Признание же конфликта закономерным явлением общественной жизни, одним из средств разрешения

объективно возникающих противоречий, являющихся движущей силой развития, расширяет и углубляет проблему [1, с.73]. Эта проблема становится многоплановой, требующей учитывать его как негативно-разрушительное, так и позитивно-конструктивное воздействие.

В научной литературе все чаще и чаще говорится об управлении конфликтом. Это уже заслуживает того, чтобы обратиться к этой научно-теоретической проблеме, безусловно, имеющей актуализированную современностью практическую значимость. Имеющиеся определения политического конфликта подталкивают нас к выводу о том, что это социально-организованный процесс, сознательно инициируемый

субъектами общественной жизни в целях разрешения возникшего противоречия, препятствующего реализации их коренных интересов.

Конфликт является тем средством, с помощью которого, исходя из оценочно-ценностных позиций того или иного субъекта, гармонизируется текущее общественное развитие. Однако одной из функций сознательно организованных систем, которая обеспечивает сохранение системной структуры, поддерживает режим деятельности и способствует реализации программ и целей, является управление. Оно подразумевает целенаправленное воздействие на общественные процессы для упорядочения, сохранения, совершенствования и развития их определенной качественной специфики. Соответственно конфликт является своеобразным средством управления общественным процессом и одновременно сам управляем [2, с. 294].

Многие ученые как раз и не соглашаются с последним, приводя в качестве довода факт, что управление тем или иным общественным процессом обязательно подразумевает наличие единой цели управления, независимо от количества его субъектов. В конфликте же, если воспринимать его как социально-организованный процесс, субъекты обязательно имеют противоположные интересы и цели, зачастую применяя при этом различные стратегии, методы и средства их реализации и достижения. «Третья» же сторона в конфликте, преследуя единую цель — урегулирование возникшей конфронтации, в случае, если хоть одна из конфликтующих сторон противится и не подчиняется ее усилиям, не может в полной мере регулировать ход конфликта, достигая своих целей. Этот довод, безусловно, не лишен логической обоснованности, но, принимая во внимание этот аргумент, можно, очевидно, все же констатировать наличие единой цели управления конфликтом со стороны всех его участников. Как для субъектов конфликта, так и для «третьей стороны» единой целью управления является урегулирование конфликта. Ни одна из сторон не начнет конфликт ради самого конфликта, ради того, чтобы продолжать его вечно (даже известные истории столетние войны в конечном итоге приходили к завершению). Конфликт начинают для разрешения противоречия, а разрешить противоречие может только разрешенный конфликт. В соответствии с этим управление политическим

конфликтом объективно присуще сущности самого явления конфликта и, соответственно, не только может, но и должно исследоваться наравне с другими его неотъемлемыми элементами.

Анализируя различные подходы к управлению конфликтом, автор солидарен с Д. М. Фельдманом, который считает, что управление конфликтом есть не что иное, как деятельность, направленная на достижение целей, состоящая в поддержке, окончании конфликта или любом другом воздействии на его ход. Вместе с тем необходимо все же отметить, что управленческая деятельность начинается лишь на второй стадии развития конфликта. Думается, что конфликт управляем уже на латентной стадии его зарождения. Во всяком случае, если понимать под предотвращением конфликта действия, направленные на недопущение перерастания его во вторую стадию, то правомерно включить в управленческие акты, связанные с предотвращением конфликта.

Кроме того, управление конфликтом должно содержать и конечную цель воздействия на его ход. А таковой, с позиции субъектов управления, является стабилизация текущей социально-политической ситуации в условиях развивающихся политических противоречий. Этот вывод станет еще более очевидным, если учесть тот факт, что ни один здравомыслящий субъект не будет развязывать конфликт, особенно в его интенсивных формах, просто ради самого конфликтного взаимодействия с кем-либо. В любом случае развязавший конфликт субъект старается с его помощью изменить существующую ситуацию, исходя из своих интересов.

Таким образом, управление политическим конфликтом — это деятельность определенных субъектов по предотвращению или урегулированию конфликта, либо гармонизации его хода для рационального достижения целей участников текущего политического процесса.

Важнейшим аспектом исследования конфликта является понимание его объективности. Дело в том, что субъекты управления, как правило, представляют в качестве объекта не реальный конфликт, а его описание, образ, мысленное отражение, вербальную интерпретацию. В соответствии с этим каждая из сторон (непосредственные субъекты конфликта или «третьи стороны») стремятся представить «объективный образ» конфликта, но так, как они видят его со своих позиций.

Объективность же в оценке политического конфликта может быть достигнута в ходе исследования его содержания и выявления сущности противоречий, вызвавших конфликт. При этом для более эффективного воздействия на конфликт (управления) важно опираться на следующие принципы: а) анализ конфликта должен учитывать только те факты, которые наиболее актуальны в объективно сложившейся ситуации; б) анализ конфликта должен учитывать предшествующую конфликту ситуацию и объективную динамику его развития; в) подход к объяснению конфликта должен производиться с точки зрения подчинения его разрешения в интересах целого — прогресса общества, личности и т. д. Важным является признание возможности реального воздействия на конфликт. Это исключает отношение к конфликту как неизбежному и, соответственно, стимулирует поиск путей и методов воздействия на конфликт.

Понимание процесса управления политическим конфликтом требует рассмотрения механизма его реализации. Как правило, под механизмом управления конфликтом понимается взаимосвязанная совокупность норм, средств и методов управленческой деятельности того или иного непосредственных и опосредованных участников конфликта по достижению намеченных целей [3, с. 115].

Цель управления политическим конфликтом зависит от субъекта управления, которая заключается в оптимизации разрешения противоречий в интересах субъекта управления. При этом достижение главной цели происходит через достижение промежуточных целей: предотвращение, интенсификация (эскалация) или урегулирование конфликта. В свою очередь, цель зависит от субъекта управления. Поэтому анализ целей управления следует проводить с одновременным определением основных субъектов управления и используемых ими методов [4, с. 160].

Субъектом управления конфликтом может быть как сам субъект конфликта, так и «третья сторона». Выделяются основные и неосновные (скрытые) субъекты управления. Неосновные субъекты управления — это опосредственные участники конфликта, которые не включаются в его управление в качестве официальной «третьей стороны». Как правило, они своими скрытыми действиями латентно влияют на процесс

и исход конфликта. Нередко такие действия направлены на эскалацию конфликта. Основные субъекты обычно открыто демонстрируют свои намерения и действия [2, с. 301].

Как уже отмечалось, к субъектам управления конфликта относится и «третья сторона». Понятие «третья сторона» означает, что не участвующий в конфликте субъект вмешивается в него с целью его урегулирования. Другими словами, вмешательство с целью оказания политической, экономической, военной и другой помощи одному из участников делает «третью сторону» основным или неосновным субъектом конфликта. Понятие «третья сторона», являясь широким и собирательным, предполагает использование таких терминов, как «посредник», «оказывающий “добрые услуги”», «наблюдатель за ходом переговоров», «арбитр».

Отметим, что в настоящее время роль «третьей стороны» не сводится только к деятельности государства или его отдельных структур. Кроме государства в данном качестве выступают специально объединенные для урегулирования конфликта группы государств; международные и региональные организации; церковь; институты и организации гражданского общества; отдельные влиятельные лица и др.

Названные «посредники» относятся к признанным и уважаемым сторонам, которые по своей инициативе или по просьбе противостоящих сторон организует переговоры между ними. Зачастую «посредник» не только организует переговоры, но и активно участвует в них, помогая найти взаимоприемлемую формулу мира. В роли посредника могут выступать следственные или согласительные комиссии, а в последнее время все большее участие в урегулировании конфликтов в западных странах принимают менеджеры по конфликтам.

Главная задача посреднической стороны состоит в оказании помощи конфликтующим сторонам в поисках взаимоприемлемого решения. Однако за сторонами конфликта сохраняется свобода восприятия выводов посредников и их рекомендации. Они также не являются обязательными для исполнения конфликтующими сторонами.

Другая стратегия — «оказание “добрых услуг”» играет в урегулировании конфликта более пассивную роль, чем посредничество. «Добрые услуги» направлены прежде всего

на побуждение конфликтующих сторон разрешить конфликт мирным путем и предоставить им условия для такого решения [5, с. 62]. Например, «третья сторона» может ограничиться лишь предоставлением своей территории для проведения встреч между конфликтующими сторонами или выступить в роли своеобразного почтальона, доставляя сообщения от одного участника конфликта к другому. В частности так было «в 1999 году, когда Франция предоставляла свою территорию (замок Рамбуйе) для урегулирования косовского конфликта между сербами и албанцами. Различие заключается и в том, что посредничество подразумевает согласие на него всех конфликтующих сторон, в то время как «оказание услуг» возможно и с согласия лишь одной из них» [4, с. 161].

Помимо субъекта «оказания услуг» другой стороной является «наблюдатель за ходом переговоров», который вовлечен в процесс урегулирования. Несмотря на то что он в меньшей степени вовлечен, чем указанные выше субъекты третьей стороны, само его присутствие создает условия для снижения напряженности между конфликтующими сторонами. Наблюдатель сдерживает их от проявления как враждебных действий по отношению друг к другу, так и от нарушения ими ранее достигнутых договоренностей. Разумеется, данное обстоятельство способствует более конструктивному протеканию переговорного процесса.

Вместе с тем различия между «посредником», оказывающим «добрые услуги» и «наблюдателем» достаточно условны. Так, участники конфликта, например, соглашаются на «оказание «добрых услуг»» или же на «наблюдение за ходом переговоров», а в дальнейшем «третья сторона» оказывается в роли полноправного «посредника». В политической практике таких примеров немало. Самыми широкими полномочиями обладает «арбитр», поскольку данный субъект наделен полномочиями принимать решения, обладающие юридической силой для конфликтующих сторон. При этом участники конфликта должны следовать арбитражному решению даже в случае несогласия с ним. Однако для того, чтобы данное право обладало легальностью и легитимностью, выбор арбитров осуществляется самими спорящими сторонами.

Каков бы ни был статус субъектов «третьей стороны», главным методом ее деятельности

по урегулированию конфликта выступает примирение оппонентов на основе сближения их позиций и интересов. В основе этого метода лежат убеждение и ориентация на поиск мирного решения, где универсальной формой примирения выступает процесс принятия совместного решения конфликтующими сторонами, другими словами, — переговоры. Необходимость переговоров возникает как при победе одной из сторон, так и при их равенстве (особенно в случае неприемлемости соотношения результатов и цены противоборства). Если в ходе переговорного процесса все конфликтующие стороны признают его окончательно завершенным, вскрыты и нейтрализованы действительные причины разногласий и столкновений, то достигается наибольшая степень эффективности разрешения конфликта.

Отметим, что определенной устоявшейся регламентации переговоров не существует. Участники конфликта сами избирают наиболее предпочтительную процедуру консенсуса и пути постконфликтного сотрудничества. Важно, чтобы каждая из сторон следовала линии на сотрудничество, а не на достижение временного выигрыша. Только в этом случае будет укрепляться доверие друг к другу и повышаться уровень взаимного выигрыша. Если сторонами конфликта выбрана стратегия согласия, поиска и приумножения общих интересов, то впоследствии скорее всего будет меньше желание нарушать достигнутое соглашение. Вместе с тем необходимо помнить, что ради достижения соглашения любой ценой нет надобности во всем идти на уступки оппоненту. История дала немало примеров, когда такое соглашательство обернулось значительными бедами. В качестве такого примера может служить известный «Мюнхенский сговор» 1939 г. Безусловно, не может быть устойчивого соглашения, если одна из сторон в конечном итоге окажется ущемленной. Устойчивость достигается путем всеобъемлющего соглашения, нахождения компромиссов. Причем это касается переговоров, проводимых между сторонами как в ходе «мирно» протекающего конфликта, так и «горячего» политического конфликта.

При организации переговорного процесса важно выявить истинный интерес каждой из сторон в конфликте. Его ход и исход ни в коем случае не должен ущемлять достоинства, права

и свободы любого из участников конфликта. Особенно это касается переговоров, урегулирующих конфликты, когда победа одного оборачивается обязательным поражением другого (конфликт с «нулевой суммой»).

Наряду с вышеперечисленными действиями «третьей стороны» по урегулированию конфликта (управлению им), поиск соглашения подразумевает и другие действия. Этот процесс зачастую представляет собой очень сложный, длительный и непрерывный обмен требованиями и контртребованиями, предложениями и встречными предложениями. Сложность поиска соглашения объясняется не только многообразием интересов и идей, но и необходимостью своевременного реагирования на постоянно меняющиеся и противоречивые обстоятельства различной природы. Также важно учитывать, что, как правило, до перехода к переговорам использовались такие методы, как принуждение, оказание давления, всевозможное ограничение конфликтных действий. Последствия таких действий, разумеется, не могут не создавать отрицательный фон переговорному процессу.

Перечисленные выше методы и действия управления конфликтом применяются, как правило, «третьей стороной». Вместе с тем субъектом управления являются и сами конфликтующие стороны, с присущими методами и действиями по управлению. Необходимо подчеркнуть, что участники конфликта влияют на него в соответствии с ситуацией данного периода протекания конфликта в интересах его углубления или урегулирования.

В свою очередь, непосредственные действия в конкретной ситуации выбираются в соответствии со стратегией управления конфликтом. В современной литературе выделяются несколько типов стратегии управления конфликтом: соперничающий, предполагающий использование наиболее острых форм противоборства, исключая компромисс и подразумевающее навязывание противоположной стороне предпочтительного для себя решения; проблемно-решающий (корпоративный), направленный на совместный поиск решения проблемы, удовлетворяющий обе стороны. В отличие от соперничающего типа эта стратегия подразумевает наличие общих интересов и возможность достижения компромисса;

уступающий — одностороннее снижение уровня своих требований, первоначально выносимых в качестве конечных целей конфликта; избегающий — физический или психологический «уход» из ситуации конфликта, подразумевающий уклонение одной из сторон от практических действий в конкретной конфликтной ситуации; бездействующий — пребывание в состоянии конфликта без каких-либо действий по его интенсификации или урегулированию [6].

Таким образом, политический конфликт регулируется и управляется. Длительность и интенсивность конфликта зависит от множества факторов, в том числе от возможностей и способности сторон конфликта управлять им. Верно выбранная стратегия управления способна привести к усилению позитивных функций конфликта или, по крайней мере, блокированию негативных социально-психологических последствий [2, с. 379]. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск путей совершенствования механизмов, методов и форм управления политическими конфликтами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козырев Г.И.* Об особенностях политического конфликта // Вестник МУ. Серия 12: Политические науки. — 2007. — № 4. — С. 68–79.
2. *Коваленко Б.В.* Политическая конфликтология: Учебн. пособие для вузов / Б.В. Коваленко, А.И. Пирогов, О.А. Рыжов. — М.: Ижица, 2005. — 400 с.
3. *Рыжов О.А., Ларченков В.В.* Управление социальным конфликтом / Власть. — 2012. — № 5. — С. 114–117.
4. *Филатова Н.В.* Возможности реализации мирных стратегий управления политическими конфликтами // Конфликтология. — № 4. — С. 160–169.
5. *Васильев А.В.* Основные проблемы государственного управления политическими конфликтами в регионах России // Вестник Башкирского университета. — 2007. — № 1. — С. 34–68.
6. Политические конфликты и пути их разрешения / Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tspu.tula.ru/res/other/politolog/lec14.html> (дата обращения: 13.03.2014).

УДК 316.75:323.28(045)

Идеологические основания террористической деятельности

КАФТАН ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная политология» Финансового университета.
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Аннотация. В статье представлены положения, выдвигаемые идеологами терроризма, которые служат оправданием деструктивной деятельности террористов по разрушению инфраструктуры современного общества, похищениям и убийствам ни в чем не повинных людей для навязывания своей воли политической власти. Обосновывается мысль, что наиболее адекватным ответом на проявления террористической активности является создание антитеррористической идеологии.

Ключевые слова: виды идеологического терроризма; терроризм; террористическая деятельность; террористическая идеология.

Ideological Bases of Terrorist Activities

VITALIY V. KAFTAN

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Professor, «Applied Politics» Department, Financial University.
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Abstract. The article presents the ideas put forward by the ideologists of terrorism, which serve as an excuse of destructive activities of terrorists to destroy the infrastructure of modern society, abductions and murders of innocent people to impose their will on the political power. The idea is substantiated that the most appropriate response to the manifestations of terrorist activity is the creation of anti-terrorist ideology.

Keywords: terrorism; terrorist activity; terrorist ideology; types of ideological terrorism.

Политическая идеология, являясь теоретическим обоснованием системы ценностей определенных политических субъектов, наделяет политические процессы, в том числе и террористическую деятельность, своим собственным смыслом, рекрутируя человека в политическую активность, носящую насильственно-деструктивный характер. В этой связи особый научный интерес представляет выявление идеологических оснований современного терроризма.

Идеология (от др. — греч. *ιδεα* — прообраз, идея и *λογος* — слово, разум, учение) — система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая интересы различных социальных классов, групп, обществ, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо

обосновываются их преобразования (революционно-радикальные, экстремистские, террористические идеологии) [1].

К. Маркс в своей работе «Немецкая идеология» указывал, что производство идеи, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни [2; с. 24–25].

Маркс считал, что большая часть осознанных идеологических мыслей является «ложным»

сознанием, идеологией и рационализацией, а подлинные глубинные мотивы поведения человеком не осознаются, они коренятся в организации самой социальной системы, которая направляет сознание человека в определенное русло, тогда как целый ряд фактов и явлений остается за пределами сознания.

Один из основоположников неомарксизма А. Грамши не разделял интерпретации идеологии как целиком ложного сознания, он определял ее в качестве средства символической гегемонии господствующего класса. В своей работе «Тюремные тетради» Грамши обосновывает существование «исторически органичных» идеологий, которые имеют действительность, «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д., и идеологий произвольных, рационалистических, «надуманных», которые создают индивидуальные «движения», полемику и т.д. [3, с. 75]

Британский исследователь Дж. Лалл дает следующее определение гегемонии: «Это власть или доминирование одной социальной группы над другими при молчаливом согласии людей быть управляемыми принципами, правилами и законами, о которых они думают как о функционирующих в их интересах, даже если на самом деле это не так ... Гегемония — это процесс конвергенции, согласия и субординации. Идеи, социальные институты, индустрии и стиль жизни синтезируются в мозаику, которая служит для защиты политических, экономических и культурных преимуществ тех, кто управляет обществом... Масс-медиа играют чрезвычайно важную роль в этом процессе. При этом жертвы гегемонии не осознают, что подвергаются репрессиям посредством идеологии» [4, р. 51, 52].

Одним из первых мыслителей, обративших внимание на природу терроризма, является Л.О. Бланки (1805–1881 гг.). По его мнению, правительство «царствует при помощи террора» и бедные пролетарии обладают «справедливым правом» «умереть с оружием в руках за дело человечества» [5, с. 118–119]. Будучи последователем французских коммунистов-утопистов, он утверждал, что «нация беднеет от потери трудящегося; она обогащается от потери бездельника. Смерть богача — это благодеяние». Реализуя на практике свои идеи, Бланки создал заговорщическую организацию «Общество времен года». Ф. Энгельс приводит мысль Бланки о том, что «небольшое

число решительных, хорошо организованных людей может в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с чрезвычайной энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию...» [6, с. 92] В настоящее время данные идеи нашли свое применение в идеологии цветных революций, в которых, для создания благоприятного момента, в определенной степени может быть использован терроризм.

Философское обоснование было дано терроризму немецким философом К.П. Гейнценом (1809–1880). В своей статье «Убийство» в 1849 г. он указывал на то, что вопрос о моральности насилия не может иметь места, поскольку главное в политике — это то, достигнута ли поставленная цель, а средства, которые при этом используются, — вопрос маловажный. По мнению автора статьи, мораль — понятие условное, так как людям все время надо убивать. «Даже если бы нам потребовалось поразить половину континента или пролить море крови, чтобы покончить с партией варваров, нас бы не мучила совесть», — писал Гейнцен в своей работе [7, с. 12–13].

В русской революционной мысли вопрос о терроре был инициирован одним из основоположников анархизма М.А. Бакуниним (1814–1876), который остро поставил вопрос: допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы? В ряде прокламаций Бакунин сформулировал анархический вариант революции: партия готовит восстание, однако следует естественному ходу событий, будучи «не диктатором — указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного», и, коль скоро восстание — волеизъявление большинства, меньшинство уже не сможет узурпировать власть, обратившись к «террору» [8, с. 86].

Русский социолог П.Л. Лавров (1823–1900), стоявший у истоков революционной организации «Земля и воля», считал: «Всегда и всюду человек без убеждений был человеком без нравственности <...> не развившим в себе человеческого достоинства. Всегда и всюду человек <...> окаменевший в догмате <...> был человеком с извращенной, уродливой нравственностью. Всегда и всюду человек, действующий несогласно со своим собственным убеждением, неспособный принести жертвы своему убеждению, был жалким и позорным преступником против нравственности» [9, с. 410]. Таким образом, критическое мышление есть предпосылка морали. Человек не ведет борьбу против

людей за обладание собственностью или за власть над ними. Он борется против принципа, узаконивающего несправедливость, и вступает в единоборство с врагами справедливости.

Народник Н. К. Михайловский (1842–1904) в своей статье «Герой и толпа» утверждал, что все в истории зависит исключительно от воли героя, критически мыслящих личностей. Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задало все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений [10, с. 34–35]. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы. Теория «героя и толпы» стала концептуальным основанием для террористической тактики боевых организаций эсеров.

Сторонник заговорщицких организаций, «русский якобинец» П. Н. Ткачев (1844–1886) писал, что самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки» расстроила и погубила народное благосостояние, довела массу народонаселения до состояния нищенства и хронического голода, водворила во всех отраслях общественного управления систему хищения и всяческих злоупотреблений, вызвала у раба-холопа скотский страх за свою жизнь и личную безопасность. Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он сознает свои права, сознает всю унижительность своего рабства и делается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами [11, с. 268]. Для этого необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу данной государственной власти лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть.

Анархист П. А. Кропоткин (1842–1921) видел смысл терроризма прежде всего в возбуждении революционной активности масс, подталкивании народа к восстанию. «Выступления,

привлекающие всеобщее внимание, открывают идею доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр. Важнее всего то, что он будит бунтовской дух, пробуждает в людях смелость <...> Скоро начинает обнаруживаться, что существующий государственный «порядок» не так уж силен, как думали раньше. Какого-нибудь смелого акта оказывается достаточно, чтобы весь правительственный механизм расстроился: чтобы великан пошатнулся...» [12, с. 348–349]

Член исполкома «Народной воли» Н. А. Морозов (1854–1946) в своей статье «Значение политических убийств» наиболее последовательно отстаивал возведение политических убийств в систему. По его словам, политическое убийство, «наносит удар в самый центр правительственной организации, со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях» [13, с. 282–283].

В своем программном манифесте «Террористическая борьба» Морозов утверждает, что «террористическая революция» казнит только тех, кто действительно виновен в совершившемся зле, это борьба силы с силой, равного с равным; борьба героизма против гнета, знания и науки — против штыков и виселиц. Особо Морозов останавливался на таком отличии «современной террористической борьбы» от тираноубийств былых времен, как возможность для террориста избежать неотвратимого ранее возмездия. Тайна обеспечивает неуязвимость террористов и бессилие могущественной государственной машины. Исчезая бесследно, они могут снова бороться с врагом, снова жить и работать для своего дела. Мрачное чувство не примешивается к сознанию восстановленного человеческого достоинства. Победа «террористического движения» будет неизбежна, если будущая террористическая борьба «станет делом не отдельной группы, а идеи, которую нельзя уничтожить, подобно личностям» [14, с. 6–7].

Таким образом, целый ряд известных мыслителей по существу являются идеологами и апологетами терроризма. Однако далеко не все революционно настроенные философы разрабатывали террористические идеи. Здесь может быть показана и другая группа мыслителей, категорически отвергавших террористическое насилие даже

во имя достижения революционных целей. Так, А.И. Герцен в своих «Письмах старому товарищу», адресованных Бакунину в 1869 г., писал о том, что насилием и террором можно только освободиться от старого, но невозможно создать новое. Для этого нужно «народное сознание». «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Террор не уничтожает предрассудки, не завоевывает народности. Дико-необузданный взрыв не пощадит ничего, разгулявшаяся сила истребления уничтожит на своем пути все, что достигло человечество. Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей» [15, с. 145].

Во многом современная террористическая идеология эклектична и восходит своими корнями к социал-анархизму, мессианским идеям, историческому волюнтаризму. Следует считать, что она может быть использована разными политическими силами, потому что камуфлирует их подлинные интересы, нельзя полагаться на идеологические высказывания самих террористов, принимать на веру их самооценку.

Разновидности идеологического терроризма принято обозначать различными цветами.

Анархический (черный) терроризм преследует цели ликвидации государства как аппарата насилия, направленного против граждан, достижения «абсолютной свободы». Одним из «отцов» черного терроризма можно считать М. Бакунина, утверждавшего, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Терроризм использовался в качестве «пропаганды действием», пиком его проявления можно считать конец XIX–начало XX в., когда бомбисты-одиночки уничтожили президента Франции С. Карно (1894), президента США У. Мак-Кинли (1901). Сегодня анархический терроризм в чистом виде почти не встречается.

В идеологии *левацкого* (красного) терроризма нашли отражение взгляды революционного преобразования общества, кратчайший путь к достижению которого — физическое устранение правящей элиты. Эти взгляды основаны на трудах О. Бланки, Ж. Сореля, Мао Цзэдуна. Обычных граждан левые экстремисты считают жертвами эксплуатации и почти не прибегают к терактам против них, практикуя похищение политиков, богатых людей и взрывы «ненавистных символов капитализма» (германская «Фракция Красной Армии» — РАФ, французская «Прямое действие» — Аксьон Директ). В последние годы после кризиса

коммунистической идеи активность этой формы терроризма неуклонно падает.

Контрреволюционный (белый) терроризм пытается противостоять террористической активности левых группировок путем физического уничтожения террористов и осуществления насилия в отношении среды, воспроизводящей радикалов. В настоящее время имеет место в основном в государствах с тоталитарной формой правления и военной диктатурой, причем терроризм направлен не только против экстремистов, но и против поддерживающих их граждан.

Крайне правый, фашиствующий (коричневый) терроризм представляет собой реализацию идей о господстве «высшей расы», уничтожении «недочеловеков», создании в обществе атмосферы всеобщего страха как условия прихода к власти «сильной руки». Такими организациями являются «Общество Джона Берча» в США, итальянский «Черный порядок». Ныне фашиствующие группировки («Эскадроны смерти» в Латинской Америке) находятся в глубоком подполье, и активность крайне правого терроризма относительно невелика.

Националистический тип современного терроризма (черно-белый) направлен против представителей конкретной национальности, которая, по мнению экстремистов, «мешает», занимая «исконное» жизненное пространство и рабочие места коренного населения (движение «Гражданская милиция» и организация «Черная Америка» в США, израильская группировка «Ках», устроившая погром в Иерусалиме православной церкви).

Сепаратистский терроризм ставит задачи создания «независимого государства» в местах компактного проживания какого-либо народа, ради этого экстремисты уничтожают представителей местной администрации и интеллигенции, не разделяющих их взгляды и сотрудничающих с властями («ИРА», «ЭТА», экстремисты на Северном Кавказе).

Религиозный (фундаменталистский) терроризм эксплуатирует тезис о «священной войне» против представителей других вероисповеданий, его адепты осуществляют борьбу за усиление своего политического влияния, маскируя свои действия заботой о душах и сознании других людей ради установления религиозной истины — чей бог истинный, чья вера лучше. Среди таких религиозно-террористических организаций особенно заметны:

- использующие исламскую идеологию: Хезболлах — «Партия Аллаха», «Исламское движение сопротивления» — ХАМАС, Имарат Кавказ, «Исламская Партия освобождения» — Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, имеющие свои филиалы во многих странах и осуществляющие взрывы, убийства и захваты заложников;

- использующие христианское вероучение: американское общество «Ку-Клукс-Клан» — протестантские фундаменталисты, проводящие ночные ритуалы и нападения на представителей нацменьшинств (чернокожих, пуэрториканцев), «Церковь Арийской христианской нации», выступающая против иудеев, считая их служителями Сатаны, деструктивная секта «Ветвь Давидова»;

- использующие иудаизм — «Эял» («Боевая еврейская организация»), по некоторым данным, ответственна за убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина;

- использующие религию сикхов — «Национальная армия Халистана», на ответственности которой убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди;

- использующие экзотические «новые религии», например «Аум Сенрике» («Учение истины Аум») — якобы синтезирующая в себе оккультные знания Востока, помогающие людям реализовать свои скрытые возможности. Сегодня религиозный терроризм имеет самое широкое распространение по всему миру.

Терроризм в экологической сфере представляет собой новую крайнюю форму проявления борьбы против экологического загрязнения природы и деятельности человека, ведущей к ее освоению и разрушению. Так, считается, что наиболее экстремистская международная экологическая организация «Green Peace» постоянно балансирует на грани откровенного терроризма, используя против правительств и промышленных компаний саботаж, акции протеста на ядерных полигонах, электростанциях, других объектах повышенной опасности, что может привести к чрезвычайным последствиям.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время террористическая идеология, превращая потенциальные вызовы и угрозы во все более реальные, привлекает к себе возрастающее внимание общественности, которая фиксирует все более усиливающееся ее влияние на социально-политические процессы, связи и отношения.

Именно поэтому террористической угрозе следует не только противопоставить чисто силовые анти-террористические мероприятия, но и сосредоточить особое внимание на разоблачении и противодействии террористической идеологии.

Литература

1. Семизин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000. — Т. 2.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 3. — 650 с.
3. Грамши А. Тюремные тетради.: В 3 ч. — М.: Политиздат, 1991. — Ч. 1. — 564 с.
4. Lull J. *Media, Communication, Culture.* — Cambridge: John Wiley & Sons, 2000. — 320 p.
5. Бланки Л. О. Вопросник для вступающего в «Общество семейств» // Избранные произведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 399 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. — М., 1973. — Т. 26. — Ч. 2. — 712 с.
7. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М.: Юрлитформ, 2002. — 506 с.
8. Пирумова Н. М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. — М.: Наука, 1990. — 319 с.
9. Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. — М.: Мысль, 1965. — Т. 1. — 752 с.
10. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии.: В 2 т. — СПб.: Алетейя, 1998. — Т. 2. — 362 с.
11. Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Избр. соч.: В 6 т. — М, 1932. — Т. 3. — 356 с.
12. Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Мысль, 1966. — 504 с.
13. Листок «Земли и воли». № 2–3. 22 марта 1879 г. // Революционная журналистика семидесятых годов. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1970. — 354 с.
14. ¹⁴ Морозов Н.А. Террористическая борьба // Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 577 с.
15. Герцен А.И. Избранные философские произведения: В 2 т. — М.: Мысль, 1986. — Т. 2. — 654 с.

УДК 93/94(045)(470+571)

Особенности реформирования в дореволюционной России

ЧЕРНЫХ РАИСА МИТРОФАНОВНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета.

E-mail: chernyhr0407@gmail.com

Аннотация. Россия – страна великих возможностей. Ее история показала, что для успешного развития страны всегда важны были реформы, проводимые как «сверху», так и «снизу». В статье рассматривается проблема реформирования страны в дореволюционной России, в эпоху правления от Ивана IV до Николая II. Автор в своей работе обращается к проблеме своевременности и наполненности реформ, исследует их основное содержание и последствия.

Ключевые слова: государство; император; итог; модель; период; правление; преобразования; радикальный; реформа; социальный; укрепления; феодальный; царь; центральная власть; экономический; этапы.

Features Reform in Pre-Revolutionary Russia

RAISA M. CHERNYH

Ph. D (History), associate Professor, Department of Economic History and History of Economic Studies, Finance University.

E-mail: chernyhr0407@gmail.com

Abstract. Russia – the country of great possibilities. Its history has shown, that for successful development of the country the reforms spent both «from above», and «from below» were always important. In article the problem of reforming of the country in pre-revolutionary Russia, during an epoch of board from Ivan IV to Nikolay II is considered. The author in the work addresses to a problem of timeliness and fullness of reforms, investigates their basic maintenance and consequences.

Keywords: board; economic; feudal; model; radical, reform; social; stages, a result; strengthenings; the central power; the emperor; the period; the state; the tsar; transformations.

В настоящее время в России происходят качественные преобразования, которые охватывают различные сферы жизни нашей страны. Учитывая огромную значимость, многоплановость и противоречивость этих преобразований, имеет смысл рассмотреть опыт реформирования в нашей стране, определить особенности и противоречия процессов преобразований, учитывая традиции и менталитет реформаторов.

Суверенное развитие России явилось следствием стечения благоприятных объективных факторов и обстоятельств. Одним из благоприятных обстоятельств суверенного развития страны явились реформы и инновации, проводимые в нашей стране. Рассматривая реформы в России, следует привести слова российского

реформатора — М.М. Сперанского. Он писал: «История России со времен Петра I представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали» [1, с. 17].

Реформы часто путают с инновациями. При рассмотрении проблемы реформирования в России все же следует разграничить реформационную и инновационную деятельность. В.В. Ильин и А.С. Панарин дают такие определения реформе и инновации: «Реформа — направленное, радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство

(или планируемая модель такового), предполагающее изменение порядка сущностного функционирования социальной структуры, обретение ею принципиально иного фазового состояния» [2, с. 59]. «Инновация — рядовое, однократное улучшение, связанное с повышением адаптационных возможностей социального организма в данных условиях» [3, с. 13]. Таким образом, отличие состоит в том, что инновация — это однократное улучшение, а реформационная деятельность является инновационной деятельностью. Проблема реформ всегда превалировала и стояла весьма остро в России на всех исторических этапах.

Один из первых крупных пакетов реформ был проведен в эпоху правления Ивана IV (Грозного). В конце 40-х–начале 50-х годов XVI в. реформы, проведенные царем Иваном Грозным и «Избранной радой», были направлены на ликвидацию центробежных устремлений крупных феодалов и создание и укрепление государственного аппарата в стране. Реформы первого этапа предусматривали ограничение местничества; создание постоянного (стрелецкого) войска; реформирование налогообложения; создание приказов; отмену кормления. Была проведена Губная реформа и принят Судебник (1550 г.). Таким образом, первостепенная задача реформирования состояла в укреплении государственной власти. Итогами реформирования явилось усиление центральной государственной власти и ее социальной опоры — дворянства.

Второй период реформирования страны Иваном Грозным, названный опричниной, охватывал период 1565–1572 гг., был нацелен на установление неограниченной власти царя и борьбу с самостоятельностью боярства, ликвидацию остатков феодальной раздробленности удельных княжений и Новгородской вольницы. Это вполне укладывалось в общеевропейскую тенденцию усиления центральной власти, характерную для стадии абсолютизма.

XVI в. дал основу для дальнейшего распространения реформ. В это время происходило дальнейшее распространение феодального землевладения, развитие барщинного хозяйства, соответственно происходил рост товарно-денежных отношений в стране, усиление эксплуатации феодально зависимого крестьянства и прикрепление его к земле. Одновременно шло укрепление поместной формы землевладения. Вотчина являлась условной частной собственностью, а помещикам земли предоставляли при условии несения ими военной или государственной службы. Русское правительство

в XVI в. стремилось подчинить государству владения потомков удельных княжат и бояр. В тот период крупная феодальная вотчина, где владелец был независим от центральной власти, все больше противодействовала социально-экономическому развитию централизованного государства. Вследствие всех этих обстоятельств правительством стимулировалось развитие поместной системы. Указами 1551 и 1562 гг. суздальским, ярославским и другим служилым княжатам было запрещено, не уведомив царскую власть, продавать и отдавать монастырям собственные земли, разрешалось передавать их только законным наследникам [4, с. 14–15].

Одними из наиболее важных реформ середины XVI в. были замена дворцово-вотчинной системы на систему отраслевую и областную, формирование аппарата центральной и региональной исполнительной власти. Были образованы Поместный, Разрядный, Посольский, Стрелецкий, Разбойный, Земский, Казанский приказы.

Подводя итоги реформирования в России XVI в., нужно отметить широкий охват проблем: замена боярства на дворянство; развитие геополитического вектора; расширение контакта с европейскими и азиатскими странами; дальнейшее закрепощение крестьян; разделение государства на опричнину и земщину. Введение опричнины явилось аграрным переворотом, целями которого стали перераспределение земель от бояр в пользу дворян и окончательная ликвидация независимости крупного феодально-вотчинного княжеского землевладения. Происходило дальнейшее укрепление в России центральной власти. В экономическом плане эти преобразования привели к преобладанию барщины над оброчной эксплуатацией. В те годы произошла дальнейшая централизация финансово-налоговой системы. С 1551 г. была введена общая, единая для всех территорий единица взимания налогов — большая соха. При Иване IV проведена и церковная реформа, ограничивающая доходы церкви. С 1549 г. большинство монастырей лишились права беспошлинной торговли. Монастыри обязывались выплачивать также основные прямые налоги — пошный и ямской. Лишение монастырей льготных грамот привело к увеличению доходов государства [4, с. 21].

Однако не был решен ряд вопросов, в частности следующие: о престолонаследии (проблема обострилась еще при Иване III); не был выработан законодательный регламент власти. Время правления Ивана Грозного историк В.О. Ключевский

охарактеризовал так: «Жизнь московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она устроилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее... важнейшие политические вопросы были бы разрешены без потрясений, какие были им подготовлены» [5, с. 146].

До настоящего момента нет единого мнения ученых о ценности и результативности реформаторской деятельности Ивана Грозного. Историки В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, С.М. Соловьев и другие считали, что реформы второй половины XVI в. были лишь продолжением политики периода правления Великих князей Ивана III и Василия III. По мнению этих историков, реформы явились основой политики Петра I. Тем самым указанные авторы исключают значение личности Ивана IV из реформаторской деятельности XVI в. Историки же М.М. Щербатов, Н.К. Карамзин, В.О. Ключевский, М.Н. Покровский, хотя и признавали его значение, но оценили реформаторскую деятельность Ивана Грозного как непоследовательную и приведшую к деградации хозяйства в России.

Следующим важным этапом в реформаторской деятельности в России стал XVIII в. Тогда основными причинами реформирования в стране стали социально-экономическое, политическое, культурное отставание России от Западной Европы; ослабление международного положения России и угроза потери независимости. Император Петр I преследовал следующие цели реформирования: создание четко действующего государственного аппарата; создание регулярной армии и флота; замену устаревшей системы приказов новыми органами власти; возможность использования материальных и денежных ресурсов церкви.

При Петре I был проведен ряд системных реформ, в том числе реформы государственного управления в 1699–1711 гг., утвердившие неограниченное самодержавие, абсолютизм. С 1721 г. Россия стала империей. Реформы Петра I в исторической литературе также оцениваются неоднозначно. Так, историк М.М. Щербатов в петровских реформах увидел «повреждение нравов». Историк В.О. Ключевский оценивал преобразования Петра I как исторически закономерные и подготовленные московскими государственными людьми. Он считал, что эти преобразования «... не только создали атмосферу, в которой вырос и которой дышал преобразователь, но и начертали программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую даже дальше того, что он сделал» [6, с. 150].

Но главное, что после преобразований Петра I Россия стала одной из передовых держав, с которой уже надо было считаться. Специфическими чертами петровских реформ являлось совмещение индустриальной модернизации с военной кампанией. Но так же как при Иване IV, перевод России на интенсивное развитие при Петре I был проведен при жесточайшей эксплуатации народа. Петр I ввел закон о единонаследии, что сделало большинство дворян безземельными, а крестьяне и так земли не имели.

Последствия реформ Петра I — превращение России в империю с мощной армией и флотом; произошло подчинение церкви государству; осуществлялось активное вмешательство государства в социально-экономические отношения. Государственное преобразование конца XVII–первой четверти XVIII вв. привело к завершению оформления абсолютной монархии в России. Признаками абсолютизма явились бюрократизация аппарата управления и его централизация. Реформы Петра I привели к повсеместному контролю со стороны органов власти за всеми общественными структурами. Особенностью реформирования при Петре I стали жесткий курс и быстрый темп проведения реформ, которые проходили на фоне крепостного права и при отсутствии системы. Установление абсолютной монархии в России сопровождалось подчинением духовной власти светской и утратой православной церковью самостоятельности.

После правления императора Петра I до воцарения Екатерины II на троне побывали шесть правителей. Особенностью реформирования при Екатерине II стало усиление корпоративности (новое сословное управление). В целом в XVIII в. происходили расцвет абсолютизма, укрепление феодального землевладения и диктатуры дворянства. Отдельные помещики проводили кардинальные изменения в своих хозяйствах: внедряли технические устройства, вводили многопольный севооборот и новые культуры.

В 1765 г. основано «Вольное экономическое общество», деятельность которого была направлена на поощрение в России земледелия и домостроительства. Оно просуществовало до 1917 г. и было возрождено в наше время.

В XVIII в. продолжался процесс закрепощения крестьян. Императрица Екатерина II за годы своего правления раздала в частные руки более 800 тыс. душ крестьян, а император Павел I — 600 тыс. душ крестьян в крепостную зависимость. При

Екатерине II значительно расширились привилегии дворян: в 1762 г. они освобождались от обязательной государственной службы, сохраняя при этом собственность на землю. Таким образом, Екатерина II проводила политику неприкосновенности самодержавия и его опоры — помещиков.

В конце XVIII в. в России складывался рынок вольнонаемного труда. Указом 1775 г. было разрешено развивать крестьянскую промышленность, что привело к росту заводчиков из купцов и крестьян и активному вкладыванию ими своих капиталов в промышленность.

Усиление феодальной эксплуатации и превращение крепостных крестьян в «рабов» привело крепостническое государство к политическому кризису — Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг. Екатерина II после расправы с народным движением провела переустройство власти и управления в Российской империи. В 1775 г. издается законодательный акт — «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», который действовал вплоть до реформ 60–70 гг. XIX в. Проведение губернской реформы сопровождалось принятием мер по укреплению дворянства в центре и на местах, происходила передача функций коллегий губернским органам. Свои функции сохранили следующие коллегии — Иностранная, Военная, Адмиралтейская. В 1775 г. была упразднена Запорожская Сечь, а большинство казаков переселили на Кубань.

В 1785 г. «Жалованная грамота дворянству» закрепила право дворян на владение населенными землями, устанавливала наследственность дворянского звания и освобождала их от личных податей и повинностей. Изданными «Жалованными грамотами» дворянству и городам Екатерина II регулировала законодательство о правах и обязанностях сословий. Согласно «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» оно освобождалось от обязательной военной службы, личных податей, телесных наказаний. Имения объявлялись полной собственностью помещиков, им разрешалось основывать собственные фабрики и заводы. «Жалованная грамота городам» поставила все шесть категорий городского населения под контроль государства. Власть в городах находилась в руках городничего, управы благочиния и губернатора.

Реформы 1775–1785 гг. укрепили абсолютную монархию в России. В 1785 г. было издано специальное «Ремесленное положение», являвшееся

частью «Жалованной грамоты городам». Цель такого положения — стремление превратить городских ремесленников в одну из сословных групп феодального общества.

В 60–70-е годы XVIII в. императрица Екатерина II попыталась создать систему закрытых сословных учебных заведений, приоритет отдавался воспитанию, а не образованию, полагая, что «корень всему злу и добру — воспитание».

Доходы казны в России за вторую половину XVIII в. возросли в четыре раза, одновременно расходы увеличились в пять раз, и страна впервые стала использовать внешние займы. В 1769 г. появились первые бумажные деньги.

Итогом реформ XVIII в. стало сохранение общей тенденции усиления роли государства и развития абсолютизма, разграничение сословного деления, рост дворянских привилегий и закрепощение крестьянства.

В начале XIX в. Россия стала играть заметную роль в европейской политике, но существенно уступала развитым европейским государствам по целому ряду важных технико-экономических и социальных показателей. Занимая огромную территорию — 17,4 млн кв. км (почти шестую часть всей земной суши), население страны составляло менее 4% населения Земли.

Особенность национальной экономики России в XIX в. — одновременное существование нескольких хозяйственных укладов, в том числе натурально-патриархального, полукрепостнического и государственно-монополистического. В тот же период начинал формироваться в России и частнокапиталистический уклад. Зарождающийся класс предпринимателей, не имея политической власти и испытывая противодействие со стороны самодержавно-помещичьего государства, не мог воплотить в жизнь многие свои экономические начинания. Специфика хозяйственной жизни порождала многочисленные и разнообразные проблемы, которые находили отражение в ведущей отрасли экономики — сельском хозяйстве.

Россия оставалась аграрной страной, а ведущей отраслью экономики — сельское хозяйство. По переписи 1795 г. 90% населения страны составляли крестьяне, а 2% — дворяне. Крепостные крестьяне составляли 11 млн человек, а крепостное хозяйство состояло из барского и крестьянского. Крестьянские повинности были разнообразны: в черноземных губерниях преобладала барщина, а в нечерноземных — оброк. Государственных

крестьян насчитывалось около 9 млн душ мужского пола. Они находились на оброке, который в 1830 г. был заменен поземельным сбором; крестьяне платили и подушную подать. Производительность крестьянского труда была низкой, страна нуждалась в преобразованиях, и необходимость модернизации признавалась верхушкой российского общества.

Особенность проведения реформирования России при Александре I была связана с деятельностью неофициального комитета при молодом императоре в составе графа Виктора Кочубея, графа Николая Новосильцева, князя Адама Чарторыйского, графа Павла Строганова. С их помощью царь Александр I хотел осуществить реформы государственного управления. С 1801–1803 гг. в стране существовал Негласный комитет, названный императором Александром I «Комитетом общественного спасения». Комитет должен был контролировать создание независимых и законодательных ветвей власти — Государственной Думы, избираемой из представителей всех сословий; исполнительной — министерств, подчиненных Думе; судебной — Сената. Все три ветви власти должны были находиться под контролем Государственного совета. Встретив противодействие со стороны дворянства в 1807 г., Негласный комитет прекратил свою работу. Позднее к реформированию в стране императором Александром I был подключен основной его советник М.М. Сперанский (1772–1839). В тот период происходило привитие российской жизни духа закона. В 1808–1810 гг. М.М. Сперанский разработал проект Государственной Думы — законодательного собрания, который не был одобрен консервативными чиновниками. Был учрежден только Государственный совет — прообраз созданной в 1810 г. верхней палаты Думы. М.М. Сперанский рекомендовал осуществлять выборность чиновников; создавать независимый суд. Предложения М.М. Сперанского вызвали недовольство со стороны дворян, что вынудило императора Александра I отправить его в ссылку. Проведению реформ Александру I помешала и разорительная война 1812 г.

Проект реформ, как считают русские историки, не должен превращаться в условные конструкции при претворении в жизнь. В.О. Ключевский, оценивая реформаторскую деятельность М.М. Сперанского, отмечал: он «был способен к удивительно правильным политическим построениям, но ему туго давалось... понимание действительности <...>. Приступив к составлению общего плана

государственных реформ, он взглянул на ... отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математические правильные государственные построения. Он и начертил такой удивительный план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных «средств России»» [7, с. 200].

В период правления Александра I был осуществлен и ряд других преобразований. Император отменил ряд указов Павла I: вернул 12 тыс. человек, сосланных в Сибирь; восстановил Жалованные грамоты дворянству и городам; отменил Тайную экспедицию; освободил от телесных наказаний священников; разрешил открывать частные типографии и выезжать за границу, а также ввозить в Россию книги из Европы.

В центре внимания Александра I находился крестьянский вопрос, который являлся одним из основных в системе преобразований, без его решения была невозможна модернизация страны. Крестьяне были помещичьи, государственные и удельные. Крепостные крестьяне составляли 11 млн человек душ мужского пола, государственные — 9 млн. 2 млн человек принадлежали членам царской семьи. Производительность крестьянского труда оставалась низкой. Россия нуждалась в кардинальных преобразованиях сельского хозяйства, которые стремился провести при восшествии на престол Александр I. В 1801 г. императором был издан Указ, по которому разрешалось представителям третьего сословия приобретать землю, что нарушало монополию дворян на землю. Одновременно помещикам запретили продавать крепостных крестьян без земли, а купечеству и мещанству было предоставлено право покупки населенных земель.

Действия императора Александра I носили противоречивый характер. Русские историки считают, что его царствование начиналось как реформаторское (со М.М. Сперанским), а закончилось как реакционное (с А.А. Аракчеевым).

После смерти императора Александра I на престол вступил Николай I, который поставил задачу: «Очистить Русь от заразы, извне к нам нанесенной». Он, как и Петр I, верил во всемогущество государства, государственной власти он предлагал насаждать «отечественное, природное, не чужеземное воспитание». Николай I признавал, что крепостное

право — величайшее зло, но отмену его считал опасным делом. Безземельное освобождение крестьян в Прибалтике, проведенное в 1816–1819 гг., он осудил.

В годы правления Николая I в России действовало 11 «секретных комитетов», деятельность которых была направлена на разрешение крестьянского вопроса. Ряд предложенных комитетами мероприятий был осуществлен. В 1833 г. помещикам было запрещено продавать крестьян с публичного торга. Указом 1836 г. подтверждалась монополия дворян на владение крепостными. Тем не менее положение крестьян как основной производительной силы все более ухудшалось. Только с 1836 по 1851 г. численность помещичьих крестьян сократилось на 0,5 млн человек. В 1842 г. закон Александра I о свободных хлебопашцах заменил законом об «обязанных крестьянах». По этому закону при освобождении крестьян за выкуп земли оставались в собственности помещиков, а крестьяне получали эти наделы во временное пользование.

В 1837–1841 гг. в стране проводилась разработанная П. Д. Киселевым реформа управления государственными крестьянами. Созданное в 1837–1838 гг. Министерство государственных имуществ установило опеку над государственными крестьянами. Им были значительно расширены земельные наделы, разрешалась аренда государственных земель, нуждающимся выдавался кредит на льготных условиях. При этом создавались запасы зерна на случаи неурожая, облегчались и условия переселения крестьян в восточные губернии. Барщина отменялась в арендных имениях, а крестьяне переводились на денежный оброк. Такие крестьяне получили возможность покупки земли и право заниматься коммерческой деятельностью. Бедным крестьянам разрешалось уходить из деревни и работать по найму. По указу 1840 г. посессионным крестьянам разрешалось выходить на волю. В 1843 г. безземельные помещики потеряли право покупать крестьян.

Реформа П. Д. Киселева была направлена на повышение доходов казны и создание образцового крестьянского хозяйства. Для этих целей в губерниях создавались казенные палаты, а в деревнях предусматривалось волостное и сельское самоуправление. В деревнях намечалось строительство школ, больниц, ветеринарных пунктов, уточнялись размеры повинностей крестьян. Однако система управления государственными крестьянами оставалась слишком бюрократизированной, что вызывало их недовольство. В 1841–1843 гг. произошли

выступления государственных крестьян, подавленные войсками. С 1845 г. указом о майорате запретили дробление наделов во время наследственной передачи земли. С 1847 г. при продаже имений за долги помещиков крестьянам предоставляли право своего выкупа на свободу с землей. В 1848 г. был принят закон, разрешающий крестьянам приобретать недвижимость.

В середине XIX в. основной отраслью экономики России оставалось сельское хозяйство, в котором было занято до 90% населения. За первую половину XIX в. произошел рост производства промышленности, возникли новые города, городскому населению требовалось все больше продовольствия, а сельское хозяйство с низкой производительностью и невысокой урожайностью не могло в достаточной мере обеспечить городское население продовольствием. Урожайность зерновых составляла за первые 60 лет XIX в. сам-3,5–3,6. Сельское хозяйство в основном развивалось экстенсивно за счет увеличения посевных площадей. За период с 1802 по 1860-е годы XIX в. в 45 губерниях Европейской части империи посевные площади под зерновыми культурами увеличились с 38 до 58 млн десятин.

Перед Российской империей в первой половине XIX в. стояли и другие важные задачи, в том числе проведение преобразований в финансовой сфере.

Разорительная война 1812 г. и наполеоновская агрессия нанесли стране большой ущерб — усиливалась инфляция, упал курс рубля, а созданное министерство финансов не смогло полностью стабилизировать финансовое положение в стране.

Время правления императора Николая I историки охарактеризовали как период «нового не вводить, старое поддерживать». К середине XIX в. Российская империя с населением свыше 70 млн человек вступила в социально-экономический кризис. Правление императора Николая I, которое длилось 30 лет, сохраняло всевластие чиновничьего аппарата. В годы Крымской войны (1853–1856 гг.) Россия не смогла противостоять Англии и Франции. Военное поражение страны повлияло на общественное мнение различных слоев населения о необходимости модернизации экономики и общественной жизни.

Реформы первой половины XIX в. потеряли свою масштабность по сравнению с предыдущим периодом. Абсолютизм уже прошел свой пик, становясь постепенно анахронизмом, что сказывалось, несомненно, на экономическом и социальном

положении страны. Нерешенность многих вопросов поставила ребром вопрос о реформировании перед следующим правителем.

После смерти императора Николая I на престол взошел император Александр II, который стал великим реформатором XIX в. Основное направление его внутренней политики — совершенствование экономической и социально-политической системы страны в соответствии с потребностями времени при сохранении самодержавия. Прежде всего необходимо было ликвидировать крепостное право вследствие следующих причин:

1. Крепостническая система тормозила развитие страны, а помещичье хозяйство приходило к упадку. К 1850 г. из 127 тыс. дворянских семей разорились 24 тыс. Ко времени аграрной реформы 1861 г. большая часть дворян стали мелкопоместными. К 1859 г. в залоге находилось 2/3 дворянских имений. Имена и крестьяне переходили в руки государства.

2. Неэффективность хозяйствования в стране повлияла на рост финансового дефицита России в период 1853–1856 гг. с 52 млн до 307 млн руб. серебром, что поставило страну на грань банкротства.

3. Крепостническая система не способствовала индустриальной модернизации страны.

4. Крестьяне выступали против крепостного права.

5. Только в России, единственной стране Европы, сохранялось крепостное право.

Император Александр II, как и император Петр I, столкнулся с необходимостью решения системной задачи. Для преодоления хозяйственной, военной отсталости страны следовало ликвидировать крепостническую систему, ограничивающую развитие производительных сил и применение новых технологий. Военное поражение страны в Крымской войне показало наличие духовной стагнации в высших государственных слоях правительства и неизбежность перемен.

Реформы императора Александра II 1856–1874 гг. в исторической литературе названы великими. Это следующие реформы: городского управления, образования, армии, суда. Первое место в числе необходимых реформ принадлежит ликвидации крепостного права. Главным содержанием реформ явилась отмена крепостного состояния. Уничтожение крепостного права и последующие реформы должны были способствовать быстрому экономическому развитию страны. Крестьяне обьявлялись лично свободными и становились юридическими лицами. Отмена крепостного права

коснулась 22 млн помещичьих крестьян. Реформа не была последовательной, сохранялась принадлежность крестьян к особому сословию, они наделялись меньшими правами, чем дворянство и купечество. Крестьяне оставались прикрепленными к месту жительства и были связаны круговой порукой в вопросах уплаты налогов и несли натуральные повинности. В России при введении бессловных окружных судов для крестьян был сохранен словный крестьянский волостной суд, который сохранил телесные наказания. В стране завершилось первоначальное накопление капитала, главными источниками которого были наличие у крупных землевладельцев феодальной ренты, средств от выкупных операций; кроме того, получение средств у купцов за счет казенных подрядов, винного откупа, доходов от торговли и протекционистских мер. В 70-е годы XIX в. крестьянские платежи помещикам в черноземных губерниях превышали чистый доход с крестьянского надела в 1,5–3 раза, а в нечерноземных — в 2–6,5 раза.

Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. шло ускоренными темпами, страна вышла на первое место в мире по темпам роста производства промышленности. Россия за несколько десятилетий прошла такой путь, который другие страны Европы проходили века. Началось массовое железнодорожное строительство. В начале царствования Александра II длина железных дорог составляла более 1 тыс. км, а к концу 1880 г. уже около 23 тыс. км, что повлияло на развитие национального общероссийского рынка. Оборот внешней торговли в стране увеличился в разы: если в 1860 г. он составлял около 340 млн руб. (вывоз товара составлял около 180 млн руб., ввоз около 160 млн руб.), то в 1880 г. составлял уже около 1120 млн руб. (вывоз около 500 млн руб., ввоз около 620 млн руб.).

Отмена крепостного строя стало прогрессивным событием в истории России. В стране началась модернизация хозяйства, происходил переход от аграрного к индустриальному обществу, были подорваны устои натурального уклада, развивались рыночные отношения, формировались предпосылки для преобразования в сфере управления, судопроизводства, образования. Реформы 70-ых годов XIX в. и изменения, происходившие в ходе их осуществления, способствовали восстановлению России в статусе положения великой европейской и мировой державы, страна постепенно шла по пути превращения феодальной монархии в буржуазную страну. Но сохранявшиеся феодальные

пережитки определили будущие революционные потрясения в стране.

Великие реформы второй половины XIX в., однако, не затронули вопросов, связанных с формированием правового государства, нового гражданского общества. Практическое осуществление реформ в стране имело и существенные недоработки.

1. Большая часть земель сохранилась у дворян, не способных вести их обработку. Сохранявшееся помещичье землевладение, малоземелье крестьян, неудобные условия аренды угодий, отсутствие достаточного рынка рабочей силы — все это тормозило развитие капиталистического сельского производства.

2. Не полностью было ликвидировано внеэкономическое принуждение крестьян: сохранились статус «временнообязанных» и фактически «поземельное прикрепление крестьян с освобождением их от крепостной зависимости, но с сохранением вотчинного полицейского надзора помещика». В 1883 г. оставалось 15% крестьян «временнообязанных», за которыми сохранялись следующие повинности: барщина, оброк, издольщина.

3. В условиях «земельного голода» крестьяне были вынуждены арендовать на кабальных условиях помещичьи земли. При отсутствии денежных средств для уплаты за аренду земли крестьяне расплачивались за нее отработками на земле помещика. Крестьяне владели землей в разных полях, что также затрудняло ведение хозяйства. В пореформенный период росла нехватка земли, приведшая к крестьянскому малоземелью, а в дальнейшем к аграрному кризису начала XX в.

Тем не менее значение «великих реформ» трудно переоценить: они вывели Россию на путь капитализма, который она преодолела с рекордной, по сравнению с Европой, быстротой.

Но значение «великих реформ» упало в последующий период; прогрессивная реформаторская деятельность была приостановлена следующим императором. Проведение радикальных изменений (контрреформ) Александра III осуществлялось после мартовского 1881 г. убийства его отца Александра II. Советник императора Александра III К. Победоносцев, бывший его воспитатель, а позднее и ближайший советник, заявил: «... В России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг. А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституция, там существующая, есть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. И эту

фальшь, по иноземному образцу, для нас непригодную, хотя, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем...» [3, с. 5].

Тем не менее посыл, заданный «великими реформами», было трудно остановить. Конец XIX — начало XX вв. — переломный период в отечественной истории. Самодержавие было вынуждено приступить к преобразованиям в стране. Реформаторская деятельность С.Ю. Витте, возглавлявшего русское финансовое ведомство в течение 11 лет, была направлена на ускоренное промышленное развитие. Программы С.Ю. Витте включали: проведение денежной реформы, индустриализацию, осуществление активной внешней торговли, привлечение иностранных займов и иностранного капитала, модернизацию сельского хозяйства. Основное в экономической программе С.Ю. Витте — создание национальной самостоятельной индустрии, осуществление денежной реформы (придание рублю золотого паритета). Данная программа была осуществлена в течение 1895–1897 гг.

С.Ю. Витте, проводя индустриализацию, опирался на внутренние ресурсы страны: доходы от прямых налогов и косвенного обложения. При вступлении на пост министра финансов он повысил налоги, тяжелым бременем легшем на плечи беднейшего населения, при этом сохранил привилегии дворян. В 1894 г. была введена государственная монополия на продажу винно-водочных изделий, приносящая до четверти всех поступлений в казну. Индустриализация в России осуществлялась при таможенной защите русской промышленности от западных промышленников, поощрении вывоза русских товаров. С.Ю. Витте с 90-х годов XIX в. выступил за неограниченное привлечение иностранного капитала в национальную промышленность и железнодорожное дело.

С.Ю. Витте понимал, что индустриализация страны не может быть успешной без окончательного решения «крестьянского вопроса». Предложенная С.Ю. Витте в 1893–1899 гг. программа реорганизации сельского хозяйства была направлена на путь развития фермерства. С.Ю. Витте добился отмены на селе круговой поруки, телесных наказаний крестьян по приговорам волостных судов, при нем были значительно улучшены условия переселения крестьян на свободные земли. Данную программу в области сельского хозяйства в 1907–1911 гг. стал

осуществлять Председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин.

П.А. Столыпин назвал «государственным социализмом» правительственную аграрную программу, проводимую в начале XX в. Заслугой П.А. Столыпина стала попытка проведения эволюционной реформации «почвенного» уклада. Осуществление реформирования сельского хозяйства страны происходило без экспроприации и национализации помещичьих земель с их национализацией или социализацией. Проведение П.А. Столыпиным аграрной реформы было направлено на разрушение общины, ослабление социальной напряженности в центральных губерниях России. Но переселенческое ведомство не смогло в достаточной мере подготовиться к перевозке и устройству на новых местах большого количества переселенцев. Следует отметить, что заселение окраин переселенцами имело прогрессивное значение и явилось значительным вкладом в дальнейшее освоение новых районов империи. Но большинство крестьян были против выхода из общины. Как правило, из общин выходили беднейшие крестьяне и кулаки.

Аграрная реформа П.А. Столыпина с экономической точки зрения имела и прогрессивные черты, потому что открыла новые возможности для роста производительных сил в земледелии. Планы П.А. Столыпина были направлены на модернизацию страны не только в аграрном секторе, им были намечены программа по преобразованию местного управления, мероприятия по сохранению самодержавия.

Накануне Первой мировой войны «зерновой экспорт» России на 30% превышал экспорт Аргентины, Канады и США вместе взятых и составлял 15,5 млн т в год [8, с. 340–341]. Но, реалистически оценивая обстановку в стране, необходимо отметить, что после проведения крестьянской реформы Столыпиным в 1912 г. 60% крестьян составляла беднота безлошадная и однолошадная. А к 1917 г. хутора и отруба составляли только 1/10 крестьянских дворов. Правительство и император Николай II стремились сохранить самодержавие и предотвратить назревшую революцию. Но они не хотели проводить радикальные реформы одновременно во всех областях — экономической, социальной, политической. Это стало залогом падения монархической системы в России.

Подводя итог, необходимо сказать, что реформы в России проводились, как правило, «сверху», что не могло ликвидировать противоречия

в социально-экономическом развитии страны и в ее политическом развитии. Опыт российских реформ XVIII–начала XX вв. показывает, что для успешного проведения реформ необходима их тщательная подготовка. Важно и то, отвечают ли реформы потребностям большинства населения государства. Следует согласиться также с некоторыми исследователями реформ, которые считают, что для каждого исторического периода существует «предел перемен» [9, с. 186]. Реформы могут быть успешны при условии их комплексного осуществления, но это требование в России часто было невыполнимым. Важен и момент выбора осуществления реформирования в стране. Наиболее значимыми являются «упреждающие» реформы, которые снижают накал недовольства большинства населения страны. Для успешного осуществления реформ они должны основываться на достаточном финансовом обеспечении, для их реализации необходимо привлечь достаточно подготовленные кадры и в ходе осуществления проводить соответствующую корректировку. Опыт реформирования в дореволюционной России показал, что применительно к России с ее огромной территорией и различными местными условиями, национальными и географическими особенностями необходимы более тщательная подготовка и осуществление различных преобразований в стране.

Литература

1. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 240 с.
2. *Ильин В.В., Панарин А.С.*, Философия политики. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 283 с.
3. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России / Под ред. В.В. Ильина. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 400 с.
4. *Хозяйственные реформы в России (IX — XX вв.): Учеб. пособие.* / Под ред. А.Н. Романова, А.Н. Марковой. — М.: ВЗФЭИ, 1993.
5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. Т. 2. — М. 1991.
6. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. — М.: Правда, 1991 г. — 624 с.
7. *Ключевский В.О.* Соч. Т. 5. — М., 1989.
8. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. — М.: Курсив. 1995. — 604 с.
9. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы, 1945–1964. — М.: Россия молодая, 1993. — 198 с.

УДК 336.74:93/94(045)

Денежная реформа С.Ю. Витте в оценке консерваторов

БАЙБИКОВ ВАЧЕСЛАВ ЮРЬЕВИЧ

аспирант кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета
E-mail: Bvj@cbr.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из страниц истории денежного обращения в России – финансовой реформе, введению золотого рубля. Эта реформа была проведена по инициативе С.Ю. Витте. В статье описывается реакция на это событие консервативных слоев общества. Золотой стандарт, появившийся в России в конце XIX в., не был принят столь однозначно, как это обычно считается. Автор статьи анализирует горячие споры по поводу реформы, проходящие между консерваторами и либералами. Он подводит читателя к выводу, что даже самые устоявшиеся исторические представления стоит время от времени пересматривать, обращаясь к богатому фактическому материалу. Статья построена на обширном материале и позволяет представить подлинную историческую атмосферу, в которой проводилась денежная реформа С.Ю. Витте.

Ключевые слова: валюта; золото; золотой стандарт; консерваторы; кредитные билеты; либералы; обращение; печать; платежный баланс; правительство; проект закона; реформа; рубль; серебро.

Monetary Reform S.U. Witte in Assessing Conservatives

VACHESLAV YU. BAYBIKOV

Postgraduate, Economic History and History of Economic Studies Department, Finance University.
E-mail: Bvj@cbr.ru

Abstract. Article is devoted one of pages of history of monetary circulation in Russia – to financial reform, introduction of gold rouble. This reform has been spent at the initiative of S.J. Vitte. In article the emphasis on reaction to this event of conservative social classes is placed. The gold standard which has appeared in Russia in XIX., has not been accepted so unequivocally approvingly as it was accepted to consider it. The author of article analyzes hot discussions concerning the reform, passing between conservatives and liberals. It brings the reader to a conclusion, what even the most settled historical representations should be reconsidered from time to time, addressing to a rich actual material. Article is constructed on extensive natural material and allows to present original historical atmosphere in which S.J. Vitte's currency reform was spent.

Keywords: bill; bank notes; conservatives; currency; gold; liberals; reform; rouble; silver; the balance of payments; the gold standard; the government; the press; the reference.

В современной исторической науке распространено мнение, что консервативная часть общества выступила против денежной реформы С.Ю. Витте, приведшей к установлению золотого стандарта, так как денежная система, основанная на неразменных кредитных рублях, была наиболее выгодной для помещного дворянства, чьи интересы и выражала консер-

вативная публицистика [1, с. 90; 2; 3, с. 42–64; 4, с. 49–69; 5; 6, с. 37].

Действительно, один из главных идеологов консерватизма 1880-х гг., редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» М.Н. Катков одно время считал отказ от введения металлической валюты своего рода гарантией от развития в стране капиталистических отношений.

Он также заявлял о «полезном действии расширенного денежного обращения» на народное хозяйство [7]. С ним соглашался князь В.П. Мещерский, издатель официальной петербургской газеты «Гражданин». Н.Х. Вессель, Н.Я. Данилевский и Н.А. Новосельский, публицисты славянофильского направления, связывавшие падение курса рубля с состоянием платежного баланса, а не с количеством кредитных билетов и их металлическим обеспечением, также не поддерживали реформу [8, с. 473–533; 9, с. 137–198; 10, с. 220–247; 11, с. 549–587; 12]. Известные своими консервативными взглядами экономисты А.Я. Антонович и Н.Ф. Мец тоже являлись сторонниками теории бумажноденежного обращения [13; 14]. Позднее С.Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что он восстановил денежное золотое обращение вопреки общественному мнению всей России [15, с. 88–89].

Однако в действительности по вопросу, нужна ли денежная реформа и если нужна, то какая, у консерваторов не было единого мнения. В среде консервативно настроенной части общества находились как противники восстановления металлического денежного обращения, так и его сторонники.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, что отношение консерваторов к введению в России золотого стандарта не было столь единодушным и однообразным, как принято считать. Для этого необходимо обратиться к дискуссии по вопросу денежной реформы 1895–1897 годов, которая велась не только между консерваторами и либералами, но и на страницах консервативной печати между консервативно настроенными экономистами.

Денежная реформа проводилась в течение 1895–1897 годов. В феврале 1895 г. С.Ю. Витте представил в Комитет финансов проект закона о разрешении сделок на золотую монету, который был одобрен Государственной думой в апреле, а в мае утвержден императором Николаем II и вступил в силу. Это был первый шаг в реализации реформы. Журнал «Русский вестник», после смерти в 1887 г. М.Н. Каткова несколько изменивший свою позицию по ряду вопросов, с большой осторожностью отнесся к этому закону и выразил опасение, что в России может появиться два вида денег, одновременно находящихся в обращении, или даже три: золото, кредитные рубли и серебро [16, с. 263–264], что очевидно могло привести к дестабилизации бумажноденежной системы.

Кроме реакции этого печатного органа откликом на начало денежной реформы явился ряд научных и публицистических работ, вышедших в том же 1895 г. Их авторы с различных позиций оценивали как металлическое, так и бумажное обращение. Можно указать на труды С.Ш. Талицкого (С.Ф. Шарапова) «Бумажный рубль (его теория и практика)», Ю. Тришкина «О бедствиях повышения бумажных денег», М.М. Сперанского, Е.Ф. Канкрина и немецкого ученого Т. Герцки «Вексельный курс и лаж. По вопросу о восстановлении металлического обращения». Именно на эти работы ссылался «Русский вестник», выражая свою точку зрения на предстоящую реформу. Журнал знакомил читателей с позициями как противников системы металлического денежного обращения, например С.Ф. Шарапова, так и его сторонников, выдающихся финансистов и авторитетов прошлого — Е.Ф. Канкрина и М.М. Сперанского [17, с. 253–263; 18, с. 280–284; 19, с. 276–279].

Шестого ноября 1895 г. Государственный совет разрешил прием золотой монеты во все казенные платежи и во всех кассах Министерства финансов, а 28 декабря С.Ю. Витте выступил с речью в общем собрании Государственного совета с проектом предстоящей реформы. В 1896 г. этот проект был одобрен.

В основу своей концепции преобразования денежной системы С.Ю. Витте положил принципы, разработанные при И.А. Вышнеградском: девальвация рубля, установление золотого монометаллизма, параллельное обращение металлических и бумажных денег, гарантированный обмен кредитных билетов на золото, ограничение выпуска банкнот в пределах, не превышающих потребности денежного обращения, предоставление права Казначейству принимать звонкую монету в уплату налогов по существующему курсу, разрешение частным лицам использовать золотые монеты при расчетах между собой [20, с. 66].

Еще до официального рассмотрения проект был опубликован в газете А.С. Суворина «Новое время» — одной из самых влиятельных русских газет конца XIX–начала XX вв. и стал предметом обсуждения в прессе [21, с. 70; 22, с. 70]. Идеи С.Ю. Витте подверглись ожесточенным нападениям и особенно, как считают современные российские исследователи, со стороны консервативных общественных деятелей [1, с. 127]. В литературе отмечается, что в стабильной денежной

системе преимущественно нуждалась отечественная буржуазия, а помещики, чьи интересы отстаивали консерваторы, выступали в защиту бумажноденежного обращения [21, с. 70]. Так, сторонник биметаллизма и «аграрных» интересов поместного дворянства И. Борткевич в своей брошюре писал: «Эта реформа невозможна и несправедлива; она колеблет доверие к правительству и не согласна с его достоинством: она подрывает народное благосостояние и государственный кредит... она на руку биржам и нашим недоброжелателям» [23, с. 31].

Однако на страницах консервативного журнала «Русский вестник» на протяжении 1895–1896 гг. чаще можно встретить публикации, выражавшие одобрение действий Министерства финансов по подготовке и проведению денежной реформы. Например, в декабрьском номере 1895 г. «Русского вестника» приветствовалось разрешение принимать золотую монету во все казенные платежи и во всех правительственных кассах согласно указу от 6 ноября 1895 г. и выражалась надежда на скорый и окончательный переход к металлическому денежному обращению [19, с. 293–295].

В течение 1896–1897 гг. «Русский вестник» безусловно поддержал С.Ю. Витте и его идею введения в России золотого стандарта. Одним из доводов в пользу реформы явилось то, что эта система была уже введена в большинстве западных стран, с которыми Россию связывали тесные финансово-экономические отношения. Именно с этой точки зрения теоретической переход к золотой валюте представляется правильным и целесообразным, тем более что она уже принята в большинстве европейских государств и таким образом значительно облегчатся внешние сношения и торговые обороты. Также отмечался положительный эффект для национальной экономики от прекращения колебания курсов. «Русский вестник» писал: «Металлическое обращение в западноевропейских государствах представляет громадные преимущества перед неизменными кредитными билетами с колеблющейся ценностью» [24, с. 363–371]. Кроме того, «Русский вестник» соглашался с мнением С.Ю. Витте, что серебро теряет свою ценность: «при современном падении серебра, потерявшего более половины своей прежней стоимости, одно только золото может быть признано прочным мерилем всех ценностей». Общий вывод

из этого на страницах «Русского вестника» был сформулирован следующим образом: «Едва ли кто может сомневаться в том, что основная задача нашей финансовой деятельности должна заключаться в подведении металлического фундамента под пошатнувшееся здание нашего денежного обращения». Основываясь на этих соображениях, «Русский вестник» одобрил Высочайший указ 3 января о новой чеканке золотых монет «С означением на императорах цены 15 рублей и на полуимператорах цены 7 рублей 50 копеек», как ранее поддержал идею о девальвации рубля, в результате которой золотое содержание рубля было понижено на 33,3% [25, с. 321; 26, с. 77]. Правда, одновременно высказывалось предупреждение, что «не столь трудно ввести металлическое денежное обращение, как впоследствии удержать его» [27, с. 434–436]. При этом на страницах другого консервативного издания — «Нового времени» А.С. Суворин хотя и признавал, что «министр финансов (С.Ю. Витте. — Прим. авт.) сделался первым по значению и влиянию на других министров», но отрицательно оценивал золотой стандарт как важнейшую составляющую реформы. Он считал, что «не конверсии и т.д. создают цветущие финансы, а богатство страны», и советовал С.Ю. Витте заняться «повышением благосостояния населения страны и развитием народного образования» [28; 29].

После завершения денежной реформы дискуссии между противниками и сторонниками золотого стандарта не прекратились. Не было единства взглядов по этому вопросу и среди консерваторов. Против мероприятий С.Ю. Витте продолжал выступать известный экономист и публицист славянофильского направления С.Ф. Шарапов. В связи с этим он писал А.С. Суворину, что Россия «распродается единственно ради поддержки золотой валюты» [30]. С.Ф. Шарапов считал, что развитие российской экономики идет своим, отличным от Западной Европы, путем и что этот путь соответствует интересам крестьянства. С.Ф. Шарапов предлагал восстановление денежно-кредитной системы на принципах, утвердившихся еще в результате реформы Е.Ф. Канкрин [31].

С 1897 г. С.Ф. Шарапов начал издавать собственную газету «Русский труд», одной из целей которой было мобилизовать общественное мнение против политики министерства финансов С.Ю. Витте. О направлении своего издания

С. Ф. Шарапов высказывался следующим образом: «Большим местом русской жизни остается главным образом экономическая сторона, и в этом лежит весь смысл того, что наш новый орган мы называем «Русский труд». Этому труду приходится теперь особенно тяжело как по естественным, мировым причинам, так и по причинам искусственным, лежащим в доброй воле и власти правящих. С одной стороны, наше земледелие выдерживает на себе все невзгоды мирового хлебного кризиса, с другой, как его, так и всю остальную промышленность, угнетают неверные экономические мероприятия и неправильная финансовая система» [32]. Позднее, в связи с кризисом начала 1900-х гг., он писал: «Нашей Родине приходится переживать поистине критическое положение в экономическом и финансовом отношении вследствие заведомо ошибочной политики министра финансов» [33, с. 5]. Несмотря на популярность его идей в определенных слоях российского общества, поддержку представителей основных общественно-политических течений С. Ф. Шарапов не получил. Зато в числе сторонников денежной реформы был хорошо известный в среде консерваторов экономист П. Х. Шванебах, долгое время занимавший высокие посты в Министерстве финансов, а в 1906 г. ставший государственным контролером Российской империи. В 1899–1900 гг. П. Х. Шванебах опубликовал в «Русском вестнике» шесть статей, составивших исследовательский цикл под общим названием «Денежное преобразование и народное хозяйство». Позднее они вышли отдельной книгой [34, с. 35]. Свою позицию по отношению к реформе П. Х. Шванебах объяснял тем, что финансовые и торговые связи России с ее европейскими партнерами в 1880-х гг. уже «подчинились режиму золотого монометаллизма», что золото является своего рода «общим знаменателем» для России и соседних стран, ее экономических партнеров. Другим аргументом в поддержку денежной реформы, по мнению П. Х. Шванебаха, являлось то, что главная «цель реформы состояла в создании денежной системы, свободной от коренного порока бумажноденежной валюты — ее неустойчивости», преодолеть которую можно только с введением свободного размена на металлические монеты. «Мы могли вовсе отказаться от монетного преобразования, но раз мы решились на реформу, выбора у нас не было: только и оставалось

примкнуть к золотой валюте, ибо иначе цель реформы не была бы достигнута» [35, с. 31].

Хотя в целом отношении П. Х. Шванебаха к политике С. Ю. Витте оставалось неоднозначным, его оценка денежной реформы оказалась безусловно высокой. Он писал, что реформа была «проведена блистательно <...> без малейших потрясений, без колебаний имущественных прав, без изменения денежного счета» [36, с. 33]. Оставаясь убежденным консерватором, он подчеркивал именно отсутствие социально-экономических «сотрясений», искусственных изменений существующих условий, ибо на денежной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения. Главное положительное следствие реформы, по его мнению, было то, что «рубль остался рублем <...>, но из величины непостоянной и колеблющейся рубль превратился в величину постоянную и неизменную» [35, с. 431–432]. Денежная реформа, по его мнению, как раз «подвела фундамент» под экономическую жизнь без «существенных перемен» в ее основах [35, с. 432].

Подводя итоги, следует отметить, что позиции других влиятельных консервативных изданий также были неоднозначными. Так, «Гражданин» В. П. Мещерского вообще воздержался от критики С. Ю. Витте, хотя сам В. П. Мещерский лично продолжал оставаться в числе противников привязки курса рубля к золоту, о чем свидетельствуют его письма к С. Ю. Витте [37]. Газета «Московские ведомости», бывшая всегда в числе сторонников системы бумажноденежного обращения, наоборот, в 1896 г. поддержала С. Ю. Витте: «Едва ли когда финансовое положение России было настолько блестящим, как в настоящее время» [38].

Газета «Новое время» активно участвовала в обсуждении реформы, но оценки на ее страницах были непоследовательны. Например, в январе 1896 г. в газете появилась статья К. Ф. Головина, который писал, что «конечная цель всей теперешней финансовой системы — восстановление размена <...> приведет лишь к девальвации, т. е. к сильному потрясению всей нашей экономической жизни», а уже в феврале этого года в «Новом времени» была напечатана редакционная статья «К денежной реформе», поддерживающая ее основные положения [39; 40]. После завершения реформы отношение «Нового времени» к мероприятиям С. Ю. Витте стало более негативным.

В газете продолжал регулярно публиковаться К. Ф. Головин, взгляды которого эволюционировали от либеральных к консервативным. Публицист особенно отмечал несоответствие политики Министерства финансов задачам подъема благосостояния населения России [41; 42; 43].

Признание отсутствия общей для всех консервативных периодических изданий оценки денежной реформы С. Ю. Витте обогащает наши представления как относительно состояния консервативной идеологии в России на рубеже XIX–XX вв., так и состояния отечественной экономической мысли накануне первого этапа индустриализации.

Литература

1. Русский рубль. Два века истории. XIX – XX вв. — М.: Прогресс — Академия, 1994. — 336 с.
2. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999. — 430 с.
3. *Корелин А. П.* С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX–начала XX века // Отечественная история. — 1999. — № 3.
4. *Степанов В. Л.* Предпосылки денежной реформы С. Ю. Витте: политика министра финансов И. А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. — 2004. — № 5.
5. *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. — 430 с.
6. *Корелин А. П., Степанов В. Л.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. — М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. — 464 с.
7. Московские ведомости. — 1881. — 9 янв.
8. *Данилевский Н. Я.* Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов // Русский вестник. — 1882. — № 8.
9. *Данилевский Н. Я.* Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов // Русский вестник. — 1882. — № 9.
10. *Вессель Н. Х.* Основная причина нашего затруднительного финансового положения и основные меры для скорого и прочного поправления наших финансов // Русский вестник. — 1883. — № 11.
11. *Вессель Н. Х.* Основная причина нашего затруднительного финансового положения и основные меры для скорого и прочного поправления наших финансов // Русский вестник. — 1883. — № 12.
12. *Новосельский Н. А.* Современные задачи государственной экономики в России. — СПб., 1884.
13. *Антонович А. Я.* Теория бумажноденежного обращения и государственные кредитные билеты. — Киев: Унив. тип. (И. И. Завадского), 1883. — 268 с.
14. *Мец Н. Ф.* Погашение кредитных билетов как мера к упрочению нашей денежной единицы. — СПб., 1886.
15. *Витте С. Ю.* Воспоминания. — 1994. — Т. I. — с. 357; Т. II.
16. Из жизни и печати. — Разрешение сделок на золото. — Что за деньги наши серебряные рубли? // Русский вестник. — 1895. — Т. 238.
17. Критика. Наше золото, серебро и бумажки, по поводу книг: «Бумажный рубль (его теория и практика). Талицкий (Сергей Шараров). СПб. 1895 г. и «О бедствиях повышения бумажных денег». Ю. Тришкин. Киев. 1895 г. // Русский вестник. — 1895. — Т. 239.
18. Новости литературы. Т. Герцка. Вексельный курс и лаж. По вопросу о восстановлении металлического обращения. — СПб. 1895 // Русский вестник. 1895. — Т. 239.
19. Библиография // Записка о монетном обращении, графа Сперанского, с замечаниями графа Канкрин. СПб. 1895 // Русский вестник. — 1895. — Т. 241.
20. *Степанов В. Л.* Разработка концепции денежной реформы 1895–1897 гг. Роль предшественников С. Ю. Витте / Денежные реформы в России: История и современность: Сборник статей. — М., 2004.
21. *Муравьева Л. А.* Золотой рубль С. Ю. Витте // Деньги и кредит. — 2003. — № 3.
22. *Назарова И. А.* Цена победы над золотым предрассудком (в связи со 155-летием со дня рождения С. Ф. Шарарова) // Деньги и кредит. — 2011. — № 12.
23. *Борткевич И.* О денежной реформе, проектированной министерством финансов. — СПб., 1896.
24. Современная летопись. Внутреннее обозрение. К вопросу о денежной реформе. Кн.

- Д. Цертелев // Русский вестник. — 1896. — Т. 247.
25. Современная летопись. Внутреннее обозрение. Биржа, кредит и деньги // Русский вестник. — 1896. — Т. 242.
 26. Бугров А. В. На пути к «золотому рублю» // Денежные реформы в России: История и современность. — М., 2004.
 27. Экономическое обозрение. Подготовительные меры к денежной реформе. Л. Н. Воронов // Русский вестник. — 1897. — Т. 247.
 28. Новое время. — 1894. — 17 дек.
 29. Новое время. — 1895. — 20 марта.
 30. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4682. Л. 64об.
 31. Шарапов С. Ф., Оль П. Как ликвидировать золотую валюту? — СПб., 1899.
 32. Русский труд. — 1897. — 19 янв.
 33. Две записки Сергея Шарапова о русских финансах. — Берлин, 1901.
 34. Байбиков В. Ю. Подготовка и реализация денежной реформы 1897 г. в оценке П. Х. Шва
 - небаха (По материалам журнала «Русский вестник») // Актуальные проблемы историко-экономических исследований (научные труды преподавателей и аспирантов кафедры истории экономической науки). — Вып. 3. — Т. 2. — М., 2010.
 35. Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство // Русский вестник. — 1899. — Т. 256.
 36. Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. Наш расчетный баланс. — Заграничные платежи по государственному долгу. — Умножение золотого запаса после 1892 г. // Русский вестник. — 1899. — Т. 260.
 37. РГИА, ф. 1622, оп. 1, ед. хр. 448.
 38. Московские ведомости. — 1896. — 28 февр.
 39. Новое время. — 1896. — 10 янв.
 40. Новое время. — 1896. — 26 февр.
 41. Новое время. — 1896. — 5 февр.
 42. Новое время. — 1899. — 23 янв.
 43. Новое время. — 1902. — 8 дек.

**Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Институт российской истории РАН
Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории
Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова**

Москва, 30 мая 2014 года

Всероссийская научно-практическая конференция

Война, экономика и государственное регулирование в 1914–1918 гг. (к 100-летию Первой мировой войны)

Приглашаются преподаватели вузов, научные работники, докторанты, аспиранты, педагогические работники образовательных учреждений

- Проблемы изучения экономических аспектов I мировой войны
- Финансовая система и финансовая политика
- Промышленность, сельское хозяйство и государство
- Предпринимательство и власть: новые формы взаимодействия
- Трансформация хозяйственной инфраструктуры
- Социальная политика. Уровень жизни населения

Для участия в конференции необходимо:

- Зарегистрировать на сайте history.uf@yandex.ru
- Заявку на участие в конференции
- Тезисы

Регистрация участников
и контрольная дата
приема материалов
до 12 мая 2014 г.

включительно.

Контакты:

тел. 8 (495) 625-38-19,

e-mail:

history.uf@yandex.ru.

159.9(045)

Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности

ЛЕБЕДЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета

E-mail: apam_euro@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия социальной памяти, ценностно-смысловой неопределенности и групповой поляризации. Автор статьи обращает внимание на проблему адекватности мышления и поведения людей в нестабильном обществе, анализирует влияние отношения к прошлому страны на оценку современных социально-экономических процессов, а также обратное влияние отношения к современным социально-экономическим процессам на оценку исторических событий. В статье приведены и проанализированы результаты эмпирического социально-психологического исследования с применением психодиагностических методик. Автор статьи выдвигает концепцию социально-экономической неопределенности и дает психологическую интерпретацию механизмов регуляции социальной памяти и ее влияния на общественное сознание.

Ключевые слова: групповая поляризация; механизмы личностной защиты; психодиагностические тесты; семантический дифференциал; социальная память; социальные иллюзии; теория ограниченной рациональности; теория перспектив; ценностно-смысловая неопределенность.

Psychological Mechanisms of Social Memory in Conditions Value-Conceptual Uncertainty

ALEXANDER N. LEBEDEV

Doctor (Psychology), Professor, Head of the Department «Applied Psychology» Financial University

E-mail: apam_euro@mail.ru

Abstract. The article examines the concepts of social memory, value-conceptual uncertainty and group polarization. The author draws attention to the problem of adequacy of thinking and behavior of people in an unstable society, analyzes the impact of the attitude to the country's past on the assessment of the current socio-economic processes, and also – the opposite effect of the attitude to the current socio-economic processes on the evaluation of historical events. The paper presents and analyzes the results of empirical socio-psychological research using psycho-diagnostic methods. The author puts forward the concept of socio-economic uncertainty and gives a psychological interpretation of the mechanisms of regulation of social memory and its impact on the public consciousness.

Keywords: group polarization; personal protection mechanisms; prospect theory; psycho-diagnostic tests; semantic differential; social illusions; social memory; theory of bounded rationality; value-conceptual uncertainty.

За последние десятилетия в мировой социальной психологии резко возрос интерес к проблеме социальной памяти. В работах зарубежных психологов С. Московичи, Д. Жодле, В. Ду-

аза, Г. Теджфела и других, а также отечественных психологов К.А. Абульхановой, Т.П. Емельяновой, Т.А. Нестика и других данная проблема рассматривалась как на теоретическом, так и на эмпириче-

ском уровнях. Этот интерес возник по целому ряду причин. Прежде всего резко увеличилось количество публикаций, в которых представлены конкретные примеры перцептивных и социальных иллюзий, ошибки мышления людей и пр. В частности, проблема адекватности психического отражения подробно рассматривалась в работах экономических психологов и поведенческих экономистов Г. Саймона (Теория ограниченной рациональности), Д. Канемана (Теория перспектив и иррациональности решений в условиях риска и неопределенности), а также в работах А. Тверски, П. Словика, Р. Тэйлера, Дж. Кнетча и других [1; 2; 3; 4; 5].

Одновременно с экономическими психологами ученые, работающие в рамках когнитивной психологии (У. Найсер, Дж. Миллер и другие), показали, что многочисленные иллюзии и ошибки присущи также таким психическим процессам, как ощущения, восприятие, внимание, память и пр. В частности, эксперименты Дж. Лофтуса, известные в литературе под названием «случай в шопинг-центре», подтвердили, что индивидуальная память человека не способна длительное время с абсолютной точностью сохранять получаемое им знание. Она подвержена социальным влияниям, процессам «вытеснения» негативной информации, связанной с переживанием страха, стыда, унижения, неполноценности и др. То есть человеку можно «навязать» или «внушить» некие «воспоминания» в условиях эксперимента [6]. Все это заставило ученых обратить внимание именно на понятие социальной памяти и поставить проблему адекватности переработки информации не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества в целом.

Понятие социальной памяти сегодня многие исследователи трактуют достаточно широко, обозначая этим термином большое количество явлений (от школьных учебников истории, предметов старины и памятников до городских легенд, мифов и сказок). Было показано, что социальная память фиксирует и ценностно выделяет какие-либо исторические события в полном соответствии с теми психологическими механизмами, на которых основана память отдельного человека.

То есть события, унижающие национальное достоинство народа, характеризующие его с «плохой стороны» (как захватчика, побежденного и т.д.), также вытесняются из социальной памяти, а события, которые говорят о величии какого-либо народа, о его достоинствах и достижениях (экономических, социальных, политических, научных, культурных и пр.),

выводятся на первый план и легко ассоциативно воспроизводятся в массовом общественном сознании. Это обеспечивает преемственность поколений, социальную идентичность представителей этноса и другие важные для общества функции [7].

Особенно остро феномены неадекватности (необъективности) социальной памяти проявляются в периоды истории, которые можно было бы обозначить как «периоды ценностно-смысловой неопределенности». В частности, такой период в настоящее время переживает большое количество стран распавшегося СССР, например, Россия, Украина, Белоруссия и др. Однако было бы неверно утверждать, что в состоянии ценностно-смысловой неопределенности находятся только экономически и политически нестабильные страны. При этом следует особо подчеркнуть, что уровень и качество такой неопределенности в разных странах существенно различаются, хотя до конца все-таки не ясно, как связаны экономические процессы с ценностно-смысловой неопределенностью общественного сознания.

Одна из характеристик ценностно-смысловой неопределенности — резкая поляризация мнений граждан по вопросам политики, экономики, государственного управления, образования и другим. Теория групповой поляризации была предложена французским психологом С. Московичи и эффективно разрабатывается в мировой психологии с 1969 г. В наиболее кратком толковании она сводится к тому, что спорные вопросы в обществе после длительных дискуссий создают эффект полярных точек зрения, заставляя людей занимать ту или иную крайнюю позицию, эмоционально реагируя на мнения тех, кто придерживается противоположного мнения. При этом группы людей, которые высказывают противоположные мнения, могут существенно различаться по численности, порой разделяя общество на так называемые «большинство» и «меньшинство» [8; 9].

Феномен групповой поляризации проявляется, например, когда исторические факты не получают в общественном сознании однозначного толкования, то есть они по-разному оцениваются людьми, придерживающимися различных и тем более противоположных (полярных) взглядов. В этих противоречивых условиях трактовка истории прежде всего, в средствах массовой информации и школьных учебниках, зависит от мировоззрения тех, кто дает им ценностно-смысловую интерпретацию.

Таким образом, с одной стороны, мощные идеологические разногласия в обществе приводят к полярным мнениям по поводу тех или иных

исторических событий, с другой — отношение к историческим событиям влияет на формирование противоположных мнений в конкретный момент времени. Именно такое состояние, с нашей точки зрения, переживают сегодня Россия и близкие ей по культуре и истории страны.

В рамках проекта, поддержанного РГНФ, нами проводится эмпирическое исследование по теме «Влияние обыденных представлений людей о «советском времени» на отношение к рыночной экономике современной России»¹. В исследовании принимают участие жители города Москвы разного возраста (от 15 до 65 лет), с различным уровнем образования, разным семейным положением, с различным социальным статусом, уровнем экономического благосостояния и т.д.

Пилотажное исследование проводилось с использованием ряда психодиагностических и опросных методов, в частности анкетирования, семантического дифференциала Ч. Осгуда, психодиагностических тестов (16 PF Кеттелла) и др. Проводился также качественный анализ результатов на основе бесед с респондентами и полустандартизированных интервью.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить отношение респондентов к образу СССР в целом и к плановой экономике в частности, а также сравнить полученные результаты с отношением респондентов к образу современной России и ее развивающейся рыночной экономике.

Анкетирование респондентов позволило описать их отношение к некоторым важным характеристикам государств с плановой и рыночной экономикой без упоминания конкретной страны (а именно: СССР и современной России). В анкете необходимо было ответить на вопрос, в котором содержалась социально-психологическая установка на невозможность «идеального» во всех отношениях государства: «Поскольку любое государство несовершенно, то в каком государстве, учитывая характеристики, представленные ниже, предпочли бы жить Вы лично?»

Далее в анкете предлагалось краткое описание наиболее важных характеристик двух государственных систем, основанных на плановой и рыночной экономике. Необходимо было также выразить отношение к коррупции (низкий или очень высокий уровень); занятости населения; различиям

в имущественном положении граждан; наличию или отсутствию свободного предпринимательства и частной собственности на средства производства; наличию или отсутствию демократических свобод; к организации производственных процессов по международным стандартам или по обособленным внутренним стандартам, не соответствующим международным нормам; обеспеченности населения товарами повседневного спроса и продуктами питания, а также к товарному дефициту или торговому дефициту; наличию или отсутствию навязчивой торговой рекламы или открытой идеологической пропаганды и др.

Также предлагалось выразить отношение к состоянию таких видов общественной деятельности в каждом «типе государства», как наука, культура и искусство, образование, медицина и др. Необходимо было оценить также наиболее значимые социально-психологические нормы и ценности (общественные или индивидуалистические) и т.д.

Для методики семантического дифференциала Ч. Осгуда были отобраны пары противоположных по значению прилагательных, характеризующих образ СССР и образ современной России, где от респондентов требовалось оценить характеристики по семибальной шкале (от -3 до +3). Перед тем как респонденты выполняли основное задание методики семантического дифференциала, им было предложено оценить некое «идеальное государство». В процессе обработки результатов средние оценки по каждой шкале сопоставлялись с полученным стандартом («идеальное государство»). Величина эмпирических отклонений от стандарта определялась методом парных сравнений [10].

В исследовании применялся стандартизованный психодиагностический опросник 16 PF Кеттелла (187 вопросов), результаты которого обрабатывались с помощью психодиагностического компьютерного комплекса «Мультиспихометр».

В процессе обработки результатов было установлено, что представления респондентов об СССР, выявленные методом анкетирования, статистически связаны с их оценками состояния социально-экономических процессов современной России. При этом были обнаружены также эмпирические основания, позволяющие сделать вывод о наличии обратного влияния, то есть влияния отношения респондентов к современной России на их отношение к образу СССР [11].

Были получены эмпирические данные о наличии связи между индивидуальными личностными

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ. Тема: «Влияние обыденных представлений людей о «советском времени» на отношение к рыночной экономике современной России» (№ проекта № 13-06-00690).

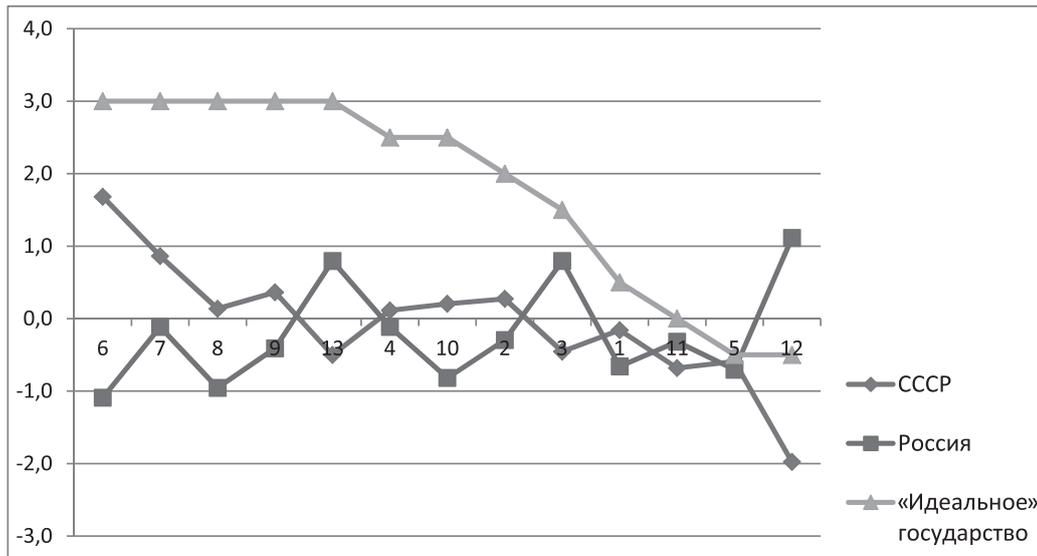

Рис. 1. График средних оценок образа СССР и современной России, а также оценок «идеального государства» (условный стандарт) по выборке студентов ряда московских вузов (экономические, социологические и психологические факультеты). Данные получены методом семантического дифференциала Ч. Осгуда.

1.	Злой	–	Добрый
2.	Грустный	–	Радостный
3.	Далекий	–	Близкий
4.	Плохой	–	Хороший
5.	Озабоченный	–	Беззаботный
6.	Ненадежный	–	Надежный
7.	Нападающий	–	Защищающий
8.	Несправедливый	–	Справедливый
9.	Разрушающий	–	Создающий
10.	Тревожный	–	Спокойный
11.	Пугающий	–	Расслабляющий
12.	Запрещающий	–	Разрешающий
13.	Бесперспективный	–	Перспективный

характеристиками респондентов (по психодиагностическому тесту 16 PF Кеттелла) и их отношением к СССР и современной России, а также к плановой и рыночной экономике. Это позволило построить некие психологические «портреты» тех групп людей, которые имеют четкую мировоззренческую позицию, но существенно (полярно) различаются по характеру оценок и ценностно-смысловой интерпретации исторических фактов и современных социально-экономических явлений в нашей стране.

В процессе проведения исследования с помощью анкетирования были обнаружены статистически значимые различия (критерий хи-квадрат) количества респондентов (студентов), которые «предпочитают» рыночную экономическую систему плановой (79% против 21%); низкий уровень коррупции очень высокому (95% против 5%);

государственную систему, где разрешена свободная предпринимательская деятельность, системе, где предпринимательство запрещено (98% против 2%); государство с наличием демократических свобод (свобода слова, печати, собраний и пр.) государству, где демократические свободы населения отсутствуют (95% против 5%).

Исследование также показало, что 100% опрошенных предпочитают торговый дефицит товарному дефициту и готовы мириться с навязчивой торговой рекламой при отсутствии идеологической пропаганды (66% против 34%). Однако при этом большинство опрошенных молодых людей высказалось за бесплатные образование и медицину, которые предоставляются государством (91% против 9%); 71% против 27% респондентов высказались за частную собственность на средства производства и 2% воздержались от ответа. За отсутствие различий

в имущественном положении граждан в государстве (то есть нищих и очень богатых слоев населения) высказались 55% опрошенных.

Таким образом, в целом молодые люди предпочитают государственную систему с рыночной экономикой и демократическими свободами, но в то же время они высказывают желание жить в обществе, создающем для своих граждан условия, которые чаще всего противоречат принципам рыночной экономики. Качественный анализ материалов бесед и интервью не выявляет высокого уровня осознанности противоречий в ответах респондентов. Возможно, это связано с их недостаточным жизненным и профессиональным опытом или с возрастными особенностями мышления, которое характеризуется низким уровнем реалистичности.

В результате проведения метода семантического дифференциала были получены оценки респондентами характеристик СССР и современной России, представленные на графике (рис. 1).

Как следует из графика, представленного на рис. 1, СССР в отличие от современной России часто оценивается респондентами молодого возраста как государство «надежное», «защищающее», «созидающее», «радостное», «спокойное», «хорошее» и «справедливое», но в то же время как «далекое», «бесперспективное» и «запрещающее». В свою очередь, современная Россия оценивается ими как «ненадежная», «нападающая», «разрушающая», «грустная», «тревожная», «плохая», «несправедливая», но в то же время как «близкая», «перспективная» и «разрешающая».

Близкую негативную оценку СССР и современной России респонденты дали по шкалам «злой — добрый», «озабоченный — беззаботный» и «пугающий — расслабляющий». Статистический анализ результатов по методу наименьших квадратов показал, что оценки современной России ($r=8,94$) в целом все-таки ближе оценкам «идеального государства», чем оценки СССР ($r=7,4$) [10].

В результате анализа взаимосвязи оценок респондентами СССР и России методом семантического дифференциала и их личностными характеристиками по тесту 16 PF Кеттелла были обнаружены значимые статистические связи переменных [12].

Так, например, была обнаружена отрицательная корреляция оценок респондентами образа СССР и фактором С теста Кеттелла, то есть респонденты с высоким уровнем эмоциональной устойчивости чаще оценивают СССР как государство «плохое», «несправедливое» и «пугающее» ($p<0,001$). Респонденты импульсивные, беззаботные, разговорчивые

(высокий уровень значений по фактору F) оценивают СССР как государство «близкое» и «надежное» ($p<0,01$).

Выдержанные, ответственные, упорные в достижении целей и всегда готовые к действию респонденты (высокий уровень значений по фактору G) оценивают СССР как «справедливое» и «перспективное» государство ($p<0,01$). А респонденты с высоким уровнем значений по фактору I, то есть сентиментальные, ищущие сочувствия у других, склонные к ипохондрии, с эстетическими потребностями оценивают СССР как государство «далекое» и «ненадежное» ($p<0,05$). В свою очередь, молодые люди с высокими показателями по фактору N (утонченные, честолюбивые, неуверенные и неудовлетворенные) оценивают СССР как страну «защищающую», а современную Россию — как «хорошую» ($p<0,01$).

Студенты с высоким уровнем чувства вины и долга, тревожные, депрессивные, неуверенные (высокий уровень значений по фактору O) характеризуют СССР как государство «справедливое» и «перспективное», а современную Россию — как «тревожное» ($p<0,01$). Участники исследования, которые характеризуются по тесту Кеттелла как независимые во взглядах, стремящиеся к самостоятельным решениям (высокий уровень значений по фактору Q2), оценивают СССР как государство «далекое» ($p<0,01$).

Респонденты с высоким уровнем значений по фактору Q3 (дисциплинированные, хорошо контролирующие эмоции, заботящиеся о своей репутации) характеризуют СССР как страну «разрешающую», а современную Россию — как «спокойную» ($p<0,001$). Респонденты с повышенной раздражительностью, в большей степени нетерпеливые и возбужденные (высокий уровень значений по фактору Q4), оценивают СССР как страну «справедливую», а современную Россию — как «тревожную» ($p<0,01$).

При оценке современной России было также установлено, что респонденты с высоким уровнем значений по фактору A (приветливые, уживчивые, внимательные к людям) оценивают современную Россию как «защищающую» ($p<0,03$).

Теоретический анализ проблемы на основе полученных эмпирических данных (количественные и качественные) позволил сделать некоторые выводы и выдвинуть гипотезы для дальнейшего исследования по проблеме психологических механизмов социальной памяти. Как известно, описанные З. Фрейдом психологические механизмы защиты личности от фрустрирующих воздействий непосредственно связаны с механизмами

сохранения и забывания информации, то есть памяти человека [7]. Учитывая результаты проведенного исследования, достаточно уверенно можно говорить о некоторых психологических механизмах социальной памяти.

Первый из них можно было бы условно назвать механизмом «социального вытеснения». З. Фрейд рассматривал вытеснение как «первичную защиту», так как оно является основой для формирования других, более глубоких защитных механизмов и обеспечивает непосредственный уход от переживания состояния тревоги. Вытеснение удаляет из сознания людей те мысли и чувства, которые причиняют им страдания. В результате вытеснения люди перестают осознавать события, вызвавшие у них тревогу и психотравматические переживания.

Следующим по значимости защитным механизмом З. Фрейд считал механизм проекции, которая следует за вытеснением. По аналогии с этим механизмом, по нашему мнению, можно говорить о механизме «социальной проекции». Он описывал проекцию как явление, когда люди приписывают собственные нежелательные мысли и чувства другим людям. То есть проекция дает возможность человеку возложить вину за свои собственные недостатки и ошибки на кого-нибудь или на что-нибудь. Таким образом, расовые, этнические и другие социальные стереотипы, по сути дела, являются результатом психологической проекции.

Следующим механизмом, наличие которого можно установить в результате проведенного нами исследования, следует считать механизм «социальной рационализации». По З. Фрейду, одним из способов, с помощью которых личность справляется с фрустрациями и тревогой, оказывается стремление искаженно представить себе реальность и сохранить свою высокую самооценку. Рационализация имеет непосредственное отношение к социальным иллюзиям, иррациональным мышлению и поведению. Она позволяет обесценить некоторые исторические негативные события в социальной памяти народа, чтобы сохранить чувство собственного достоинства.

Механизмы психологической защиты, описанные З. Фрейдом, по нашему мнению, характеризуют феномен социальной памяти и свойственны любому народу или многонациональному государству с высоким уровнем социальной идентичности. Их вряд ли можно оценивать как положительные или отрицательные с точки зрения общественного сознания, однако следует изучать и учитывать при

разработке практических рекомендаций для эффективного управления социально-экономическими процессами.

Литература

1. Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 296 с.
2. Канеман Д. Внимание и усилие. — М.: Смысл, 2006. — 287 с.
3. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. — М.: Гуманитарный центр, 2005. — 632 с.
4. Плаус С. Психология оценки и принятия решений. — М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. — 368 с.
5. Kahneman D. Thinking, fast and slow. — Farrar, Straus and Giroux: New York, 2011. — 512 p.
6. Лебедев А.Н. Влияние опыта реципиента на эффективность психологического воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2012. — С. 97–115.
7. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. — М.: Просвещение, 1990. — 448 с.
8. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. — М., 1992. — С. 83–96.
9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. — М., 1995. — Т. 16. — № 1. — С. 3–18.
10. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: учебное пособие. — М.: КДУ, 2007. — 288 с.
11. Гордякова О.В. Обыденные представления российской молодежи о достоинствах и недостатках плановой и рыночной экономических систем // Психологические барьеры социально-экономических изменений в российском обществе: Материалы научной интернет-конференции с международным участием 11–25 ноября 2013 г. / Отв. ред. А.Н. Лебедев. — Тула: Издательство ТулГУ, 2013. — С. 104–108.
12. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. — М.: Просвещение, 1985. — 319 с.

УДК 81:33(045)

Трудности употребления и перевода фразовых глаголов в финансово-экономическом дискурсе

ГАГАРИНА МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Финансового университета
E-mail: prp@fa.ru

ПОЛУНИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

преподаватель кафедры «Иностранные языки-2» Финансового университета
E-mail: tatyana_polunina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена трудностям перевода и употребления фразовых глаголов в речи. Выбранная тематика является актуальной, так как фразовые глаголы английского языка являются социально значимыми единицами номинации для англоязычного коллектива, а также служат целям категоризации мира. Занимая значительное место в глагольной лексике современного английского языка, данные единицы чрезвычайно употребительны в речи и более предпочтительны по сравнению с глаголами латинского происхождения с аналогичным значением. Научная новизна обусловлена тем, что авторы активно использовали аутентичные тексты для наглядного предоставления примеров.

Ключевые слова: идиоматичность; лингвистическая особенность; межъязыковая интерференция; постпозитив; синоним; финансово-экономическая коммуникация; фразовый глагол.

Phrasal Verbs in Financial Discourse: Difficulties in Translation and Usage

MARIA A. GAGARINA

Ph. D. (Psychol.), associate Prof. Department of Applied psychology, Finance University.
E-mail: prp@fa.ru

TATYANA S. POLUNINA

Lecturer Department of Foreign Languages-2, Financial University
E-mail: tatyana_polunina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to some difficulties of translation and usage of phrasal verbs. It is essential for students who are learning English as a foreign language to master phrasal verbs as they are make the speech more idiomatic and are actively used in native speakers' speech. The topicality of the article is explained by the extensive usage of authentic texts and extracts.

Keywords: financial communication; idiomaticity; interlinguistic interference; linguistic peculiarity; phrasal verb; postpositive; synonym.

Изменения в социальной и политической жизни страны, развитие и расширение экономических связей с зарубежными странами, возможность получения образования за рубежом и обучения на иностранном языке в Рос-

сии, обмен студентами и научными работниками повлекли за собой изменения в сфере образования. В связи с развитием международных контактов и, соответственно, многопланового сотрудничества с зарубежными специалистами возникла необхо-

димось совершенствовать подготовку профессиональных кадров в области владения иностранным языком на уровне, приближающемся к уровню владения речью образованным носителем языка (Государственный образовательный стандарт, 2000).

Однако умение говорить на иностранном языке так, как это делают образованные носители данного языка, подразумевает не просто усвоение словарных единиц и формальных правил их соединения в речи, но и овладение идиоматикой языка. И.Е. Аничков отмечал, что владеть идиоматикой в широком смысле значит владеть словом иностранного языка, прежде всего его сочетаемостью с другими словами, его полной семантической структурой [1, с. 35].

Опыт преподавания английского языка неязыкового вуза показывает, что наибольшие трудности для студентов экономических специальностей представляет именно лексическая сторона речи, в первую очередь лексические единицы, обнаруживающие специфические структурные и семантические свойства. К таким единицам, в частности, относятся фразовые глаголы (ФГ), вызывающие значительное количество ошибок вследствие межъязыковой и внутриязыковой интерференции.

Важно отметить необходимость владения данной подсистемой английской лексики для студентов экономического вуза в целях осуществления эффективного общения с их иностранными коллегами в будущем: фразовые глаголы являются социально значимыми единицами номинации для англоязычного коллектива, а также служат целям категоризации мира: обозначают действие и характер его уточнения лаконичным и ясным способом.

Наблюдение за учебным процессом показывает, что студенты практически не используют в своей речи на занятиях по английскому языку фразовые глаголы, употребляя вместо них слова латинского происхождения. Это приводит к неестественному и высокопарному звучанию речи иностранца даже при большом запасе слов и хорошем владении грамматикой. Рассмотрим ряд фразовых глаголов и их однокомпонентных синонимов финансово-экономической коммуникации, взятых из такого электронного источника, как www.smartmoney.com.

- I have set up a trust fund. / I have arranged a trust fund.
(Я организовал фонд.)

- Do you want to call off the meeting? / Do you want to cancel the meeting?

(Вы хотите отменить заседание?)

- They backed out of the deal. / They withdrew from the deal.

(Они отказались от участия в сделке.)

Значение фразовых глаголов зачастую не имеет никакой связи ни с глаголом, ни с той неизменяемой частицей, которая употребляется с тем или иным фразовым глаголом. Это означает то, что фразовые глаголы могут вызывать определенные трудности при их понимании, переводе и, конечно же, при их изучении. К тому же многие фразовые глаголы имеют несколько значений и их грамматическое поведение зачастую непредсказуемо. Иногда очень трудно понять, является фразовый глагол переходным или непереходным. При обращении к электронному ресурсу www.businessweek.com авторами были рассмотрены некоторые примеры переходных и непереходных фразовых глаголов, вызывающих трудности у студентов.

- The company has gone under. (The company has collapsed.)

(Компания обанкротилась.)

- If we don't win another large contract, we could end up unemployed. (Become.)

(Если мы не заключим этот серьезный контракт, то останемся без работы.)

- Did my name come up in the meeting? (Appear.)
(Мое имя фигурировало в протоколе заседания?)

- August turned out to be a very strong month for exports. (Become.)

(Август был очень продуктивным месяцем в плане экспорта.)

Необходимо помнить о том, что речь носителей английского языка насыщена фразовыми глаголами, которые составляют наиболее яркую особенность современного глагольного употребления. Соответственно возникает необходимость держать их в центре внимания в ходе работы над лексическим аспектом речи и формировать у студентов высшей школы умение грамотно оперировать фразовыми глаголами при общении с иностранными коллегами.

Но к сожалению, ввиду недостатка времени на занятиях многие студенты не получают достаточного представления о роли постпозитива в составе фразовых глаголов и сфере их функционирования. Их знания и умения отрывочны

и ограничены. Они сводятся лишь к знанию нескольких лексических единиц, наиболее часто встречающихся в финансово-экономических текстах. Нижеуказанные единицы были взяты из такого электронного ресурса, как www.forbes.com.

to deal with — *иметь дело с чем-то, решать что-либо.*

- The management failed to deal with widespread problems within the company.

(Правлению компании не удалось решить все проблемы.)

- We'll continue to deal with the Russian government.

(Мы продолжим работать с Российским правительством.)

to set up smt. — *установить, организовать что-либо.*

- The Red Cross set up a temporary shelter for the homeless.

(Организация Красный Крест создала временное жилье для бездомных.)

- He set up a meeting with his boss to discuss his ideas.

(Он организовал встречу со своим руководителем для обсуждения свежих идей.)

to work on smt. — *работать над чем-либо.*

- NASA is working on a new rocket.

(Организация NASA работает над созданием новой ракеты.)

- The company will work on reducing debt.

(Компания сейчас работает над вопросом по сокращению долга.)

to meet smb. — *встретиться с кем-либо, назначить встречу с кем-либо.*

- Last week the Chief Financial Officer met with analysts.

(Руководитель финансовой службы встретился с аналитиками.)

to account for — *составлять часть, долю чего-либо, являться причиной чего-либо.*

- The manager said the costs were accounted for in the revised budget.

(Управляющий сказал о том, что издержки будут учтены в пересмотренном бюджете.)

- The structural problems accounted for the current crisis in the industry.

(Причиной текущего кризиса являются структурные проблемы в промышленности.)

Важным является тот факт, что у многих студентов отсутствует представление о сочетаниях «глагол + постпозитив» как целостной языковой

подсистеме, внутри которой, в частности, действуют отношения синонимии [2, с. 136].

- add together = add up (прибавлять, складывать);
- double up = double over (удваивать);
- slow up = slow down (снижать скорость).

На практических занятиях в ходе работы с иноязычным текстом многие обучаемые демонстрируют тенденцию либо игнорировать присутствие наречия после глагола вообще, либо считать глагол и постпозитив двумя абсолютно семантически независимыми членами предложения. Положение усугубляется присущей многим склонностью запоминать для английских слов единственный вариант слова-соответствия в родном языке.

Некоторые обучаемые, к примеру, могут некорректно использовать постпозитив глагольных сочетаний в роли предлога. К подобного рода грамматическим ошибкам отнесем неправильное расположение постпозитива в случаях, когда между ним и глаголом вклиниваются местоимения или целая именная группа [3, с. 128].

- He was going to figure out it *вместо* He was going to figure it out

(Он собирался решить эти проблемы.)

- Обстоятельственные модификаторы или слова-интенсификаторы:

- We have to go ahead straight to the CEO *вместо* We have to go straight ahead to the CEO.

(Мы должны пойти непосредственно к председателю правления.)

- You will have to come with up the annual report at the meeting *вместо* You will have to come up with the annual report at the meeting.

(Тебе придется выступать с годовым отчетом на заседании.)

Безусловно, фразовые глаголы последней группы представляют для изучающих экономический английский язык определенную трудность, поскольку значение целого комплекса не выводится из совокупности значений его составляющих. Если студент не знаком с фразовым глаголом, встретившимся в тексте или в речи, он не способен адекватно перевести/понять целое предложение или высказывание. Зачастую он пытается связать с лексическим окружением два отдельных слова, не понимая, что перед ним единое семантическое целое.

Полное недоумение могут вызывать ситуации, когда в рамках одного занятия студентам предлагается языковой материал, в котором в равном лексическом окружении и с одним и тем же

значением (т.е. в качестве семантических эквивалентов) встречаются как глагольно-наречные сочетания, так и простой глагол [4, с. 184]:

- start a business — start up a business;
- to close the factory — to close down the factory;
- to meet members of the union — to meet with members of the union;
- to pay the bad debts — to pay off the bad debts;
- to cut spending — to cut back spending.

В завершение хотелось бы отметить тот факт, что обучение фразовым глаголам как важнейшему средству развития идиоматичности речи студентов экономических специальностей и приобщения их к способам формирования и формулирования мысли иноязычным социумом должно носить целенаправленный характер и начинаться на первых курсах неязыкового вуза. Формирование и совершенствование лексических навыков употребления фразовых глаголов целесообразно осуществлять

с учетом трудностей их усвоения, выявленных на основе анализа лингвистических особенностей данных единиц и типичных ошибок учащихся в их употреблении. Преподаватель должен правильно сгруппировать фразовые глаголы, например по тематике или частицам, что будет способствовать их запоминанию студентами и правильному использованию данных глаголов в устной речи.

Литература

1. Аничков И.Е. Английские адвербиальные послелогии: Автореф. дис. д-ра филол. наук. — М., 1947. — 35 с.
2. Cowie A.P. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs / A.P. Cowie, R. Mackin. — Oxford University Press, 1993.
3. Seidl J. Exercises on Phrasal Verbs — Oxford: Oxford University Press, 1997.
4. Kohnhorst K. A Phrasal Verb Affair — New York: Boyd Printing Company, 2003.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ФИНУНИВЕРСИТЕТА

Работникова Н.А., Чернышева Е.В., Климова И.И. **Немецкий язык: учебное пособие по финансово-экономическому профилю**. — М.: Финансовый университет, 2014. — 164 с.
ISBN 978-5-7942-1136-8

Учебное пособие содержит теоретические сведения и практические задания по основным темам финансово-экономического профиля на немецком языке. Пособие расширяет языковые знания и коммуникативные навыки по специальности. Пособие предназначено для бакалавров, магистров и аспирантов, изучающих немецкий язык для профессиональной деятельности в сфере финансов и экономики, а также для широкого круга лиц, работающих по финансово-экономическим специальностям.

Английский язык: учебное пособие для студентов бакалавриата первого года обучения по специальностям «Социология» и «Политология». Часть 2 / под редакцией Н.Н. Дробышевой. — М.: Финансовый университет, 2014. — 160 с.
ISBN 978-5-7942-1174-0

ISBN 978-5-7942-1140-5 (часть 2)

Учебное пособие по английскому языку (часть 2) предназначено для студентов первого курса, обучающихся по специальностям «Социология» и «Политология» в вузе финансово-экономического профиля (очная форма обучения). В пособии дается характеристика некоторых теоретических и прикладных аспектов политологии и социологии. В доступной форме излагаются концепции наиболее известных представителей мировой политологической и социологической мысли. Пособие нацелено на развитие иноязычных знаний и умений во всех видах речевой деятельности, а также реализацию профессиональной направленности в процессе языковой подготовки.

УДК 378.147:331.108.4(045)

Метод конкретных ситуаций как способ формирования профессионального мышления

ХАРЧЕНКО МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки-2» Финансового университета
E-mail: margrih@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды конкретных ситуаций (case study) и возможности их использования в процессе обучения студентов английскому языку для формирования профессионального мышления будущего специалиста.

Ключевые слова: анализ ситуации; большие неструктурированные кейсы; маленькие наброски; метод конкретных ситуаций; первооткрывательские кейсы; структурированные кейсы; типы кейсов.

Case Studies as the Way to Extend Educational Possibilities of Future Specialist

MARINA G. KHARCHENKO

Senior lecturer, Foreign Languages-2 Department, Financial University
E-mail: margrih@mail.ru

Abstract. The article considers different types of Case Studies, which can extend educational possibilities in teaching foreign languages.

Keywords: case analyses; case studies; ground breaking cases; highly structured cases; long unstructured cases; short vignettes; types of cases.

Метод конкретных ситуаций (case study) — это вид дискуссионных методов обучения, основанный на описании профессиональной практики, характерной для данного явления; научно отредактированное изложение такого же случая, используемое в качестве учебной модели в социально-психологическом обучении.

Метод конкретной ситуации в наибольшей степени соответствует задачам образования, способствует развитию у студентов креативности при решении проблем, а также развивает способности студентов к анализу и диагностике проблем.

Классификация кейсов может производиться по различным признакам, чаще всего используется их сложность. При этом различают:

- **иллюстративные учебные ситуации** — кейсы, цель которых на определенном практическом примере обучить студентов алгоритму

принятия правильного решения в определенной ситуации;

- **учебные ситуации (1)** — кейсы с формированием проблемы, в которых описывается ситуация в конкретный период времени, выявляются и четко формулируются проблемы; цель такого кейса — диагностирование ситуации и самостоятельное принятие решения по указанной проблеме;

- **учебные ситуации (2)** — кейсы без формирования проблемы, в которых описывается более сложная, чем в предыдущем варианте, ситуация, где проблема четко не выявлена, а представлена в статистических данных, оценках общественного мнения, органов власти и т.д.; цель такого кейса — самостоятельно выявить проблему, указать альтернативные пути ее решения с анализом наличных ресурсов;

• **прикладные упражнения**, в которых описывается конкретная сложившаяся ситуация, предлагается найти пути выхода из нее; цель такого кейса — поиск путей решения проблемы [1, с. 15–25].

Кейсы могут быть классифицированы, исходя из целей и задач процесса обучения. В этом случае могут быть выделены следующие типы кейсов:

1. Обучающие анализу и оценке.
2. Обучающие решению проблем и принятию решений.
3. Иллюстрирующие проблему, решение или концепцию в целом.
4. Структурированные (highly structured) «кейсы», в которых дается минимальное количество дополнительной информации. При работе с ними студент должен применить определенную модель или формулу. У задач этого типа существует оптимальное решение.

5. «Маленькие наброски» (short vignettes), содержащие, как правило, от одной до десяти страниц текста и одну-две страницы приложений. Они знакомят только с ключевыми понятиями и при их разборе студент должен опираться еще и на собственные знания.

6. Большие неструктурированные «кейсы» (long unstructured cases) объемом до 50 страниц — самый сложный из всех видов учебных заданий такого рода. Информация дается очень подробная, в том числе и ненужная, а самые необходимые для разбора сведения, наоборот, могут отсутствовать. В кейсах этого типа студент должен распознать и справиться с такими «подвохами».

7. Первооткрывательские «кейсы» (ground breaking cases), при разборе которых от студентов требуется не только применить уже усвоенные теоретические знания и практические навыки, но и предложить нечто новое. При этом студенты и преподаватели выступают в роли исследователей [2, с. 15–20].

Некоторые ученые считают, что кейсы бывают «мертвые» и «живые». К «мертвым» кейсам можно отнести такие, в которых содержится вся необходимая для анализа информация. Чтобы «оживить» кейс, необходимо построить его так, чтобы спровоцировать студентов на поиск дополнительной информации для анализа. Такой подход позволяет кейсу развиваться и оставаться актуальным длительное время [3, с. 5–15].

Использование метода case study как технологии профессионально ориентированного обучения представляет собой процесс, сложно поддающийся алгоритмизации. Формально можно выделить следующие этапы:

- ознакомление студентов с текстом кейса;
- анализ кейса;
- организация обсуждения кейса, дискуссии, презентации;
- оценивание участников дискуссии;
- подведение итогов дискуссии.

Ознакомление студентов с текстом кейса и последующий анализ кейса чаще всего осуществляются за несколько дней до его обсуждения и реализуются как самостоятельная работа студентов. При этом время, отводимое на подготовку, определяется видом кейса, его объемом и сложностью.

Обсуждение небольших кейсов может вкрапываться в учебный процесс, и студенты могут знакомиться с ними непосредственно на занятиях. Принципиально важно, чтобы часть теоретического курса, на которой базируется кейс, была проработана студентами.

Максимальная польза от работы над кейсами будет получена, если студенты при предварительном знакомстве с ними будут придерживаться систематического подхода к их анализу.

Например, опираясь на опыт работы кафедры «Иностранные языки-2» со студентами факультета социологии и политологии, для изучения отдельно взятой темы можно предложить следующие основные задания.

1. Выпишите из соответствующего изучаемого раздела английского языка ключевые идеи для того, чтобы освежить в памяти теоретические концепции и подходы, которые вам предстоит использовать при анализе кейса.
2. Бегло прочтите кейс, чтобы составить о нем общее представление.
3. Внимательно прочтите вопросы к кейсу и убедитесь в том, что вы их хорошо поняли.
4. Вновь прочтите текст кейса, внимательно фиксируя все факторы или проблемы, имеющие отношение к поставленным вопросам.
5. Оцените, какие идеи и концепции соотносятся с проблемами, которые вам предлагается рассмотреть при работе с кейсом.

В качестве примера можно представить работу с конкретной ситуацией по изучаемой теме.

THE CASE (УЧЕБНАЯ СИТУАЦИЯ)

«The World Community. International Organisations'»

PLAN International is a worldwide charity that has been working with children and their families in poor communities for the past 58 years.

In Africa, Asia, Latin America and the Caribbean we are giving poor people the chance to improve their own lives through small-scale development projects.

We are helping to build schools, dig wells, provide medicines and most important of all – teach the skills which the people need.

To give just one example: in the Embu area of Kenya we are helping to equip and run a mobile clinic to improve child care; providing textbooks for the local school; helping to build tanks to conserve rainwater; and training local people in agricultural and income generating skills.

In all, we have over 6,000 locally recruited Field Staff working with families in poor communities.

We know that we cannot really help the world's poor by giving them handouts, or imposing preconceived Western «solutions» on them. Our approach is to help people solve their problems in their own way.

This is what we at PLAN International UK are working to change – and we need your help to succeed.

Already we are working in over 30 countries to help children in poor communities raise themselves out of poverty. We know we can change the world if we are prepared to do it one child at a time.

What can you do to help?

«Мировое сообщество. Международные организации»

PLAN International – это известная во всем мире благотворительная организация, которая работает с детьми и их родными в бедных сообществах на протяжении последних 58 лет.

В Африке, Азии, Латинской Америке и на Карибах мы даем бедным людям шанс улучшить условия жизни с помощью небольших проектов.

Мы помогаем строить школы, копать колодцы, приобрести лекарства и, что самое важное, обучаем навыкам, которые нужны людям.

Вот только один из примеров: в Кении мы помогаем оборудовать и управлять мобильной клиникой для улучшения ухода за детьми; мы также предоставляем учебники для местной школы; помогаем оборудовать водосборники для дождевой воды, а также обучаем местное население ведению сельского хозяйства и приобретению навыков зарабатывания денег.

У нас есть набранный из местного населения персонал в 6000 человек, который работает с семьями в бедных регионах.

Мы знаем, что мы не можем помочь бедным людям всего мира, давая им небольшие горстки помощи. Наша задача – помочь людям самим решить свои проблемы.

Это то, над чем мы работаем в нашей организации PLAN International, чтобы что-то изменить. И нам нужна ваша помощь, чтобы добиться успеха.

Мы работаем уже в более чем 30 странах мира, чтобы помочь детям бедных регионов выбраться из нищеты. Мы знаем, что мы можем изменить мир, если мы готовы изменить жизнь хотя бы одного ребенка.

Что ты можешь сделать, чтобы помочь?

CASE ANALYSES (АНАЛИЗ СИТУАЦИИ)

1. Summarize the information of the texts above. What do you know about other international charity organizations and the purposes they are set up?

Обобщите информацию прочитанного выше текста. Что вы можете добавить о других международных благотворительных организациях и для какой цели они были организованы?

2. Which organization would you join? Why?

В какую из организаций вы вступили бы? Для чего?

3. Use Internet or appropriate mass media sources to make a list of children (or children organizations) who urgently need a charity help. Give details on the following: name; age; place of residence; Living conditions; the reasons why they need charity (starving, suffering from diseases, urgency in being operated on, etc.)

Используйте Интернет или соответствующие источники информации, чтобы составить список детей, которые нуждаются в срочной благотворительной помощи. Предоставьте следующие данные: имя, возраст, гражданство, условия проживания; причины потребности в благотворительной помощи (голодание, тяжелые заболевания, необходимость срочной операции и т.д.).

4. Prepare a report on the case considering the table with helpful expressions.

Подготовьте доклад по данной ситуации, используя таблицу с необходимыми вводными словами и фразами.

Организация обсуждения кейса предполагает формулирование преподавателем вопросов, включение их в дискуссию. Вопросы обычно подготавливаются заранее и предлагаются студентам вместе с текстом кейса. При разборе учебной ситуации преподаватель может занимать активную или пассивную позицию, иногда он «дирижирует» разбором, а иногда ограничивается подведением итогов дискуссии. Дискуссия занимает центральное место в методе case study. Ее целесообразно использовать в том случае, когда студенты обладают значительной степенью зрелости и самостоятельности мышления, умеют аргументировать, доказывать и обосновывать свою точку зрения. Важнейшей характеристикой дискуссии является уровень ее компетентности, который складывается из компетентности ее участников. Неподготовленность студентов к дискуссии делает ее формальной, превращает в процесс вытаскивания ими информации у преподавателя, а не самостоятельное ее добывание.

Особое место в организации дискуссии при обсуждении и анализе кейса принадлежит использованию метода генерации идей, получившего название «мозговой атаки», или «мозгового штурма». Метод «мозговой атаки», или «мозгового штурма» был предложен в 30-х годах прошлого столетия А. Осборном как групповой метод решения проблем. В процессе обучения «мозговая атака» выступает в качестве важнейшего средства развития творческой активности студентов [4, с. 30–35].

Сущность метода заключается в коллективном поиске нетрадиционных путей решения возникшей проблемы в ограниченное время.

Целевое назначение:

- объединение творческих усилий группы для решения сложной ситуации;
- выяснение позиций членов группы в сложившейся ситуации;
- генерирование идей в русле учебной, методической, научной проблемы.

В общем случае методика организации и проведения «мозговой атаки» может включать следующие этапы.

1. *Формирование проблемы*, ее разъяснение и требования к ее решению.
2. *Подготовка студентов*. Уточняются порядок и правила проведения атаки. Могут создаваться рабочие группы (4–6 человек), назначаются руководители.
3. *Мозговая атака (штурм)*. Она начинается с внесения предложений по решению проблемы, которые фиксируются преподавателем, например на

доске. При этом не допускаются критические замечания по уже выдвинутым решениям, повторы, попытки обосновать свои решения.

4. *Контратака*. Этот этап необходим при достаточно большом наборе решений (идей). Путем беглого просмотра можно определить методом сравнений и сопоставлений невозможность одних решений, наиболее уязвимые места других и исключить их из общего списка.

5. *Обсуждение наилучших решений (идей) и определение наиболее правильного (оптимального) решения* [5, с. 25–30].

Обучение на основе метода конкретных ситуаций направлено на выработку у студентов профессионального отношения к деятельности и на формирование реального поведения в определенных ситуациях.

Основное преимущество данного метода состоит в том, что появляется возможность поставить студента в положение работника, принимающего решение, в условиях, определяемых реалиями соответствующей организации.

Важная особенность ситуационного обучения: в его рамках можно предоставить возможность студенту самому понять, где он допустил ошибку, исправить ее и получить поощрение за ее исправление.

Метод конкретных ситуаций способствует формированию и совершенствованию навыков коммуникабельности.

При использовании метода конкретных ситуаций студент не только вырабатывает творческие навыки, развивает воображение, но и формирует эффективную поведенческую стратегию и тактику применительно к конкретным или моделируемым производственным условиям.

Литература

1. *Анцибор М.М.* Активные формы и методы обучения. — Тула, 2002. — 127 с.
2. *Шаронова С.А.* Деловые игры. — М.: РУДН, 2005. — 168 с.
3. *Кругликов В.Н., Платонов Е.В., Шаронов Ю.А.* Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности. — СПб.: П-2, 2006. — 190 с.
4. *Плешакова М.В., Чигиринская Н.В., Шаховская Л.С.* Деловые игры в экономике. Методология и практика. — М.: КноРус, 2007. — 240 с.
5. *Шаронова С.А.* Метод игровой ситуации: Учебно-методическое пособие. — М.: Изд-во РУДН, 2001. — 87 с.

УДК 378.147:81(045)

Особенности организации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе

ДОЛГАЛЁВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

кандидат педагогических наук преподаватель кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета
E-mail: dolgaleva_ee@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что особенности организации учебно-познавательной деятельности в ходе иноязычной подготовки студентов вузов определяются на основе личностно-деятельностного подхода, что должно способствовать обеспечению эффективного развития студентов. Приоритетными в процессе профессионального образования в вузе являются воспитательно-развивающие аспекты обучения предмету, связанные с формированием у студентов желания овладеть иностранным языком как средством общения и взаимодействия с другой национальной культурой и ее носителями.

Ключевые слова: коммуникативные умения; межкультурная коммуникация; обобщенные умения; социокультурный; учебно-познавательная деятельность.

Main Characteristics of the Students' Educational and Cognitive Activity in Learning a Foreign Language

EKATERINA E. DOLGALEVA

Ph. D. (Pedagogics), Lecturer, «Foreign Languages-1» Department, Financial University,
E-mail: dolgaleva_ee@mail.ru

Abstract. The article reads that the main characteristics of the students' educational and cognitive activity in learning a foreign language are based on a personal activity approach what contributes to an efficient development of a student. Educational aspects are considered to be priority in teaching a foreign language and are connected with students' desire to master a foreign language as a means of communication and interaction with other national cultures.

Keywords: cognitive activity; communicative skills; educational activity; generalized skills; intercultural communication.

Основными целями обучения иностранным языкам в современном высшем профессиональном образовательном учреждении являются развитие способности студента к общению на иностранном языке, формирование умений иноязычного общения на высоком уровне, в первую очередь умений, обладающих свойством широкого переноса, то есть обобщенных [1, с. 4].

По мнению исследователей, реализация этой цели связана с формированием у студентов следующих коммуникативных умений:

- понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением;

- осуществлять свое речевое и неречевое поведение, учитывая правила общения и национально-культурные особенности страны изучаемого языка;

- пользоваться рациональными приемами овладения иностранным языком, совершенствоваться в нем [2, с. 18].

Способность к общению на иностранном языке также формирует у студентов определенные качества, делающие эффективным процесс овладения языком как средством межкультурной коммуникации. Это означает развитие в студенте:

- интереса и положительного отношения к изучаемому языку, к культуре народа, говорящего на этом языке;
- понимания себя как личности, принадлежащей к определенному языковому и культурному сообществу;
- общечеловеческого сознания;
- понимания важности изучения иностранного языка;
- потребности в самообразовании [3].

Реализация главной цели обучения иностранному языку в вузе связана с расширением общеобразовательного кругозора студентов. Наполнение содержания обучения аутентичной информацией о стране изучаемого языка, последовательная опора на социокультурный и речевой опыт студентов в родном языке, сопоставление этого опыта со знаниями, навыками и умениями в иностранном языке призваны сформировать у студентов широкое представление о достижениях культур собственного народа страны изучаемого языка [4, с. 113].

Развитие способности к общению на иностранном языке связано в первую очередь с формированием коммуникативной компетенции. В вузе закладываются основы коммуникативной компетенции, позволяющие осуществлять иноязычное общение и взаимодействие студентов, в том числе и с носителями языка, на элементарном уровне. При этом должны быть максимально учтены реальные потребности и интересы студентов в общении и познании. Из этого следует, что для обучающегося язык, которым он овладевает, должен являться не системой знаков, правил и речевых образцов, а инструментом, позволяющим ему осуществлять свои намерения, удовлетворять интеллектуальные и эмоциональные потребности, достигать практического результата (узнать что-то новое, совместно сделать что-то и т.д.) [5].

Приоритетными в процессе профессионального образования в вузе являются воспитательно-развивающие аспекты обучения предмету, связанные с формированием у студентов желания овладеть иностранным языком как

средством общения и взаимодействия с другой национальной культурой и ее носителями. Иностранный язык призван ввести студентов в мир другой культуры.

Становление и развитие страноведческой мотивации, в основе которой лежит интерес к жизни сверстников за рубежом, к культуре страны изучаемого языка, ее народу, является одной из ведущих целевых установок. Ее успешной реализации способствуют разнообразные аутентичные материалы, достоверно отражающие жизнь зарубежного сверстника. Эти материалы призваны стимулировать образное мышление студентов, развивать их вкусы и чувства, формировать их эмоции и образно-художественную память.

Важной задачей всего курса обучения иностранному языку является формирование у студентов навыков и умений самостоятельного решения коммуникативно-познавательных задач в устной речи, чтении и письме. По окончании курса обучения иностранному языку у студентов должны быть сформированы коммуникативные умения, востребованные в их профессиональной деятельности.

В настоящее время в педагогике признается тот факт, что в процессе учебно-познавательной деятельности у студентов должно происходить формирование обобщенных учебно-познавательных умений и навыков. На это впервые указывала А. В. Усова [6, с. 119].

Обобщенными умениями называют умения, основанные на понимании обучающимися научных основ и структуры деятельности, на самостоятельном определении рациональной последовательности выполнения операций и действий, из которых она состоит. Студент, владея обобщенными умениями и навыками, может использовать их при решении широкого круга познавательных задач не только в рамках одного предмета, но и на занятиях по другим учебным дисциплинам, а также в практической деятельности. То есть основной отличительный признак обобщенных умений — это свойство широкого переноса с одного вида деятельности на другие.

Отбор содержания обучения иностранному языку в вузе осуществляется в соответствии с интересами студентов, с учетом их реальных коммуникативных потребностей в практической, интеллектуальной, чувственно-эмоциональной, этико-эстетической и других сферах. При этом учитывается в полной мере образовательный

заказ будущего работодателя на подготовку специалиста, владеющего иностранным языком.

Для его выполнения необходимо, чтобы содержание обучения соответствовало таким требованиям, как коммуникативно-побудительная направленность, информативность, высокая образовательная ценность, аутентичность и доступность. Необходимо, чтобы отобранный материал на каждом этапе обучения побуждал у студентов познавательную активность, стимулировал их общение на изучаемом языке.

В содержание обучения иностранным языкам в процессе профессионального образования в вузе входят:

- языковой материал (фонетический, лексический, грамматический), правила его оформления и навыки оперирования;
- сферы общения, темы и ситуации;
- речевые умения, характеризующие уровень практического владения иностранным языком как средством общения;
- комплекс знаний и представлений о национально-культурных особенностях и реалиях страны изучаемого языка, минимум этикетно-узуальных форм речи для общения в различных сферах и ситуациях;
- общие учебные умения, рациональные приемы умственного труда, обеспечивающие формирование речевых навыков и умений самосовершенствоваться в иностранном языке.

Поскольку на начальном этапе ставится задача создания у студентов основ коммуникативной компетенции, то все компоненты содержания должны быть строго минимизированы. При этом основным требованием к отобранному минимуму является его коммуникативная достаточность и социальная приемлемость к условиям обучения предмету в вузе.

В отборе содержания большую роль играют межпредметные связи, обеспечивающие перенос знаний, навыков и умений из других учебных предметов в иностранный язык, и наоборот. Это возможно за счет насыщения курса интересной и значимой для студентов страноведческой информацией, связанной с различными видами деятельности. Идея межпредметных связей находит свое полное воплощение в принципе непрерывности изучения иностранного языка.

В процессе обучения иностранному языку студенты овладевают также общеучебными

навыками и умениями, которые тоже включаются в содержание обучения предмету.

1. Умения и навыки, связанные с организацией учебной деятельности и ее корреляцией:

- слушать преподавателя и собеседника (аудитивное внимание);
- работать в разных режимах (индивидуально, в паре, фронтально, в группе), взаимодействуя друг с другом;
- контролировать и оценивать свои действия (неречевые и речевые) и действия своих товарищей.

2. Умения и навыки, связанные с интеллектуальными процессами:

- наблюдать за тем или иным языковым явлением в воспринимаемой на слух речи преподавателя, диктора, однокурсника;
- сравнивать и сопоставлять языковое явление в иностранном языке и родном;
- распознавать и дифференцировать (по определенным признакам) языковые явления и слова в иностранном языке (например, имена собственные, обозначающие предметы, действия и т.д.);
- выделять главное, основное при восприятии на слух речевого высказывания разного вида и типа.

3. Умения и навыки речевой направленности:

- планировать свое высказывание, используя вербальную установку преподавателя, содержательные и смысловые опоры в виде иллюстративной и предметной наглядности;
- соблюдать культуру общения в речевом и неречевом поведении (в обращении к собеседнику, в употреблении этикетных форм общения, в адекватном реагировании на ситуацию, реплику собеседника, во вступлении в разговор и т.п.);
- выражать свою мысль, пользуясь ограниченным, по сравнению с родным языком, запасом языковых средств.

Формирование указанных умений, таким образом, максимально эффективно осуществляется на основе личностно-деятельностного подхода. Именно эти умения могут быть сформированы на обобщенном уровне.

Согласно личностно-деятельностному подходу, в центре обучения находится сам студент — его мотивы, цели, способности, его неповторимый склад, то есть студент как личность. Преподаватель в контексте такого подхода

определяет учебную цель занятия и организует, направляет и корректирует весь учебный процесс, исходя из интересов студента, уровня его знаний и умений. Цель учебного занятия при реализации личностно-деятельностного подхода формулируется с позиции каждого конкретного студента или всей учебной группы. Студент в конце занятия, построенного на основе данного подхода, должен быть в состоянии ответить себе на вопрос, чему он научился сегодня, чего не смог еще сделать вчера. Это могут быть новые знания, умения, навыки, отношения и т. д. [7, с. 97].

Организация обучения на основе личностно-деятельностного подхода означает, что все методические решения преподавателя должны преломляться через призму личности обучаемого — его потребностей, мотивов, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей [8, с. 39; 9, с. 72; 10, с. 78; 11, с. 36].

Важным для системы высшего профессионального образования является то, что этот подход также предполагает, что в процессе преподавания иностранного языка преподаватель максимально учитывает национальные, половозрастные, индивидуально-психологические, статусные (то есть положение в учебной группе) особенности студента. Этот учет может осуществляться как через содержание и форму (то есть задание) самих учебно-речевых задач, так и через соответствующий характер общения со студентом, группой. Каждая учебная задача должна быть понята и принята обучаемым.

Очень важным здесь является формирование не только коммуникативной и познавательной потребности студентов в общении с преподавателем, но и учебной потребности в усвоении новых знаний, в формировании более совершенных умений во всех видах речевой деятельности [1, с. 18].

Другими словами, должно быть организовано учебное сотрудничество между преподавателем и студентами. А также и самих студентов между собой в решении учебных задач так, чтобы формировался коллективный субъект и действовал принцип коллективной коммуникативности обучения [8, с. 66].

Таким образом, особенности организации учебно-познавательной деятельности в процессе иноязычной подготовки студентов вузов

определяются на основе личностно-деятельностного подхода и направлены на обеспечение эффективного развития студентов. При этом данный подход открывает большие возможности: позволяет по-новому построить процесс обучения иностранному языку.

Литература

1. Долгалёва Е.Е. Дидактическое обеспечение иноязычной подготовки студентов вузов в учебно-познавательной деятельности: дис. ... канд. пед. наук — Оренбург, 2008. — 184 с.
2. Прокофьева В.Л. Наглядность как средство создания коммуникативной мотивации при обучении устному иноязычному общению // Иностранные языки в школе. — 1990. — № 5.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повышения квалификации пед. кадров / под ред. Е.С. Полат. — М.: Академия, 2001. — 272 с.
4. Введение в философию: Учебник для вузов: в 2 ч. / И.Т. Фролов и др. — М.: Политиздат, 1989. — Ч. 1. — 639 с.
5. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методов исследований // Иностранный язык в школе — 1985. — № 2. — С. 17–24.
6. Успенский Б.А. Язык и культура: Избр. тр.: в 2 т. — М.: Гнозис. — Т. 2. — 1994. — 179 с.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов — М.: Логос, 2003. — 384 с.
8. Козлова Н.Б. Развитие профессиональной компетентности будущего преподавателя иностранного языка в процессе иноязычной подготовки в вузе: дис. ... канд. пед. наук — Магнитогорск, 2003. — 149 с.
9. Кузьмина Н.В. Творческий потенциал специалиста. Акмеологические проблемы развития. Гуманизация образования — Бийск: НИИРАО, 1994. — 154 с.
10. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения — М.: Педагогика, 1981. — 342 с.
11. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению — М.: Рус. яз., 1989. — 222 с.

УДК 378.147:81(045)

Использование технологии «Дебаты» при обучении иностранному языку

ЛЬВОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА

доцент кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета

E-mail: inyaz@fa.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования образовательной технологии «Дебаты» при обучении иностранному языку, которая позволяет решать обучающие, развивающие, воспитательные и коммуникативные задачи. На занятиях дебаты могут использоваться как в целях обобщения, систематизации и закрепления учебного материала, так и для контроля полученных знаний.

Ключевые слова: дебаты на иностранном языке; развитие критического мышления; технология «Дебаты»; формат дебатов; элементы дебатов; языковые коммуникативные умения.

Using Technology «Debate» when Learning a Foreign Language

OLGA V. LJVOVA

Associate Professor, Foreign Languages-1 Department, Financial University

E-mail: inyaz@fa.ru

Abstract. This article discusses the possible use of educational technology «Debate» when learning a foreign language, which allows to solve the educational and communicative tasks, and also the tasks of upbringing and development. Debate in the classroom can be used to summarize, systematize and consolidate the training material, and to act as a control of the knowledge acquired.

Keywords: debate format; debate in a foreign language; elements of debate; language communication skills; technology of «Debate»; the development of critical thinking.

Дебаты зародились в Древней Греции, где они были неотъемлемой частью демократии. В средние века, как и курсы ораторского мастерства, они входили в подготовку студентов университетов и с этого времени часто включаются в систему университетского образования стран Западной Европы и США.

Согласно «Толковому словарю» С.И. Ожегова и «Словарю иностранных слов», «дебаты — это прения, обмен мнениями на каком-либо собрании, заседании» [1, с. 126; 2, с. 147]. Но это не просто свободный обмен мнениями по какому-либо вопросу, это формализованный спор по определенным правилам. Поэтому отличительным признаком дебатов является высокая степень стандартизации: временной лимит выступления каждого участника, четкие ролевые

предписания и объективные критерии оценки выступающих.

Метод «Дебаты» — это универсальная образовательная технология. Он может быть наполнен любым содержанием, использоваться при изучении любой дисциплины, в том числе и иностранного языка, так как является одним из способов развития иноязычной коммуникативной компетенции.

Следует отметить, что к наиболее значимым для дальнейшего обучения и профессионального роста коммуникативным умениям современных студентов можно отнести мастерство публичных выступлений, поскольку на протяжении всей дальнейшей учебы и карьеры их будут оценивать именно по эффективности устного общения с окружающими. Как пишет Е.Н. Зарецкая, большинству учащихся в будущем придется выступать

публично и делать презентации перед коллегами, подчиненными, перед вышестоящими членами совета директоров, перед собранием акционеров, комитетом по продажам, комитетом по управлению, рабочими, клиентами, перед сотрудниками производственных, финансовых и балансовых секторов фирмы и т.д. И в каждом из этих случаев на карту будет поставлена репутация специалиста [3, с. 169].

Изложение собственных мыслей и идей публично, особенно на иностранном языке, — достаточно сложный процесс, как с лингвистической, так и с психологической точки зрения. Часто во время публичного выступления люди не могут структурировать речь, четко сформулировать идеи, спонтанно подобрать необходимые языковые средства, они испытывают скованность, чувство неуверенности и сильно волнуются, что сказывается на их физическом состоянии. Неслучайно в риторике появилось такое понятие, как «ораторская лихорадка» [4].

Являясь образовательной технологией, дебаты позволяют решать следующие задачи:

- обучающие: способствуют закреплению, актуализации полученных ранее знаний, овладению новыми знаниями, умениями и навыками, формируют способность концентрироваться на сути проблемы;

- развивающие: способствуют развитию интеллектуальных, лингвистических качеств, творческих способностей. Дебаты развивают логическое и критическое мышление, позволяют сформировать системное видение проблемы, обнаружить наличие взаимосвязи событий и явлений, рассматривать их с различных позиций;

- воспитательные: способствуют формированию культуры спора, терпимости, признанию множественности подходов к решению проблемы;

- коммуникативные: учебная деятельность осуществляется в межличностном общении, обучение происходит в процессе совместной деятельности.

Такая многофункциональность говорит о неоспоримых достоинствах дебатов и обязана их структуре. Формат дебатов предусматривает участие двух команд, состоящих из трех-четырех человек (Sprecher). Одна команда (Pro-Seite) утверждает тезис (тему дебатов), другая (Gegen-Seite) — опровергает его [5, с. 55].

В зависимости от поставленных целей и задач дебаты на уроках могут приобретать различные

формы. Т.В. Светенко в своей книге «Путеводитель по дебатам» классифицирует дебаты следующим образом.

- «Классические дебаты». Это формат, где участвуют две команды по три человека, а остальные учащиеся являются пассивными слушателями, либо «рецензентами», либо судьями. Однако так или иначе задействовать каждого в таких дебатах трудно, поэтому этот тип имеет довольно ограниченное применение на уроках.

- «Экспресс-дебаты». В них фаза ориентации и подготовки сведена к минимуму. Подготовка осуществляется непосредственно на уроке по материалу учебника. Этот тип использования формата дебатов может рассматриваться как элемент «обратной связи», закрепления учебного материала, либо как форма активизации познавательной деятельности.

- «Модифицированные дебаты». В них используются отдельные элементы формата дебатов, или дебаты, в которых допущены некоторые изменения правил [6, с. 123]. Внесение изменений позволяет вовлечь в работу всю группу. Здесь возможно изменение регламента, увеличение числа спикеров в командах, допускаются вопросы из аудитории, организуются «группы поддержки», к помощи которых команды могут обращаться во время тайм-аутов, создается «группа экспертов», которая может осуществлять функции судейства, подводить итог игры, анализируя аргументацию команд и демонстрируя столкновение позиций, вырабатывать компромиссное решение, что часто бывает необходимо на уроках для реализации учебных целей.

Основные элементы дебатов.

Определение темы. Первый шаг в любых дебатах — формулировка темы. Это непростая задача. «Хорошая» тема должна:

- провоцировать интерес;
- быть сбалансированной и давать одинаковые возможности командам в представлении качественных аргументов;
- иметь четкую формулировку;
- стимулировать исследовательскую работу;
- содержать возможность обсуждения на различных уровнях [6, с. 16].

Тема дебатов формулируется в виде утверждения и не дает преимуществ ни одной из сторон, то есть сторона «за» и сторона «против» могут одинаково эффективно развивать свои аргументы.

Система аргументации. Каждая команда для доказательства своей позиции создает систему

аргументации, то есть совокупность аспектов и аргументов в защиту своей точки зрения, представленных в организованной форме. С помощью аргументации команда пытается убедить жюри, а не противников, что ее позиция по поводу темы — наилучшая.

Поддержки и доказательства. Для создания аргумента тезис выдвигается, затем объясняется, доказывается и резюмируется (делается заключение). Данная логическая цепочка (структура аргумента) может быть представлена следующим образом: тезис (основная мысль, идея) — раскрытие, объяснение данной идеи — доказательство (обоснование и рассуждение) на основе фактов: определений, цитат, законов науки, мнений авторитетных личностей, примеров из окружающей жизни, статистических данных, которые в дебатах носят название «поддержки аргументов» [6, с. 38].

Перекрестные вопросы. Большинство видов дебатов предоставляют каждому участнику возможность отвечать на вопросы. Способность правильно формулировать вопросы и умело отвечать на них во многом определяет эффективность дебатов и является одним из важнейших умений участников. Верно поставленный вопрос дает возможность:

- уточнить точку зрения оппонента;
- получить от оппонента дополнительные сведения;
- лучше понять его отношение к обсуждаемой проблеме;
- снизить значение аргументов оппонента;
- обнаружить пробелы в логической цепочке рассуждений оппонента, то есть в стратегии противоположной команды;
- подготовить опровержение своей команды, то есть наметить стратегическую линию опровержения.

В то же время аргументированный и точный ответ укрепляет собственную позицию участника дебатов, усиливает аргументацию выдвигаемого тезиса и не позволяет нанести серьезный урон стратегии своей команды [6, с. 53].

Существует определенный порядок проведения дебатов. За соблюдением регламента игры следит таймкипер (Time-Keerer), который показывает спикерам, сколько времени осталось до конца выступления или тайм-аута (у него карточки: 2 min, 1 min). Дебаты судит судейская коллегия (Jury), состоящая из 3–5 человек. По ходу дебатов они заполняют особые протоколы и определяют,

чьи аргументы и способ доказательства были наиболее убедительными. У каждого члена команды имеются определенные обязанности, которые, согласно правилам, они выполняют в ходе игры. Выступления первых спикеров носят конструктивный характер, речи вторых спикеров носят опровергающий (развивающий) характер, речи третьих спикеров заключительные (сравнительный анализ позиций сторон) [6, с. 53].

Остальные учащиеся группы помогают составлять кейс своей команде (подбирают материалы) в период подготовки к игре, а во время игры они болеют за свою команду.

Дебаты на иностранном языке (немецком) могут иметь три раунда.

1. *Eröffnungsrunde* (вступительный раунд). Выступают первые спикеры, вопросы не задаются. Время, установленное для каждого спикера — две минуты.

2. *Freie Aussprache* (раунд перекрестных вопросов). Выступают вторые спикеры. Продолжительность раунда — 15 минут.

3. *Schlussrunde* (заключительный раунд). Выступают третьи спикеры с заключительным словом в течение двух минут [5, с. 55].

При обучении иностранному языку дебаты формируют у обучающихся все четыре основных языковых коммуникативных умения — аудирование, чтение, говорение и письмо. Непосредственно перед проведением нужна серьезная предварительная подготовка обучающихся. На этапе подготовки спикеры и группа поддержки анализируют литературу, готовят опорные конспекты, аннотации, тезисы, заметки, подборки цитат, кратко записывают структуру речи, что развивает чтение и письмо. Непосредственно во время дебатов совершенствуются умения аудирования и говорения, а раунды перекрестных вопросов позволяют включить в этот процесс не только спикеров, но и всю группу.

Дебаты учат толерантно относиться к чужому взгляду на проблему. Поскольку участники спора убеждают не друг друга, а третью сторону, то это позволяет им сохранять уважительное отношение к оппонентам. Очень важным является умение не только хорошо говорить и доказывать, но и хорошо слушать и понимать, уметь управлять своими эмоциями, быть объективным и беспристрастным.

Специфика иностранного языка накладывает на оценку дебатов свои особенности. Можно выделить общие критерии оценки:

- аргументированное представление точек зрения;

- умение задавать проблемные вопросы;
- поведение участников дебатов.

Необходимо также учитывать речь учащихся, то есть:

- соблюдение речевого этикета;
- лексическое оформление речи;
- грамматическое оформление речи;
- произношение.

При обучении иностранному языку дебаты могут использоваться как в целях обобщения, систематизации и закрепления учебного материала, так и для контроля полученных знаний. Наиболее целесообразно использовать дебаты на заключительном этапе изучения какого-либо материала или темы.

Очень важно, что дебаты приучают студентов к адекватному использованию языковых клише в публичных выступлениях. Например, в немецком языке к числу наиболее часто употребляемых выражений можно отнести следующие:

*Damit wird verdeutlicht...,
Daraus kann geschlossen werden, ...
Um nur ein Beispiel zu nennen...,
Unter der Bedingung...,
Dabei muss vorausgesetzt werden ...,
Es ist zu erwarten ...,
Daraus lässt sich der Schluss ziehen...,
Auf jeden Fall...,
Wie schon ausgeführt wurde... и ряд других.*

Дебаты также формируют у обучающихся представление о структуре речи. Примером сюжетной речи в дебатах может служить план речи первого спикера: *приветствие слушателей — представление команды и самого себя — вступление (обоснование актуальности темы) — определение понятий темы — выдвижение критерия — аргументация — заключение — благодарность за внимание*. Понимание обучающимися структурных и сюжетных схем речи дебатов позволит им в дальнейшем составить четкий план большинства публичных выступлений.

Технология «Дебаты» базируется на основе следующих принципов: целостность, универсальность, вариативность, ориентация на демократизацию учебного процесса, гуманистический характер и гуманитарная направленность; личностная ориентированность; ориентация на самообразование студентов.

К преимуществам технологии «Дебаты» относятся формирование речевого критического мышления обучаемых, дифференциация содержания учебного материала, обеспечение индивидуализации учебной деятельности, разнообразие форм и методов обучения, формирование обобщенных практических умений учащихся.

Предложенный метод универсален по характеру, самым непосредственным образом нацелен на развитие коммуникативной компетентности и формирует как речевые, так и социальные навыки учащихся.

«Дебаты», являясь педагогической технологией, служат эффективным средством обучения и воспитания, что предопределяет активное применение дебатов в учебном процессе. Умение вести дебаты пригодится в жизни, поможет в развитии критического мышления, научит смотреть на вещи с разных точек зрения, подвергать сомнению факты и идеи, логически выстраивать аргументацию и убеждать, общаться.

Чтобы многого добиться и в науке и в профессиональной жизни, необходимо уметь аргументированно представлять свою точку зрения и парировать аргументы оппонентов.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл. — корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 20-е изд., стереотипное. — М: Рус. яз., 1989. — 750 с.
2. Словарь иностранных слов. — 15-е изд., испр. — М.: Рус. Яз., 1988. — 608 с.
3. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. — М.: Дело, 2002. — 410 с.
4. Попова О.Ю. Психологический аспект обучения публичным выступлениям на иностранном языке // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации / Сост. Н.Л. Шамне, Е.А. Пелих. — Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. — С. 257–262.
5. Mattes W. Methoden für den Unterricht. 75 kompakte Übersichten für Lehrende und Lernende. — Paderborn, 2002.
6. Светенко Т.В. Путеводитель по дебатам: Учебное пособие для педагогов и учащихся. [Электронный ресурс] URL: ru.idebate.org/sites/live/files/Svetenko_book.pdf с.123 (дата обращения: 27. 02. 2014).

УДК 81:378 (045)

Методология исследования денежно-кредитных отношений

ЛАВРУШИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Банки и банковский менеджмент» Финансового университета

E-mail: bnkdelo@fa.ru

КИШЛАКОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

E-mail: nmkishlakova@mail.ru

МАХАМАТОВ ТАИР МАХАМАТОВИЧ

доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

E-mail: maktair@mail.ru

14 ноября 2013 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации состоялось заседание межкафедрального круглого стола, организованного кафедрами «Банки и банковский менеджмент» и «Философия». Он был посвящен анализу философско-методологических основ теорий денежно-кредитных отношений.

Открывая работу круглого стола, заведующий кафедрой «Философия» доктор философских наук, профессор А.Н. Чумаков подчеркнул незаменимую логико-методологическую роль философии в научно-теоретическом познании во всех современных науках и особенно в финансово-экономических [1]. По его словам, в экономической сфере принципы, категории и законы диалектики проявляются во всей своей полноте. Отраднo, что ведущие ученые нашей финансово-экономической науки, одним из которых является О.И. Лаврушин (он же — главный инициатор данного круглого стола), придают большое значение методологической роли диалектики.

С основным докладом на тему «К дискуссии о методологии исследования вопросов теории кредита» выступил заведующий кафедрой «Банки и банковский менеджмент» доктор экономических наук, профессор О.И. Лаврушин. Он отметил, что за относительно небольшую историю экономической науки в теории кредита сформировался ряд крайне противоречивых представлений, отличающихся

друг от друга по принципиальным соображениям. В экономической литературе накопились десятки представлений о сущности, функциях и роли кредита в экономике. Истоки весьма представительного разнообразия заложены в незавершенности исследований кредита, *отсутствии единых методологических подходов* к его анализу. Значительное воздействие на состояние экономической теории кредита оказывает *недостаточное использование* при анализе подходов, заложенных при раскрытии *категорий диалектики*. Важная ответственность лежит и на терминологической стороне вопроса. Именно она оказалась более всего неупорядоченной. Известно и то, что одно и то же слово в экономике может в определенных контекстах использоваться для обозначения совершенно различных процессов.

В этих условиях, прежде чем продолжить исследование, правильнее было бы определиться, о чем в дальнейшем пойдет речь, какое смысловое значение мы при этом имеем в виду. Докладчик полагает, что с помощью категорий диалектики можно было бы достичь более глубокого знания о кредитном отношении, тем самым избежать ошибок при анализе его развития в современном хозяйстве.

Сложность определения сущности того или иного предмета, в том числе кредита, состоит, однако, в том, что у него может быть обнаружено несколько специфических качеств. Поэтому определение, которое дается кредиту с позиции,

например, одного из этих качеств, не может претендовать на всеобъемлющую характеристику сущности, оно является выражением только одной ее стороны. *Важно при этом не спутать специфику предмета со свойствами, которые присущи ему в общем роде явлений.* В противном случае то определение сути, которое мы даем кредиту, окажется настолько общим, что не позволяли выделить то, что свойственно только ему в разряде ряда стоимостных отношений. Неудивительно в этой связи, что такие свойства кредита, как его платность, доверие, хотя и характеризуют кредит, но не выражают его специфики.

Докладчик полагает, что сущность кредита нельзя определить исключительно на базе деятельности одного из участников кредитной сделки. Поскольку кредит — это отношение между кредитором и заемщиком, всегда важно видеть не только специфическую деятельность одного из них, но и отличие их взаимоотношений от других многообразных связей экономических субъектов. Полагаем, что *при раскрытии сущности кредита (как и всякого экономического явления) всегда важно выделение его основы (как главного в сущности), а также самого объекта, который совершает движение между кредитором и заемщиком.*

При анализе кредита важно учитывать и другие требования. Дело в том, что в экономической литературе довольно часто *анализ сущности кредита подменяется анализом сущности банка.* Разумеется, кредит и банк — разные экономические явления. Банк, будучи кредитором и заемщиком, в каждой кредитной сделке тем не менее остается либо кредитором, либо заемщиком, поэтому не выражает сути процесса как целого.

Не менее ошибочным может оказаться и то, что *анализ кредита сводится к характеристике движения банковского кредита.* Между тем *анализ сущности кредита должен в равной степени соответствовать как товарной, так и денежной форме, каждой его форме.*

Следует иметь в виду, что в ходе истории кредита *менялись не сущность, а его формы, методы, с помощью которых организуется движение денег и капитала.* Возникновение новой теории кредита поэтому мы воспринимаем не как попытку обнаружения новой сущности экономической категории в условиях новых технологий в банковском деле, а как стремление по-новому увидеть те возможности, которые предоставляют та или иная современная технология для развития экономики,

для развития денежного оборота и повышения значимости кредита в экономических процессах.

Сущность кредита в условиях современных электронных форм расчетов осталась прежней, изменились возможности общества управлять денежными потоками, использовать более эффективные методы опосредования им экономического оборота.

При раскрытии сути кредита экономисты часто обращаются к исследованиям, проводимым правовой и социальной наукой. Такое обращение нередко бывает плодотворным, ибо позволяет обнаружить новые грани кредита, не замеченные ранее, оценить их с позиции экономической теории и кредитной практики. *Опасно, однако, суть экономического явления подменять его правовой нормой, а экономическую суть кредита выражать с помощью юридических положений.*

Наряду с анализом сущности кредита важно обратить внимание на его функции и роль. Обе эти категории тесно связаны с сущностью. К сожалению, в современной теории денег, кредита и банков при раскрытии функций как проявления сущности *чаще всего обращают внимание не на выявление специфического в их движении, а на многообразие проявления их различных свойств.* В результате функция, например, кредита как специфическое его проявление остается скрытой, зачастую отражающей не его суть, а суть других экономических отношений.

Роль кредита воспринимается не как его назначение, а как результат его далеко не специфического функционирования, как влияние, которое он оказывает на те или иные процессы.

Использование методологии, основанной на анализе категорий диалектики, принципов развития, историзма и системности, бесспорно оказало бы позитивное воздействие на развитие денежно-кредитной теории, дало бы дополнительный импульс развитию современных представлений о деньгах, кредите и банках, позволило бы обществу более правильно использовать их при решении экономических проблем.

Применение общих фундаментальных методологических подходов при анализе общественных явлений может позитивно сказаться на развитии экономической науки о кредите, развеять миф о завершенности анализа его существенных сторон, дать обществу новое, дополнительное теоретическое обоснование той политики, которая проводится в современном хозяйстве.

Резюмируя выступление О.И. Лаврушина, модератор круглого стола А.Н. Чумаков отметил, что оно служит ярким примером единства философии и финансово-экономической науки в области методологии.

Содокладчиком от кафедры «Философия» с темой «Диалектика категориальной структуры учения кредита как теории» выступил доктор философских наук, профессор Т.М. Махаматов. Он отметил, что многие проблемы, о которых говорил в своем выступлении О.И. Лаврушин, связаны научно-эмпирическим и прикладным характером современной науки кредита (подробнее см. [2]). Наука превращается в теоретическую систему лишь тогда, когда она становится системой категорий, отражающих движение и разрешение противоречий предметной области теории и связанных между собой логикой восхождения от абстрактного к конкретному, о чем писали Гегель и К. Маркс. В первую очередь следует подчеркнуть, что кредит как особая форма движения капитала выступает наиболее адекватной формой разрешения противоречий, способствующей сокращению времени оборота последнего.

Содокладчик, исходя из движения капитала $D-T-D$ ($D-T>T-D'$) и кредита $D-D^*$, изложил свое видение логической структуры учения кредита как теории. Исходной категорией теории, отражающей субстанциальную основу кредитных отношений, является категория «деньги». Центральной категорией рассматриваемой теории выступает «процент». Она отражает сущность кредитных отношений. Сущность кредита как особой формы движения капитала благодаря формированию банковской системы, проявляет себя в акционерных обществах, компаниях. Поэтому категорию «акционерное общество» («акционерная компания») можно рассматривать как логически завершающую категорию, отражающую основную форму проявления сущности кредита. Эти три категории образуют основную структуру системы категорий и понятий теории кредита.

Профессор Н.И. Валенцева поддержала необходимость более четкого разграничения понятий экономической науки, обратила внимание на соотношение понятий «содержание» и «сущность» экономических явлений кредитной сферы, ее законов, закономерностей и тенденций развития.

По ее мнению, сущность явлений кредитной сферы раскрывается через категорию «кредит», который выражает отношения между кредитором

и заемщиком по поводу возвратного движения стоимости. Содержание кредитных отношений кроме сущности включает характер кредита и заемщика, формы и виды кредита, организацию кредитной деятельности банка, систему кредитования. Поэтому более правильно использовать термин «содержание», а не «сущность» в отношении отдельных элементов содержания.

Касаясь законов кредитной сферы (законов кредита), профессор Н.И. Валенцева разделила их на две группы — законы, общие для всех сфер производственных отношений, и частные законы кредитной сферы.

Специфика кредитной сферы при этом определяет особенности форм проявления общих законов — законов прибыли, стоимости, экономии времени и пропорционального развития экономики. Так, закон прибыли требует прибыльности кредитной деятельности на уровне банка, его подразделений, кредитных продуктов, кредитных взаимоотношений с клиентом. Закон стоимости реализуется через систему ценообразования на кредитные услуги. Закон экономии времени проявляется в необходимости сокращения трудоемкости кредитных услуг и сокращении времени кредитного обслуживания клиентов банка для обеспечения его конкурентоспособности и прибыльной деятельности. Закон пропорционального развития требует соблюдения в кредитной сфере определенных пропорций между объемами кредитных вложений и депозитных ресурсов, темпами роста кредитных вложений и объема ВВП, сбалансированности структуры активов и ресурсов банка.

Частные законы кредитной сферы (закон возвратности средств, закон экономического предела кредитования) отражают устойчивые связи и взаимозависимости между явлениями кредитной сферы.

Закон экономического предела кредитования требует соблюдения количественных и качественных границ кредита. Количественные границы определяются темпами роста ВВП и его составных элементов, источниками погашения долга заемщиком, соотношением у него денежного притока и оттока средств; качественные — ростом кредитных ресурсов и их структурой, особенностями кругооборота фондов заемщика, пропорциями между собственным капиталом заемщика и привлеченными ресурсами, размером ссуды и ее обеспечением, кредитными вложениями и объектом кредитования.

В своем выступлении профессор Н.И. Валенцева коснулась и закономерностей и тенденции развития кредита. К ним она отнесла поступательное пропорциональное развитие кредита, а также концентрацию кредита.

Рассматривая проблемы развития методологии научного познания, доцент Н.Е. Бровкина отметила, что метод научной абстракции позволяет прийти к теоретическому обобщению путем отвлечения от многообразия проявлений исследуемого объекта, выделить его необходимые, существенные особенности. В результате последовательного восхождения от абстрактного к конкретному, как в своем выступлении отметил профессор Т.М. Махаматов, возможно перейти к исследованию более конкретных экономических категорий, категорий следующего уровня абстракции (подробнее см. [3]).

Применение метода научной абстракции позволяет, в частности, исследовать кредитный рынок как экономическую категорию, то есть как абстрактное выражение реально существующих отношений, и выделить повторяющиеся существенные стороны, имманентно присущие кредитному рынку во времени и пространстве.

В своем выступлении профессор кафедры «Философия» Н.М. Кишлакова обратила внимание на тот факт, что в рамках общего «прохладного» отношения представителей социальной философии к проблеме денег следует особо выделить точку зрения Г. Зиммеля. Рассматривая общество в качестве различных форм и правил взаимодействия индивидов и социальных групп, он уделял в них особое место социальной роли денег. Определял деньги как субстанцию экономического обмена, имеющую две формы проявления. Одна из них — это технический механизм обеспечения обмена товаров и услуг, а другая — специфический социальный институт, обеспечивающий условия интеграции людей и регулирующий их деятельность по определенным стандартам и правилам на единой территории. Кроме того, Зиммель видел в деньгах инструмент укрепления индивидуальной свободы, основу гражданского общества и определял деньги также как субстанцию социального обмена.

Поддерживая тезисы основного докладчика и содокладчика о целесообразности применения методов диалектики для исследования феномена кредита, доцент А.М. Сафаров обратил внимание на необходимость последовательного использования принципа историзма в исследовании кредита

и банковской системы, позволяющего глубже изучить сущность, содержание, функции кредита, его современные тенденции, развитие субъектов и объектов, предвидеть перспективы, прогнозировать будущие последствия развития кредитных отношений. Он обратил также внимание на важность глубокого изучения роли субъективного фактора в развитии кредита и банков.

Профессор Н.Э. Соколинская в своем выступлении остановилась на роли системного подхода к исследованию денежно-кредитных отношений. По ее мнению, данный подход позволяет глубже понять особенности посткризисного развития мировой финансовой системы, обобщить и раскрыть трансформацию сущностных свойств кредита в современном мире. Особенность системного подхода состоит в возможности единого подхода к определению и анализу всех денежно-кредитных категорий и отношений, дает возможность находить границы действия каждой категории и ее проявлений на практике, обозначить взаимосвязи между ними, выявить и внести необходимые корректировки в изменение ее влияния на конкретном историческом этапе или конкретном отрезке времени.

Профессор кафедры «Философия», доктор философских наук М.М. Скибицкий в своей реплике обратил внимание участников круглого стола на связь выводов теории кредита с практикой, с ростом благосостояния населения.

В трактовке сущности кредита, как полагает старший преподаватель, кандидат экономических наук А.Е. Ушанов с течением времени может уточняться лишь наличие в ее *определении* отдельных элементов, составляющих *основу* категории (возвратность, доверие, платность); сама же суть трактовки категории неизменна, меняться может проявление сущности, но не сама ее суть. Поддерживая слова Т.М. Махаматова, что категории научной теории должны отражать диалектику объективных противоречий, подчеркнул методологическое значение в современных условиях такой категории диалектики, как «противоречие». Автор согласился также с тезисом профессора М.М. Скибицкого о том, что цель всех дискуссий по теории денежно-кредитных отношений — применение их результатов на практике. Иначе они останутся дискуссиями ради дискуссий. По его мнению, вопрос об использовании категорий диалектики для более глубокого понимания сущности, функций и роли экономических категорий — денег,

стоимости, кредита — является настолько важным, что требует продолжения исследований.

В своем выступлении профессор кафедры «Философия» З.Д. Деникина остановилась на нравственно-этических и социальных аспектах денежно-кредитных отношений.

На заседании круглого стола были обсуждены и другие проблемы. Профессор М.А. Абрамова остановилась на необходимости дальнейшего развития теории денег и кредита. Профессор Ю.А. Кропин остановился на важности политэкономии в формировании научных представлений о кредите. Доцент А.Н. Новиков осветил некоторые актуальные вопросы денежной теории, в том числе он полагает, что «кредит» должен «естественным образом вытекать из раскрытия содержания денежного оборота и отношений, опосредуемых деньгами». Он поддержал позицию профессора Т.М. Махаматова, что процент как особая форма прибыли является сущностью кредита. Старший преподаватель О.В. Мосолова защищала тезис о том, что залог относится к ряду дополнительных экономических категорий, а аспирантка Д.П. Хрисанфова к их числу отнесла и банковский продукт, отражающий интересы специфических производителей и клиентов.

В заключение работы круглого стола профессор О.И. Лаврушин высказал пожелание продолжить творческое сотрудничество между финансово-экономическими кафедрами и кафедрой «Философия». Профессор А.Н. Чумаков поблагодарил

О.И. Лаврушина за инициативу проведения данного мероприятия и подчеркнул, что подобные научные контакты очень полезны философам, так как способствуют сближению философии с практикой, помогают рождению новых философских идей и концепций (подробнее см. [4]). Учитывая пожелания чаще проводить философско-методологические круглые столы или семинары, прозвучавшие в выступлениях, О.И. Лаврушин и А.Н. Чумаков, с единодушного согласия участников круглого стола, договорились регулярно проводить межкафедральные философско-методологические мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумаков А.Н. Гуманитарный прорыв в будущее // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2011. — № 2. — С. 121–124.
2. Кишлакова Н.М., Махаматов Т.М. Финансово-экономические и гуманитарные вызовы глобализации: международные и национальные аспекты // Век глобализации. — 2014. — № 1 (13).
3. Махаматов Т.М. Критика постмодернизма: вперед к классической философии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2011. — № 3. — С. 109–111.
4. Чумаков А.Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. — 2011. — № 2. — С. 174–180.

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

5–6 июня 2014 года

Кафедра «Философия»

Международная научно-практическая конференция

ИММАНУИЛ КАНТ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Адрес проведения мероприятия: г. Москва, Ленинградский пр., д.55 .

Контакты: +7-499-922-3421, e-mail: philos.fa@mail.ru

Поздравляем заведующую кафедрой «Иностранные языки-1» Татьяну Владимировну СЕДОВУ с юбилеем!

Уважаемая Татьяна Владимировна!

В Вас удивительным образом соединились дар ученого, внимательного преподавателя и великолепного организатора! Мы ценим Вас за профессионализм, открытость и умение оперативно решать любые проблемы! Желаем Вам крепкого здоровья, творческого долголетия и неиссякаемой энергии!

*Редколлегия
Совет по гуманитаризации
Коллеги и друзья*

Татьяна Владимировна Седова родилась 31 января 1964 г.

В 1986 г. окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза (МГЛУ) по специальности «Иностранные языки» (французский и английский языки). Кроме того, она имеет диплом (с отличием) бухгалтера промышленных предприятий.

Трудовую деятельность Татьяна Владимировна начала еще в студенческие годы, работая гидом-переводчиком в компании «Интурист».

По окончании института Т.В. Седова работала в должности экономиста в Центре международных расчетов Министерства гражданской авиации. Пятилетний опыт работы с договорами и расчетными документами международного уровня пришёлся как нельзя кстати в первые годы преподавательской деятельности.

Опыт общения с людьми, полученный во время работы с группами иностранных туристов, и опыт работы с документами, полученный в ЦМР Аэрофлота, в совокупности с педагогическим профессиональным образованием позволили Татьяне

Владимировне Седовой состояться в педагогической профессии.

Все 22 года педагогического стажа Т.В. Седовой посвящены Финуниверситету. Придя на кафедру иностранных языков в 1991 г., она прошла путь от преподавателя до заведующего кафедрой.

В 2003 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по теме «Информационно-образовательные технологии как средство повышения качества обучения студентов вуза». В 2012 г. Татьяне Владимировне присвоено ученое звание доцента.

Постоянное стремление Т.В. Седовой быть *citius, altius, fortius* (быстрее, выше, сильнее) в профессиональной деятельности не позволяет ей стоять на месте. Она является экспертом французских экзаменов DELF/DALF (уровни А1-С1), а также экспертом экзамена по деловому французскому языку Торгово-Промышленной палаты г. Парижа. Кроме того, Т.В. Седова имеет квалификацию эксперта ЕГЭ по французскому языку.

В 2013 г. Приказом Департамента образования г. Москвы Т.В. Седова назначена заместителем председателя предметной комиссии для проведения ЕГЭ по французскому языку.

В своей работе постоянно использует новые прогрессивные формы работы, включает в учебный процесс дидактические и методические интернет-материалы, разработанные ведущими методистами преподавания французского языка как иностранного, мотивирует студентов в сфере их профессиональных интересов систематически и аналитически работать с аутентичной литературой.

Татьяна Владимировна является автором и соавтором учебных пособий по французскому языку для студентов бакалавриата, а также Дидактических материалов для подготовки к ГИА по французскому языку.

Принимая участие в международных и всероссийских научно-практических конференциях, выступая с докладами на научных конференциях в России и за рубежом (Болгария, Чехия, Беларусь) Т.В. Седова снискала себе уважение и признание в отечественном и зарубежном профессиональном сообществе.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Департамент языковой подготовки
Кафедра «Иностранные языки-1»
Кафедра «Региональная экономика и экономическая география»
при поддержке
Французского института в России и Посольства Франции в РФ

*4-я Международная франкофонная научно-практическая конференция
студентов и молодых ученых*

ФРАНСФИНАНС **«Устойчивое развитие: проблемы и пути реализации»**

Москва, 17 апреля 2014 г.

Конференция проводится при участии независимых экспертов – представителей бизнеса России и Франции, преподавателей кафедры «Иностранные языки-1» и специальных кафедр Финансового университета.

Предполагается работа следующих секций:

- 1 секция:** Переход к устойчивому развитию (УР) на региональном, национальном и мировом уровнях.
2 секция: Финансовая политика и экономические механизмы обеспечения УР.
3 секция: Новые модели производства и потребления в рамках концепции УР.
4 секция: Эко-университет – модель высшего учебного заведения будущего.
5 секция: FRANFINANCE-JUNIOR
- Зеленая экономика
 - Выбор продуктов питания и обусловленные им экологические последствия
 - Эко-школа – школа будущего

Рабочий язык конференции – французский.

Для регистрации зайдите по ссылке: <http://goo.gl/7xnjce> и заполните анкету. После отправки сохраните ссылку на анкету для внесения возможных исправлений.

Контакты: **Козаренко Ольга Михайловна**, доцент кафедры «Иностранные языки-1»
тел. моб. **8 (916) 173-21-77**. E-mail: okozarenko@gmail.com.

*Информация о конференции размещена на сайте кафедры «Иностранные языки-1»
Финансового университета: <http://www.fa.ru/chair/fl/research/Pages/students-research.aspx>.*